

Научный симпозиум
«Проблемы национально-государственного строительства
в истории России и СССР» проведен
при поддержке ООО «ЕвроСибОйл»

“ЕвроСибОйл”

<http://www.eurosiboil.com>
e-mail: koms@eurosiboil.com

MAGNA ADSURGIT: HISTORIA STUDIORUM 2017, №1

ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Magna adsurgit: historia studiorum

Великая степь:
исторические исследования

2017, №1

Magna adsurgit:
historia studiorum

Великая степь:
исторические исследования

2017, №1

Magna adsurgit: historia studiorum

Научный журнал

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Основан в 2016 году

Выходит 2 раза в год

№1, 2017

ISSN 2541-9749

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

E-mail: ochirovub@kigiran.com

Главный редактор:

Очиров У.Б., д.и.н., доцент

Зам. главного редактора:

Бакаева Э. П., д.и.н., доцент,

Лиджиева И.В., к.и.н.

Ответственный секретарь:

Сартикова Е.В., д.и.н., доцент

Члены редколлегии:

Максимов К.Н., д.и.н., профессор, **Батырева С.Г.**, д.иск., доцент

Бадмаева Е.Н., д.и.н., доцент, **Тепкеев В.Т.**, к.и.н.

Адрес редакции: 358000, Россия, г. Элиста,

ул. Илишкина, д. 8, оф. 147. КалмНЦ РАН.

E-mail: magna-adsurgit@yandex.ru.

Адрес в интернете: <http://kigiran.com/pubs/index.php/history>

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателям	5
Приветствие Главы Республики Калмыкия А.М. Орлова . . .	6
Приветствие Президента ООО «ЕвроСибОйл» Н.Г. Саттарова <i>Бадмаева Е.Н.</i> Научная школа профессора К.Н. Максимова и его выдающийся вклад в российскую историческую науку	7 9
<i>Цуцулаева С.С.</i> Ликвидация национальной государственности калмыков и их депортация в исследованиях профессора К.Н. Максимова	20
<i>Тепкеев В.Т.</i> Политическое состояние русско-калмыцких отношений в конце XVII в.	25
<i>Ряжев А.С.</i> Неопубликованные документы 1777 г. об отсылке крещёного пленника бакинскому хану (из переписки Св. Синода и Коллегии Иностранных дел)	32
<i>Белусов С. С.</i> Войны на Юге России и их влияние на формирование этносоциальной и конфессиональной структур населения Северо-Западного Прикаспия в XVIII в.	41
<i>Лиджиева И.В.</i> «Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» как источник по истории кочевых инородцев степного Предкавказья	49
<i>Оконова Л.В.</i> Сословная структура населения Калмыцкой степи Астраханской губернии в XIX веке по материалам сводных годовых отчетов	56
<i>Максимов К.Н.</i> Альтернативы в строительстве национальной государственности XX в. и значение их в исторической судьбе калмыцкого народа	64
<i>Гунаев Е.А.</i> О формах политической и административной автономии национально-территориальных образований в советский период (на примере калмыков)	74
<i>Максимов Г.К.</i> Советское избирательное право в период новой экономической политики и закрепление его в Конституции РСФСР 1925 года	82
<i>Сартикова Е.В.</i> Партийная организация Калмыкии в борьбе за ликвидацию неграмотности населения (1920–1930-е гг.)	94
<i>Согданова З.Г., Оконов Б.А.</i> Народные избранные Советов депутатов трудящихся: кадровый состав Улан-Хольского, Троицкого и Западного улусного Советов. 1939–1943 гг.	104

Заярный С.А., Очиров У.Б. Отход частей 110-й ОККД после боев на Дону в июле 1942 г.	111
Кринко Е.Ф. Национально-государственные преобразования в СССР в годы Великой Отечественной войны	121
Осмаев А.Д. Повседневная жизнь города и села Чеченской республики в 2000-е гг. (на примере г. Грозный и с. Старые Атаги)	131
Сангаджиева Д.В. Тронное кресло императрицы Александры Фёдоровны – дар от калмыцкого народа	142
Четырова Л.Б. От номадов к горожанину: преобразование российских калмыков	150
Ханинова Р.М. Белорусско-калмыцкие литературные связи: Филипп Пестрак и Максим Танк в сентябре 1940 г.	158
Сведения об авторах	166

Дорогой читатель!

В августе 2017 г. исполнилось 80 лет нашему коллеге, известному ученому, Заслуженному деятелю науки Российской Федерации, доктору исторических наук, профессору Константину Николаевичу Максимову. Этой дате был посвящен научный симпозиум «Проблемы национально-государственного строительства в истории России и СССР», прошедший в г. Элисте 13–14 сентября 2017 г.

Российское государство исторически формировалось как многонациональное. В XX веке в России и Советском Союзе происходили активные процессы государство- и нациестроительства. С Великой Российской революцией начался период реформ в национально-государственном устройстве страны, сопровождавшийся образованием административно-территориальных и национально-государственных автономий. Создание национально-государственных образований в составе федеративного государства являлось знаменательным шагом в преодолении неравенства народов бывшей Российской империи. С распадом СССР в 1991 г. и «парадом суверенитетов» начался новый период в истории национально-государственного строительства в России.

Актуальность проблем, заявленных к обсуждению на симпозиуме, не вызывает сомнений, поэтому редакционная коллегия журнала «Magna adsurgit: historia studiorum» (Великая степь: исторические исследования), считая, что они вызовут особый интерес у читателей, приняла решение опубликовать материалы симпозиума в данном выпуске.

Основная часть статей в журнале расположена по хронологическому принципу. Их предваряют доклады, посвященные жизни и деятельности юбиляра – профессора К.Н. Максимова, и его вкладу в российскую науку.

Главный редактор У.Б.Очиров

Глубокоуважаемый Константин Николаевич!

Примите мои самые теплые и сердечные поздравления со славным юбилеем – 80-летием со дня рождения.

Ваш жизненный путь – яркий пример беззаветного служения науке и Отечеству. Профессионализм, широкая эрудиция, необычайное трудолюбие, ответственность и преданность своему делу позволили Вам стать известным ученым-историком, снискали высокий авторитет в российском академическом сообществе. В научном мире широко известны Ваши фундаментальные труды в области государственного строительства, национальной политики, военной истории. Благодаря Вашей многолетней научной, организаторской и педагогической деятельности сформировалась когорта учёных, педагогов, государственных и общественных деятелей, внесших и продолжающих вносить большой вклад в социально-экономическое и духовное развитие Республики Калмыкия.

В непростые, переломные для нашей страны годы Вы работали на ответственных должностях в высших органах государственной власти Калмыкии, где проявили себя как компетентный и авторитетный руководитель с активной гражданской позицией, творческим и системным подходом в работе. И вполне закономерно, что, учитывая Ваш большой научный и государственный опыт, Вас включили в рабочую группу по разработке и принятию Федеративного договора и Конституции России. Возглавляя Народный Хурал Республики Калмыкия, Вы принимали непосредственное участие в законотворческой работе законодательного органа республики. Являясь членом Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, достойно представляли Калмыкию на федеральном уровне, активно и смело защищали интересы степного региона и ее многонационального народа.

Сегодня, занимаясь своим любимым занятием – наукой, Вы находитесь на небывалом творческом подъеме, в неустанном научном поиске, окруженные благодарными учениками и последователями. А значит, в скором времени, уверен, появятся ваши новые интересные и содержательные книги, которых с нетерпением ждут все почитатели вашего многогранного и яркого таланта. Пусть осуществляются все Ваши творческие задумки и планы!

От всей души желаю Вам, дорогой Константин Николаевич, крепкого здоровья, счастья, благополучия, неиссякаемого творческого горения, всего самого доброго в жизни!

**Глава Республики Калмыкия
А.М. Орлов**

Дорогие друзья!

Калмыцкий народ имеет богатейший опыт своего государственного строительства в составе Российского государства с учетом общегосударственных и национальных интересов.

Страницы истории свидетельствуют о том, что до начала XX в. калмыки, даже утрачивая свою государственность, сохраняли в различных формах право на самоуправление, основанное на синтезе традиций управления и российских норм права. В ходе событий Великой российской революции калмыцкий народ получил областную автономную форму управления, которая в дальнейшем была трансформирована в Калмыцкую автономную советскую социалистическую республику.

Национальная государственность является формой осуществления права наций на самоопределение воплощения суверенитета. Это величайшее достояние народа, которое позволяет в полном объеме реализовать его возможности во всех сферах общества.

Пусть Ваша деятельность послужит дальнейшему процветанию всех народов республики!

**Президент нефтяной компании
ООО «ЕвроСибОйл»
Н. Г. Саттаров**

НАУЧНАЯ ШКОЛА ПРОФЕССОРА К.Н. МАКСИМОВА И ЕГО ВЫДАЮЩИЙСЯ ВКЛАД В РОССИЙСКУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ

Бадмаева Е.Н.¹

¹ доктор исторических наук, доцент, заведующая отделом истории Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста).
E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена Константину Николаевичу Максиму – видному общественно-политическому деятелю, Заслуженному деятелю науки РФ, доктору исторических наук, профессору, основателю признанной и авторитетной в российской науке научной школы «Калмыкия в истории России в XVII–XXI вв.». Раскрывается его выдающийся вклад в российскую историческую науку.

Ключевые слова: научная школа, профессор, К.Н. Максимов, Калмыкия в истории России.

В настоящее время в исторической науке Калмыкии сложилась и успешно работает научная школа известного российского ученого, доктора исторических наук, профессора К.Н. Максимова «Калмыкия в истории России в XVII–XXI вв.». Константин Николаевич является главенствующей фигурой и стержнем данной научной школы, обладает не только незаурядными качествами ученого, необходимыми для научной деятельности (личным авторитетом исследователя, способностью генерировать идеи), но и исключительными организаторскими способностями, такими, как умение распространять научные идеи среди своих коллег, актуализировать проблемы, нацелить исследовательский коллектив на весьма интенсивную научную деятельность.

Маститый ученый в рамках научной школы объединил группу учеников, разделяющих его научные идеи и традиции школы, общие теоретические принципы и методологию исследования. Профессор К.Н. Максимов стремится сформировать из числа начинающих исследователей (студентов, аспирантов, молодых сотрудников) научных, а во многом и мировоззренческих единомышленников. Как лидер и наставник он целеустремленно и постоянно пополняет группы своих последователей, вовлекает их в лабораторию историка-исследователя, учит методике и

технике анализа исторических источников. Ученики и последователи К.Н. Максимова работают в русле научных интересов своего наставника, расширяя тематику его поисков, овладевая методами научного исследования, присущими ему. В научной школе царит творческая атмосфера, идет неустанный поиск новых идей, кропотливый анализ архивных, письменных и других источников, происходит непосредственный обмен научной информацией и опытом работы; ученые постоянно работают над повышением своей квалификационной эрудиции. В этом отношении данную научную школу можно рассматривать как неформальное творческое содружество исследователей разных поколений, сплоченных общим стилем исследовательской деятельности. Это не аморфная совокупность ученых, а целостный организм, который воспроизводит себя через систему внутри научного общения и образования. На сегодня это сформировавшийся научный коллектив, завоевавший известность в российском историческом сообществе оригинальностью и высоким уровнем исследований, устойчивостью научной репутации и традиций, преемственностью поколений в ходе подготовки научных кадров высокой квалификации.

За последнее десятилетие в рамках научной школы подготовлены высококвалифицированные кадры историков – доктора наук Е.Н. Бадмаева, Е.В. Сартикова. Целая когорта аспирантов и соискателей под научным руководством мэтра калмыцкой науки защитила в разные годы кандидатские диссертации. В настоящее время несколько его учеников и последователей работают над завершением докторских и кандидатских квалификационных работ по исследуемой научной проблематике. Воспитанники Константина Николаевича трудятся в основном в КалмНЦ РАН, а также в КалмГУ и других научных и образовательных учреждениях страны.

Важнейшей характеристикой любой научной школы, как известно, является активная научная работа, связанная с разработкой определенных научных проблем, с проведением тематических конференций по одному из научных направлений. Творческий коллектив под руководством К.Н. Максимова в течение продолжительного времени разрабатывает единую исследовательскую программу по следующим направлениям:

1. Интеграция номадов с народами России и трансформация их в состав Российского государства в XVII в.;
2. Кочевые народы в едином жизненном и общеисторическом пространстве России. Переход их к оседлости;
3. Монголоязычные народы России на защите Отечества и геостратегических интересов России.
4. Калмыкия в XX и XXI вв.

Область научных интересов научной школы весьма обширна: интеграция номадов с народами России, кочевые народы, оседлость, монго-

лоязычные народы, 1-я мировая война, национально-государственное строительство, репрессии, коллективизация, Великая Отечественная война, депортация и реабилитация, казачество, Калмыкия в годы застоя и перестройки, Республика Калмыкия на современном этапе.

Одним из главных итогов научно-исследовательской деятельности научной школы К.Н. Максимова является фундаментальный научный труд «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» [История 2009, т. 1, 2, 3]. Данная работа написана на базе детального изучения солидного массива разнообразных источников, с учетом опыта предыдущего поколения историков. Основной костяк авторов трехтомного труда составили, кроме К.Н. Максимова, его ученики и коллеги по отделу истории КалмНЦ РАН. Фундаментальный научный труд стал значительным научным и общественно-политическим событием в жизни Республики Калмыкия, в российской исторической науке.

Научная школа провела ряд представительных и значимых научных конференций, симпозиумов, круглых столов по актуальным проблемам отечественной истории:

– Международную научно-практическую конференцию «Россия и Центральная Азия: Историко-культурное наследие и перспективы развития» (13–14 сентября 2006 г.);

– Всероссийскую научную конференцию «Участие народов России в Отечественной войне 1812 года», посвященную 200-летию победы в Отечественной войне 1812 г. (11–14 сентября 2012 г.);

– Всероссийскую научную конференцию «Вклад народов Юга России в Победу в Великой Отечественной войне», посвященную 70-летию Великой Победы (24 апреля 2015 г.);

– Региональную научно-практическую конференцию «Участие калмыков в укреплении российской государственности», посвященную 1150-летию российской государственности и Году российской истории (29 ноября 2012 г.);

– Республиканскую научно-практическую конференцию «Политические репрессии калмыцкого народа в 1943–1957 гг.: история и современность», посвященную 65-летию депортации калмыцкого народа и 50-летию восстановления его национальной государственности (30 декабря 2008 г.) и др.

Руководитель научной школы К.Н. Максимов – признанный в российском научно-историческом сообществе авторитет в области изучения проблем национально-государственного строительства, федерализма, федеративных отношений, национальной политики Российского государства. По этой сложной научной проблематике им написаны монографии «История национальной государственности Калмыкии (начало XVII–XX вв.)» [Максимов 2000]; «Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII – XX вв.)» [Мак-

симов 2002], изданная также на английском языке в Будапеште – Нью-Йорке [Maksimov 2008], и ряд научных статей.

В последней из названных монографий профессор проанализировал государственную политику царской власти к нерусским народам, вошедшим в Российскую империю, рассмотрел историю и механизм взаимоотношений и взаимодействия России и Калмыкии с момента прихода ойратов на сибирские и волжские земли, детально остановился на вхождении калмыцкого народа в состав Российского государства. Отметил, что национальная политика России по отношению к калмыкам не была последовательной, она менялась в зависимости от конъюнктуры и собственной выгоды царского правительства. Прежде всего, имперские власти преследовали свои политические и военные цели, использовали кочующих номадов как союзников в борьбе против иноземных врагов и защитников своих южных границ. Калмыки, войдя в состав России, постепенно адаптировались к новой внутривосточной социально-экономической ситуации, интегрировались в общероссийскую имперскую систему государственно-административного управления. Исследователь детально изучил образование и развитие управленческих структур Калмыкии на протяжении четырех столетий. Значительное внимание в работе он уделил национально-государственному строительству Калмыкии в советский и постсоветский период, деятельности местных органов власти и управления, трагическим и светлым страницам недавней истории (упразднению автономии советского типа калмыцкого народа в 1943 г. и ее восстановлению в 1957 г.), современному периоду развития национальной государственности.

Продолжением научных изысканий ученого в данном исследовательском направлении стала монография «Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии» [Максимов 2013]. Исследование является результатом глубоких исторических изысканий по истории Отечества, которая прослеживается на примере истории отдельно взятого региона – Калмыкии. Использование и введение в научный оборот неизвестных архивных документов, широкого круга научной литературы и источников – отечественных, эмигрантских и зарубежных историков, законодательных актов, периодической печати, работ и мемуаров политических и военных деятелей, воспоминаний непосредственных участников описываемых событий позволили исследователю по-новому взглянуть на, казалось бы, хорошо известные события.

В монографии комплексно рассматривается история национальной республики в советскую эпоху, занимающей особое место в истории и в жизни ее многонационального народа. Дан объективный историко-политологический и историографический анализ форсированной социалистической модернизации в деревне, ее методов, результатов и последствий, решения национального вопроса в СССР, драматических событий

Великой Отечественной войны и незаконной депортации калмыцкого народа, политики советского и российского государства в вопросах реабилитации репрессированных народов. Им обстоятельно рассмотрено октроирование Калмыкии административной автономии в виде автономной области и автономной республики. Ученый основательно исследовал политические репрессии в Калмыкии, которые коснулись не только калмыцкой деревни, но и партийную номенклатуру, духовенство, творческую интеллигенцию. Основным обвинением, выдвинутым против правящей, духовной элиты республики, было обвинение в национализме и даже в отдельных случаях в сепаратизме. Многие из виновных были расстреляны или посажены в тюремные лагеря. Исследователь называет намеренное уничтожение представителей калмыцкого крестьянства, партийно-государственной элиты, интеллигенции парадоксом советской национальной политики, который «заключался в том, что советская власть, октроировав многим народам национальную государственность, с большими затратами создав необходимые условия для преодоления отставания в экономическом, образовательном отношении, подъема их благосостояния, в годы репрессий, «большого террора» истребила опытных, квалифицированных руководителей, хозяйственников, наиболее подготовленную интеллигенцию, грамотных специалистов отраслей народного хозяйства» [Максимов 2013].

Автор монографии подверг непредвзятому анализу истоки и причины коллаборационизма небольшой части калмыцкого населения в военные годы. С этой целью ученый рассмотрел социально-экономическое развитие Калмыкии в предвоенные годы, национальную политику советского государства, отношение власти к крестьянству. Причины и условия политического, правового и социального характера, способствовавшие коллаборации, берут свое начало еще с довоенных лет и, по сути, являются реакцией на насильственную коллективизацию и репрессии сталинского режима. Также среди перешедших на сторону врага и сотрудничавших с ним, были те, кто действительно верил в «освободительную» и «культурную» роль Германии в борьбе против сталинизма. Некоторые коллаборационисты из числа лиц калмыцкой национальности мечтали о создании свободной от большевизма калмыцкой республики. Отдельные граждане пошли на сотрудничество с оккупантами ради карьеры, личного мщения, возврата утраченной частной собственности и т.п., но большинство из них ради собственного выживания и сохранения жизни своим близким и родным. Коллаборационисты составляли лишь малую часть калмыцкого народа.

Десятки тысяч воинов-калмыков героически сражались на фронте, самоотверженно трудились в тылу. Профессор на основе скрупулезного изучения материалов архивов, партийно-государственных документов, убедительно доказал необоснованность предъявленных обвинений все-

му калмыцкому народу в измене и бандитизме, во вредительстве при эвакуации скота, имущества, при восстановлении разрушенного войной народного хозяйства. Неоспоримые факты, имеющиеся у исследователя и приведенные в качестве аргумента в монографии, позволили К.Н. Максимова сделать один непреложный вывод: «...у руководства советского государства и компартии действительных причин для тотального обвинения отдельных народов СССР в коллаборационизме в годы Великой Отечественной войны, по существу, не имелось... принудительно высылая их безвозвратно, оно преследовало политические, идеологические и экономические цели» [Максимов 2013].

Депортируя некоторые малочисленные народы, высшее руководство страны хотело переложить на них свои промахи и неудачи, потерю людских и материальных ресурсов в начальный период войны. Одной из основных причин депортации репрессированных народов, по мнению ученого, является вовсе не коллаборационизм отдельных народов, а экономическая составляющая. Сталину, в условиях оккупации значительной части территории страны, истощенности природных ресурсов в освобожденных и незанятых врагом местностях, депортация народов нужна была для пополнения трудовых ресурсов районов Урала, Сибири, Дальнего Востока и увеличения производства и вывоза оттуда металла, руды, угля, леса, зерна, рыбы, мясопродуктов. Государство за счет насильственно перемещенных на спецпоселения целых народов, больших групп людей в организованном порядке, под гласным надзором карательных органов, пыталось решить неотложные экономические проблемы и ускорить победоносное завершение войны [Бадмаева 2014: 185].

В книге К.Н. Максимов продолжил, с привлечением новых материалов, исследование нелегкой жизни калмыков-спецпереселенцев в сибирской ссылке, рассказал о тяжелых испытаниях, выпавших на их долю. Он вполне обоснованно обращается к такой важной проблеме, как вопрос о реабилитации репрессированных народов. Фактически в книге представлена – в сконцентрированном виде – реализация Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», ставшего важным шагом на пути полного восстановления исторической справедливости в отношении репрессированных в годы войны народов.

В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. с началом процесса демократизации страны и общества у исследователей появилась возможность прикоснуться к ранее запретной теме – политической истории 1920–1940-х гг. Этот интерес был связан с началом рассекречивания ранее недоступных архивных материалов, при изучении которых появилась возможность по иному, без официальных идеологических штампов, взглянуть на многие события советской истории, в частности, на массовые политические репрессии в СССР в предвоенные годы.

К.Н. Максимов тщательно изучил документы, найденные в архивах, ознакомился с отечественной и зарубежной литературой по данной теме. Результатом этих научных изысканий стала монография «Трагедия народа. Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е гг.» [Максимов 2004], изданная в издательстве «Наука». В этой работе ученый попытался выявить сущность, масштаб и последствия репрессивной политики Советского государства в целом и как одну из ее составных частей – политические репрессии. С этой целью он подробно рассмотрел репрессии против крестьян в ходе социалистических преобразований в деревне; расправу с интеллигенцией, духовенством и управленческими кадрами в рамках развернутой кампании борьбы с инакомыслием, религией и вредительством; политические репрессии 1934–1938 гг. Калмыцкий народ был одним из 61 народа и этнической группы, которые в годы Великой Отечественной войны по необоснованному обвинению были насильственно депортированы в восточные районы страны. Политическим репрессиям впервые за годы советской власти подверглись не отдельные социальные группы по классовой принадлежности, а целые народы по национальному признаку. Это была огромнейшая трагедия для всех репрессированных народов, переживших по вине государства невероятные тяготы, лишения и гибель родных людей. Только демографические потери калмыцкого народа за первые 4 года ссылки, по подсчетам К.Н. Максимова, составили без малого треть от числа высланных [Максимов 2004: 283].

К.Н. Максимов – известный исследователь военной истории калмыков, казачества. Константин Николаевич вместе со своим коллегой доктором исторических наук У.Б. Очировым рассмотрели и изучили участие калмыков в составе русской армии в войнах против Наполеона в монографии «Калмыки в наполеоновских войнах» [Максимов, Очиров 2012]. Ратным подвигам калмыцкого народа посвящена монография К.Н. Максимова, вышедшая в Германии: «Калмыкия в войнах России в первой половине XX века. В контексте военной истории России XX века» [Максимов 2016а]. В 2007 г. в издательстве «Наука» вышла монография К.Н. Максимова «Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки», вновь переизданная в дополненном виде в том же издательстве в 2010 г. [Максимов 2010].

Фундаментальный научный труд калмыцкого ученого посвящен исследованию социально-экономической и общественно-политической ситуации в республике в первые три года Великой Отечественной войны. Автор привлекает в работе ранее неизвестные источники из центральных и местных региональных архивов, новейшую зарубежную литературу, «Особые папки» Сталина, Молотова и других руководителей партии и советского государства, а также труды отечественных и зарубежных историков. Он досконально рассмотрел деятельность партийно-государственных органов республики во время эвакуационных меро-

приятый, выявил и подробно проанализировал имевшиеся упущения и недостатки в их работе, отдельные факты мародерства и посягательства на государственную собственность со стороны некоторых граждан. Ученый детально исследовал период вторжения фашистских войск в Калмыцкую АССР, временной немецкой оккупации части ее территории, деятельность пронацистских структур управления. Большая часть научного труда посвящена участию калмыков и граждан Калмыкии в боевых сражениях на фронте, разведывательно-диверсионных отрядах, показу многотрудной повседневной жизни степняков в условиях установленного оккупационного режима и на не захваченной врагами территории республики. Большое внимание уделяется изучению вопросов формирования 110-й ОККД и ее участию в битве с фашистскими войсками на Дону и защите подступов к Сталинграду. Пристальный интерес исследователя к этому сложному и деликатному вопросу неслучаен, так как вокруг боевого участия этой дивизии на указанном направлении театра военных действий нередко появляются разного рода клеветнические инсинуации. Автор научного труда убедительно и аргументировано, с привлечением весьма авторитетных источников, архивных материалов, опровергает запущенное с легкой руки заместителя наркома НКВД СССР С.Н. Круглова и подхваченное некоторыми исследователями обвинение в «проявлении неустойчивости» среди солдат и офицеров национального воинского формирования. Опровергая фактами подобные клеветнические инсинуации, ученый на конкретных примерах показал героический вклад национальной дивизии в оборону Сталинграда.

Научное издание К.Н. Максимова «Калмыки в составе донского казачества (середина XVII – середина XX в.)» [Максимов 2016б] явилось закономерным продолжением его предыдущих исследований и в то же время завершающим этапом в изучении трехвековой (XVII–XX вв.) истории локальной группы калмыков в составе казачества Дона. Это интересная и содержательная исследовательская работа, комплексно изучившая многолетнюю историю значительной группы калмыков в составе донского казачества, которая рассматривается как часть единой истории Калмыкии и казачества Дона в контексте отечественной истории. Автор детально останавливается на истории миграции из Калмыцкого ханства части калмыков на Дон в середине XVII в. и интеграции в донское казачье сообщество, обстоятельно исследует вопросы формирования калмыцкого казачьего сообщества на Дону, процессы адаптации калмыков в новую социокультурную среду, проблемы трансформации степных кочевников в общественно-бытовую жизнь и хозяйственную деятельность казачества. Автор монографии, опираясь на труды своих предшественников, новые архивные источники, впервые вводимые в научный оборот, дает подробные сведения о территории, численности, социальном и этноконфессиональном составе населения (в том числе и калмыков) Дона, хозяйственной его деятельности.

Особое внимание К.Н. Максимовым уделено исследованию военной службы калмыков-казаков и их участию в составе донских военных частей в охране южных рубежей России, защите ее интересов и суверенитета. Участие калмыков-казаков в Отечественной войне 1812 года и в Заграничных походах, в Крымской войне 1853–1856 гг., на полях Русско-японской войны 1904 – 1905 гг., Первой мировой войны 1914–1918 гг. – вот далеко не полный перечень их боевой славы. Калмыки-казаки с боями в составе донских полков дошли и вошли в Париж. В Отечественной войне 1812 г. против французов воевало более 1,5 тыс. донских калмыков в составе 42 строевых полков и свыше 1,2 тыс. человек – в 22 казачьих ополченческих полках [Максимов 2016б: 11].

В годы революционных событий и Гражданской войны калмыки-казаки, как и все российское общество, оказались в бифуркационном состоянии. В работе дано достаточно полное представление о позиции, месте и роли калмыцкого казачества в годы революционных событий и Гражданской войны. Вступив вместе с казаками Дона на путь борьбы с большевиками, потерпев поражение, они преопределили свою трудную судьбу изгнанников и изгоев в советском обществе.

В период социалистического строительства советское государство проводит активную политику по интеграции казаков, в том числе калмыков-казаков, в хозяйственную и экономическую деятельность, общественную жизнь региона. Образованный в составе донского края Калмыцкий район стал не только объединительным центром калмыков-казаков, но и центром культурно-национальной автономии. К началу второй мировой войны Калмыцкий район представлял уже достаточно развитую административно-территориальную единицу в Ростовской области. В условиях интенсивно происходивших на донской земле процессах унификации управления, административно-территориального и поземельного устройства, культурной ассимиляции, калмыки-казаки не потеряли своей национальной самоидентификации, конфессиональную идентичность.

В годы Великой Отечественной войны донские калмыки героически воевали против немецко-фашистских захватчиков. По подсчетам автора, только «из Калмыцкого района Ростовской области – района с развитой экономикой и социальной инфраструктурой – были мобилизованы на фронт более 4 тыс. человек, в том числе свыше 2 тыс. калмыков» [Максимов 2016б: 15]. Калмыки-казаки также самоотверженно трудились в тылу, оказывали всемерную помощь фронту. Тем не менее, донские калмыки вместе с соотечественниками, жившими в Калмыцкой АССР и других российских регионах, были депортированы в восточные районы страны. Калмыцкий район в Ростовской области был упразднен, как и ликвидирована автономия калмыцкого народа. После возвращения из

Сибири донские калмыки в большинстве своем поселились в Калмыцкой АССР. В настоящее время они и их потомки живут в основном в Республике Калмыкия.

Интересные и содержательные труды К.Н. Максимова широко известны в научном мире. За заслуги в научной деятельности указом Президента России ему в 1997 г. было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». Активная, значимая научно-исследовательская, педагогическая, общественно-политическая деятельность К.Н. Максимова удостоена ряда правительственных наград: в 2002 г. – ордена Почета, в 2012 г. – ордена Дружбы, он также отмечен советскими и российскими медалями, ведомственными наградами. К.Н. Максимов – член Комиссии по вопросам образования и исторического просвещения Совета при Президенте РФ по международным отношениям, член объединенного диссертационного совета (Астраханского, Волгоградского и Калмыцкого университетов), член Регионального экспертного совета по экспертизе научных проектов в области гуманитарных наук РГНФ.

К.Н. Максимов – основатель авторитетной в российской науке научной школы и без преувеличения признанный лидер исторической науки Калмыкии. И сегодня профессор К.Н. Максимов не снижает свой исследовательский поиск, полон творческих замыслов, нацеливает себя и своих единомышленников на решение новых научных задач.

Литература:

Бадмаева Е.Н. Рец. на: Максимов К.Н. Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста: Издат. дом «Герел», 2013. 464 с. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. С. 183–185.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 848 с.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 2. Элиста: Герел, 2009. 840 с.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 3. Элиста: Герел, 2009. 752 с.

Максимов К.Н. История национальной государственности Калмыкии (начало XVII–XX вв.). М.: Профиздат, 2000. 311 с.

Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.

Максимов К.Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. 311 с.

Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2010. 406 с.

Максимов К.Н., Очиров У.Б. Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста: Джангар, 2012. 519 с.

Максимов К.Н. Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста: Герел, 2013. 464 с.

Максимов 2016а – *Максимов К.Н.* Калмыкия в войнах России в первой половине XX века. В контексте военной истории России XX века. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2016. 512 с.

Максимов 2016б – *Максимов К.Н.* Калмыки в составе донского казачества (середина XVII – середина XX в.). Ростов-на-Дону: изд-во ЮНЦ РАН, 2016. 576 с.

Maksimov K.N. Kalmykia in Russia's past and present National policies and administrative system. Budapest, NewYork: CEU Press, 2008. 439 p.

УДК 94(47).084.8

ЛИКВИДАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ КАЛМЫКОВ И ИХ ДЕПОРТАЦИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОФЕССОРА К.Н. МАКСИМОВА

Цуцулаева С.С¹

¹ кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет» (г. Грозный)

E-mail: sapiyat.univ@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена освещению вклада профессора К.Н. Максимова в изучение проблем ликвидации национальной государственности калмыцкого народа и противозаконной депортации. Основное внимание уделено труду К.Н.Максимова «Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы»

Ключевые слова: история Калмыкии, репрессии, ликвидация национальной государственности калмыков, депортация калмыцкого народа, профессор К.Н.Максимов, вклад в изучение.

Константин Николаевич Максимов на протяжении многих лет занимается изучением истории калмыцкого народа. Его вклад в развитие системы высшего образования, подготовку научных кадров, сохранение культурного наследия еще не нашел отражения в литературе. Проблематика его работ достаточно широка и нуждается в специальном изучении. Он является автором более 200 научных работ, в том числе 15 монографий, посвященных проблемам национально-государственного строительства, политических репрессий. Целью данной статьи является характеристика его научной деятельности, посвященной депортации калмыцкого народа в годы Великой Отечественной войны. В частности, речь пойдет о монографии «Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы», опубликованная издательством «Наука» в 2004 году.

Эта книга – плод многолетней работы автора над историей калмыцкого народа периода 1918 – по 1940-е годы, плод долгих раздумий, поисков документов и людей, встреч и бесед.

Тема репрессий вплоть до середины 1980-х годов была запретной и относилась в нашей историографии к так называемым «белым пятнам». Еще в начале 1990-х годов автор поставил перед собой цель – во имя правды и справедливости объективно разобраться, понять истоки, при-

чины, механизмы реализации всей той политики истребления народов страны ее вождями, а для объективного и всестороннего изучения, научного осмысления происшедшего драматического явления в советском обществе – выявить, ввести в научный оборот весь комплекс источников, определить источниковую базу исследований.

Автор провел большую работу по поиску и изучению документальных материалов по истории репрессий калмыцкого народа. Его исследование показывает, что в архивах – как в государственных, так и ведомственных – сохранились весьма разнообразные, сложные источники не только по содержанию, но и по происхождению. Монография К.Н. Максимова представляет собой попытку показать суть репрессивной политики советского государства в отношении калмыцкого народа, начиная с установления советской власти в Калмыкии и заканчивая депортацией калмыцкого народа в восточные районы страны.

В процессе исследования особое внимание уделено изучению политической, нормативно-правовой базы репрессивной политики советского государства. В связи с этим автор достаточно широко опирается на опубликованные материалы коммунистической партии и ее деятелей, руководителей, а также на законы, указы, постановления, декреты, распоряжения законодательных и исполнительных органов государственной власти РСФСР и СССР, ведомственные инструкции, положения, в том числе и внесудебных органов. Как видно, автором проделана кропотливая работа для раскрытия темы в фондах Национального архива республики. Выявленные документы политического и нормативного характера позволили автору сделать вывод, что репрессивная политика и ее осуществление обеспечивались необходимой идеологической, политической, правовой базой, правовая система приспособлялась и придавала этой политике видимость легитимного характера [Максимов 2004: 13–14].

Структура монографии построена в соответствии с основными этапами массовых репрессий, через которых пришлось пройти калмыцкому народу. Она состоит из четырех глав: глава первая – Репрессии против крестьян. 1918–1934, глава вторая – Расправа с интеллигенцией и управленческими кадрами. 1921–1938, глава третья – Антирелигиозная политика советской власти в Калмыкии, и последняя, четвертая, глава – Тотальная депортация калмыцкого народа.

В годы Великой Отечественной войны, как известно, в Советском Союзе началась новая волна политических репрессий части отдельных этносов и целых народов. В первые же месяцы войны советское правительство во главе с И. Сталиным необоснованно, огульно обвинив некоторые народы в сотрудничестве с врагом, грубо нарушая их права, свободу, приступило к ликвидации их национальной государственности и к массовым выселениям с территорий республик и областей. В их чис-

ле оказался и калмыцкий народ. Как происходила депортация народа и их жизнь на спецпоселении, показано в четвертой главе вышеназванной монографии.

Автор, используя в основном неопубликованные документы и материалы, показал, что калмыцкий народ, как и все народы страны, с первых дней войны встал на защиту своей Родины. По данным автора, с учетом проходивших действительную военную службу в рядах Красной Армии призывников предвоенных лет уже в первые месяцы войны на фронтах сражалось почти 10 тыс. человек из Калмыкии, а к марту 1942 года более 25 тыс. А всего на фронтах Великой Отечественной войны к концу 1943 года сражалось почти 40 тыс. сынов и дочерей Калмыкии [Максимов 2004: 255].

Кроме того, профессор К.Н. Максимов пишет, что партийные и советские органы республики придавали большое значение строительству объектов военного назначения. В частности, Донского оборонительного рубежа и железной дороги Астрахань – Кизляр, на прокладку которой были направлены 9500 рабочих и 3030 единиц гужевого транспорта [Максимов 2004: 258].

И, конечно, особо автор говорит о 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии, которая окончательно была сформирована в начале марта 1942 года численностью 4600 человек и 4744 лошадей [Максимов 2004: 259]. Кстати, основной ее костяк составляли калмыки – 63%. Несмотря на тяжелые бои с превосходившими силами противника, дивизия сумела задержать на длительное время переход врага на восточный берег Дона. Дивизия с честью выполнила поставленные перед ней задачи. Донская земля помнит храбрость, мужество и стойкость бойцов дивизии. Одним из них был пулеметчик Эрдни Деликов, который до конца выполнил клятву воинов 110-й ОККД «Мы поднялись на защиту власти своей... И за народ отдадим свою кровь до конца».

Кроме того, из уроженцев Калмыкии был сформирован 189 калмыцкий полк 70-й кавалерийской дивизии. Автор приводит выдержки из письма от 20 сентября 1941 года, где отмечалось, что «основным ядром дивизии являются представители калмыцкого народа, и они успешно овладевают военными специальностями...» [Максимов 2004: 261].

Следует согласиться с выводом автора, что воины Калмыкии, защищая собственный народ, вместе с другими народами боролись за независимость и свободу общей Родины – Советского Союза, а руководство страны готовило репрессии против отдельных этносов и целых народов [Максимов 2004: 262]. В их числе оказался и калмыцкий народ, который по признаку национальной принадлежности 28 декабря 1943 года был подвергнут тотальной депортации и изгнан со своей исконной земли в восточные районы страны. Эти репрессии против целых народов, проведенные к завершению войны, трудно объяснимы [Максимов 2004: 262].

По данным автора, документальные исторические источники свидетельствуют, что официально активная и планомерная подготовка к депортации калмыков началась в октябре 1943 года, а «политическое» решение, видимо, было принято значительно раньше – в начале лета 1943 года [Максимов 2004: 263]. Мероприятия по выселению калмыков были спланированы по всем правилам специальной операции и исполнены по инструкции, утвержденной НКВД СССР еще 1 декабря 1943 года. Таким же образом происходило и выселение некоторых народов Северного Кавказа.

Здесь необходимо заметить, что советская власть имела достаточный опыт по организации и проведению политических репрессий против многих народов. Так, исследователь В.В. Лунеев считает, что этнической чистке подверглись целиком около 15 народов и этнических групп, частично же – еще около 55 народов и народностей [Лунев 2005: 172].

Документальные материалы, используемые автором, показывают реальную картину выселения калмыцкого народа 28 декабря 1943 года. Вот как все происходило: «В 4.00 было выставлено оцепление. В половине шестого оперативники заняли свои места и по сигналу в половине седьмого приступили к операции. Операция проходила замечательно, без шума, без суматохи. К 10 часам все люди на сборном пункте, за 15 минут люди были погружены на машины... Люди погружены... Машины отправлены... Проческа домов калмыков нигде не обнаружила... Овцы пересчитаны...» [Максимов 2004: 266]. Возникает вопрос: За что? Почему? Как вышло, что люди и скот одно и то же – «люди погружены» и «овцы пересчитаны»!

По мнению автора, главные причины заключались не только в стремлении провести этническую чистку, «переделать» веками складывавшуюся этническую карту страны, но и в том, что советское руководство в какой-то степени хотело переложить свои серьезные промахи, обернувшиеся крупными поражениями в первые годы войны, потерями людских и материальных ресурсов, на некоторые малочисленные народы. С таким выводом автора трудно не согласиться.

Еще одна проблема, которая изучена профессором К.Н. Максимовым – жизнь калмыков на спецпоселении. Действительно, проделана огромная работа. Автор, используя статистические данные, показал, какова была смертность калмыков в первые месяцы жизни на спецпоселении. Например, в 1945 году смертность превысила рождаемость почти в 11 раз, а в первом квартале того же года – в 25,7 раза [Максимов 2004: 270]. Это данные сохранившихся справок отдела спецпоселений ГУЛАГа НКВД СССР и документы о положении прибывших к местам спецпоселений калмыков, беспристрастно раскрывающие их трагическую судьбу. Кроме того, как пишет автор, даже в документах высшего начальства НКВД СССР были показаны картины катастрофического положения калмыков

в первые месяцы их пребывания в ссылке. Цифры говорят сами за себя. Таким образом был подорван генофонд калмыцкого народа.

Таким образом, мы видим, в каком тяжелом положении оказался народ. Однако власти не спешили решать вопросы трудоустройства, но зато, как пишет К.Н. Максимов, НКВД СССР стал принимать в срочном порядке меры по ужесточению режима их проживания в местах спецпоселений. В частности, автор имеет ввиду постановления от 8 января 1945 года «Об утверждении Положения о спецкомендатурах НКВД» и от 8 марта 1945 года «О правовом положении спецпереселенцев».

Автор справедливо указывает, что именно поддержка и бескорыстная помощь сибиряков, проявивших человеческую доброту и милосердие к преследуемому народу, помогло выстоять в суровых сибирских условиях.

С другой стороны, несмотря на свое тяжелое положение, калмыки, сознавая необходимость оказания помощи фронту, активно включались в трудовую деятельность в местах спецпоселений, внося свой посильный вклад в разгром немецко-фашистских захватчиков. Автор приводит многочисленные докладные записки, в которых показан героический труд калмыков в местах спецпоселений [Максимов 2004: 279–280].

И в заключении автор подробно рассматривает документы, касающиеся реабилитации калмыцкого народа. После смерти И. Сталина началось изменение общественно-политической обстановки в нашей стране. Происходило смягчение режима спецпоселения. XX съезд партии осудил культ личности Сталина. В соответствии с решением съезда началась политическая реабилитация репрессированных народов и, в первую очередь, восстановления их национальной государственности. 9 января 1957 года была восстановлена автономия калмыцкого народа. Верховный Совет СССР на шестой сессии в феврале 1957 года утвердил указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР», а затем указом Президиума Верховного Совета СССР в июле 1958 года Калмыцкая автономная область была преобразована в автономную республику.

В заключение отметим, что вопросы репрессивной политики советского государства стали одной из главных тем в научной жизни профессора К.Н. Максимова. Конечно, тема не исчерпана. Надеемся, что профессор К.Н. Максимов напишет новые работы, посвященные столь сложной и драматической странице истории Калмыкии.

Литература:

Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. 912 с.

Максимов К.Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы М.: Наука, 2004. 311 с.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РУССКО-КАЛМЫЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XVII в.

Тепкеев В.Т.¹

¹кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста).

E-mail: tvt75@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается политическое состояние русско-калмыцких отношений в конце XVII в. В этот период, особенно в годы деятельности правительства Софьи Алексеевны, они имели весьма непростой характер. Продолжающиеся военные конфликты калмыков с донскими казаками, участие их в Башкирском восстании, сокращение царского жалованья, контакты Аюки с Крымом и Турцией – все эти моменты негативно отражались на отношениях и вовлекли их в глубочайший кризис. Только с приходом к власти Петра Великого политика по отношению к калмыкам стала меняться в положительную сторону.

Ключевые слова: Аюка-хан, Московское государство, калмыки, Калмыцкое ханство, XVII век, русско-калмыцкие отношения.

В первые десятилетия правления калмыцкого хана Аюки (1672–1724 гг.) русско-калмыцкие отношения переживали весьма непростой период. Царское правительство основные усилия направляло на то, чтобы калмыки по мере сил и возможности обороняли южные границы от набегов враждебных кочевников и оказывали военную помощь, особенно в борьбе против Турции, Крымского ханства и их вассалов. С другой стороны, оно также стремилось установить действенный контроль над связями Калмыцкого ханства с другими государствами, не допустить с ними сближения или же предотвратить возможные неугодные действия правящей верхушки ханства, могущих нанести вред интересам России. В дальнейшем, конечно, предполагалось и вовсе исключить самовольные внешнеполитические контакты тайшей.

Во внутренней жизни царское правительство старалось урегулировать отношения калмыков с непосредственными соседями-подданными России, обезопасить волжский торговый путь, наладить торговые отношения и т.п. Калмыцкие тайши старались получить максимально возможную автономию и, не всегда подчиняясь правительственным указам, совершали набеги на приграничные русские уезды, участвовали в постоянных вооруженных конфликтах с казаками и башкирами. Эти нега-

тивные моменты порождались и поддерживались рядом обстоятельств. Решение территориального вопроса, известная централизация власти, относительная политическая стабилизация внутри ханства, прикочевка значительных групп калмыков из Джунгарии и Западной Сибири привели к сравнительному усилению Калмыцкого ханства, что в известной степени активизировало самостоятельные акции тайшей.

Но более всего столкновения с соседями были следствием отсутствия точно установленных границ между ними, взаимной организации набегов с целью грабежа и получения недостающих предметов и продуктов промышленного производства и сельского хозяйства, скота, лошадей и т.п., претензий на владение степными районами.

Калмыки довольно регулярно и сравнительно в большом количестве участвовали в борьбе России против внешних врагов, особенно Турции и Крымского ханства. Сближения же с ними, временные и непостоянные, порождались определенными политическими и торговыми обстоятельствами. С восточными государствами и, в первую очередь, с Тибетом и Джунгарским ханством, поддерживались отношения в силу сохранившихся еще традиций, из-за желания иметь более или менее обеспеченный тыл, ради торговых и религиозных интересов и т.п.

Установление более эффективного контроля над действиями калмыцких феодалов, урегулирование спорных вопросов между калмыками и их соседями, активное подчинение тайшей власти царского правительства тормозились тогдашним положением России и в некоторой степени самого Калмыцкого ханства, обстановкой в южных районах государства и т.д. Внимание и силы правительства были отвлечены на решение важнейших внешнеполитических задач. Войны и связанные с ними огромные расходы привели к обострению социальной и национальной обстановки.

В подобной обстановке не всегда удается контролировать и держать под вниманием национальные окраины, в том числе и Калмыцкое ханство, положение которого облегчалось пограничностью территории и возможностью откочевки за пределы Российского государства. В сложившейся обстановке правительство старалось урегулировать русско-калмыцкие отношения, не прибегая к насильственным мерам, а путем взятия с тайшей шертей, выдачи жалованья и подарков.

Архивные материалы свидетельствуют, что, несмотря на временное сближение с Крымом, тайши в основном сохраняли верность договоренностям с Россией. Колебания во внешнеполитической линии тайшей проистекали из изменений политической и экономической конъюнктуры и не носили долговременного характера. Связи калмыков с Османской империей и Крымским ханством в рассматриваемое время занимали доминирующее положение и имели непосредственно практическое значение.

Другим важным направлением во внешней политики Калмыцкого ханства были связи с Джунгарией и Тибетом. Стремление калмыцких тайшей поддерживать эти отношения были вызваны рядом причин. Тайши стремились обезопасить свои тылы, чтобы в отношениях с Россией чувствовать себя более уверенно. С другой стороны, Джунгарское ханство продолжало представлять довольно могущественное кочевое государство, которое могло организовать ответный силовой удар из-за откочевки части джунгарских улусов на Волгу в 1687 г. Кроме того, Джунгария лежала на пути паломничества волжских калмыков в Тибет, с которым они продолжали поддерживать довольно тесные связи. Что касается вопроса о возможности ухода калмыков на восток, следует подчеркнуть, что этот фактор в русско-калмыцких отношениях не был постоянным и определяющим. Но царское правительство внимательно отслеживало калмыцко-джунгарские отношения, вовремя узнавало об ухудшении или улучшении связей и действовало в соответствии с этим.

Документальный материал показывает, что у калмыков имелись довольно оживленные, охватывавшие довольно широкий круг населенных пунктов, торговые отношения с русским населением, в которые были вовлечены представители различных слоев. Тем не менее, в указанное время российский рынок был не единственным, и у калмыков продолжали сохраняться торговые связи в Средней Азии, на Северном Кавказе, в Крыму и турецких владениях. Именно это вызывало у царского правительства неудовольствие, что было вызвано внешнеполитическими соображениями.

Правительственная политика в отношениях с калмыками всегда образовывалась с обстановкой на юге страны, с задачами и целями, которые решались на том или ином отрезке времени в этом регионе. Придерживаясь принципа «разделяй и властвуй», правительство старалось противопоставить одни народы другим, внести раскол внутри их рядов. Калмыцкие тайши оказывали довольно активную поддержку властям в подавлении восстаний, хотя наряду с такой помощью они одновременно пытались действовать и в своих интересах, вовсе не относящихся к подавлению восстания.

Если говорить о причинах, влиявших на ход русско-калмыцких отношений в рассматриваемый период, то нужно сразу же указать на сложную обстановку на юге страны. Отголоски восстания Степана Разина, раскольническое движение, Башкирское восстание 1681–1683 гг., Русско-турецкая война 1672–1681 гг., непрекращающиеся набеги кочевников и враждебные акты крымских ханов выдвигали ряд сложных проблем, при решении которых царская власть пыталась найти в этом регионе более широкую социальную и национальную опору, в том числе и в лице калмыков. Подобные намерения, естественно, вели к терпимому отношению к поступкам калмыцких тайшей.

После шерти 1684 г. Аюка направил свою военно-политическую активность против государств и народов Средней Азии, а также против некоторых владельцев Северного Кавказа. В 1687 г. ухудшились калмыцко-джунгарские отношения. В это время почти прекратились нападения калмыков на царских подданных, но вместе с тем и их военная служба резко сократилась. Правительство Софьи Алексеевны почти вдвое сократило жалованье Аюке и другим тайшам, что, конечно, резко ухудшило их отношение к царской администрации. Как результат, Крымские походы В.В. Голицына были полностью проигнорированы или саботированы тайшами.

В начале 1690-х гг. столкновения калмыков с башкирами и казаками вновь приняли широкий размах, что участило приезды калмыцких посланцев в Москву. Ссоры калмыков с соседями предписывалось улаживать местным властям. В ответ на это тайши активизировали свои отношения с Турцией и Крымом, а также с казаками и каракалпаками по поводу совместных действий против казаков.

В русских архивных материалах сохранилось большое количество документальных свидетельств, дающих достаточно полное представление о характере калмыцко-донских отношений. Периоды союзничества калмыков с донцами часто прерывались возникавшими противоречиями, доходившими порой до открытых и ожесточенных вооруженных конфликтов, особенно часто они наблюдались в последней трети XVII в. К началу Азовских походов 1695–1696 гг. калмыцко-донские отношения переходят в стабильное состояние, причиной которого послужило желание царского правительства использовать в полной мере их военный потенциал в предстоящей русско-турецкой войне.

После свержения правительства царевны Софьи Алексеевны военные действия против турок были приостановлены, а русские войска были заняты лишь отражением набегов крымских и азовских татар. В 1694 г. новым правительством Петра Алексеевича было решено возобновить активные боевые действия и нанести удар не по крымским татарам, как в походах В.В. Голицына, а по турецкой крепости Азов. Правительство решило окончательно привлечь калмыцких тайшей на свою сторону. В овладении турецким Азовом Петр I рассчитывал на военную помощь калмыков.

Русские документы нам отчетливо показывают, что Аюка не принял никакого деятельного участия в первом Азовском походе русской армии. Более того, по словам едисанского ногай Шаршенбека, который в декабре 1695 г. был взят в плен казаками под Азовом, еще до прихода царских войск Аюка присылал шестерых посланцев в турецкую крепость с уведомлением, что будет оказывать в предстоящем русско-турецком противостоянии помощь только тем, «которая сторона будет сильнее». Но обещанное подкрепление туркам Аюка так и не прислал [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1695 г. Д. 13. Л. 32].

После взятия Азова в 1696 г. перед правительством Петра Алексеевича встала задача прочного закрепления в низовьях Дона и на Азовском море. В марте 1697 г. Петр Алексеевич отбыл в Европу с Великим посольством, но продолжал следить за ходом подготовки обороны Азова. В начале года государь к Аюке и другим тайшам направил письмо с указанием уже к концу апреля или в начале мая прислать калмыцкую конницу в полки под Азов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 1. Л. 1].

В апреле 1697 г. в Москву прибывает калмыцкое посольство во главе с Кашкой с письмами от Аюки. В первом письме он сообщает о его готовности выделить на государеву службу 30-тысячное войско [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 7. Л. 5–6]. В другом письме Аюка снова констатировал: «мы от вас худа никакова к себе не видали, а вы от нас тако же никакого худа нет». По его мнению, «только ссоры чинят меж нами, сложася двое – казаки да башкирцы небольшие люди». Аюка просил произвести двухсторонний розыск всех преступников, заверив еще раз царские власти: «хочу быть в любви и в совете, в дали и в близости видетца» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 7. Л. 8].

Азовская кампания Петра Великого оказала значительное влияние на характер калмыцко-донских отношений в указанный период. Начало русско-турецкой войны и личное присутствие государя на юге страны сподвигли на серьезное вмешательство в дела калмыков и донских казаков, когда конфликтная ситуация между ними достигла критического уровня. Стороны довольно скоро нашли возможность ее немедленного разрешения путем переговоров и заключения нового соглашения. 17 июля 1697 г. между калмыцким ханом Аюкою и боярином князем Б.А. Голицыным на реке Камышинка были заключены «Договорные статьи»:

Во-первых, в случае войны калмыков с бухарцами, каракалпаками или казаками русская сторона обязывалась предоставить Аюке вооружение и военные припасы.

Во-вторых, калмыкам предоставлялась возможность кочевать под всеми русскими городами.

В-третьих, во время крымских или кубанских походов калмыцким отрядам должна была предоставляться всемерная поддержка в русских крепостях.

В-четвертых, русская сторона обязывалась не принимать беглых калмыков, не крестить их и возвращать.

В-пятых, государевым судам на расстоянии от Черного Яра до Саратова перевозить служилых калмыков «безо всякого задержанья и обид».

И, наконец, в-шестых, Москва обязывалась отправить во все государевы города, а также в Уфу, на Яик и Дон царские указы о недопущении «под смертной казнию» нападений на калмыцкие улусы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 2. Л. 1–2].

Голицын и Аюка обменялись договорными статьями, а боярин на своем экземпляре даже сделал собственноручно следующую запись: «К сим статьям договорным для явного и душевного подкрепления, да в лице в конце я, князь Борис Голицын, по договору с братом, укрепил вечно и впредь сим статьям быть неподвижно рукою» [ПСЗРИ-I, т. 3: 330–331].

Отныне форма взаимоотношений между царским правительством и тайшами несколько меняется. После 1684 г. тайши перестали давать шерти, а их заменили личные встречи Аюки с кем-либо из крупных сановников, в частности с руководителем Приказа Казанского дворца, в чьем ведении и находились «Калмыцкие дела». В ходе этих встреч составлялись письменные договоры, фиксировавшие обязательства и права сторон.

Однако Аюка и другие тайши не могли в полной мере воспользоваться результатами этих соглашений. Междоусобицы внутри калмыцкого общества принимали более широкий и затяжной характер, и они в целом подрывали русско-калмыцкое соглашение и внешнеполитическую активность тайшей на стороне России.

По мнению К.Н. Максимова, упрочение позиции Аюки в Калмыцком ханстве и России способствовало повышению его политического авторитета в монгольском мире, который был признан и духовными лидерами Тибета [Максимов 2002: 104]. Действительно, оформление духовной властью высокого положения Аюки как правителя кочевого государства произошло в 1697 г., когда Далай-лама VI возвел его в ранг хана, пожаловав ему ханскую грамоту и печать. И именно в этот год царское правительство официально признало Аюку ханом, поскольку с этого времени в официальных документах он стал именоваться этим титулом.

В заключение отметим, что с приходом к власти Петра Великого русско-калмыцкие отношения в конце XVII в. претерпевают резкие изменения в сторону укрепления партнерских отношений. Конечно, это было вызвано активизацией внешней политики России на южном направлении и Азовскими кампаниями. И, наоборот, в период деятельности правительства Софьи Алексеевны русско-калмыцкие отношения переживали глубочайший кризис, сопровождавшийся постоянными вооруженными столкновениями калмыков с донскими казаками и башкирами. Слабость центральной власти не позволила вовремя исправить конфликтную ситуацию на юге страны. А падение роли и авторитета Аюки в глазах правительства, особенно после его активного участия в Башкирском восстании в 1681–1683 гг., только усугубило обстановку в регионе. Петр не стал продолжать политику своей старшей сестры и во многом действовал ей вопреки, в том числе и в русско-калмыцких отношениях. Однако только после своего личного участия в Азовской кампании он ясно осознал политическую роль Аюки и военный потен-

циал калмыцкой конницы на юге страны, что и стало отправной точкой в изменении его политики по отношению к Калмыцкому ханству.

Источники:

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Литература:

Максимов К.Н. Калмыки в национальной политике, системе власти и управления России (XVII – XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание Первое. Т. 3. 1689–1699. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 694 с. (ПСЗРИ-I).

УДК 94(47).066

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ 1777 г. ОБ ОТСЫЛКЕ КРЕЩЁНОГО ПЛЕННИКА БАКИНСКОМУ ХАНУ (ИЗ ПЕРЕПИСКИ СВ. СИНОДА И КОЛЛЕГИИ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ)

Ряжев А. С.¹

¹ кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник АНО ВО «Поволжский православный институт» (г. Тольятти).

E-mail: riazhev@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу ряда документов из фондов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), свидетельствующих о том, что Российская империя, покровительствующая православию и защите православных подданных за границей, допускала отступления от данного приоритета во внешней политике. В ходе исследования автор приходит к выводу о прагматическом характере тогдашнего курса России на юго-восточных окраинах, обусловленном геополитическим и экономическими факторами.

Ключевые слова: вероисповедная политика, православие, Синод, коллегия иностранных дел, астраханский губернатор.

Вероисповедная политика «просвещённого абсолютизма» является актуальной темой российской истории XVIII в. [Ряжев 2006: 84–85]. Исследования показывают, что важными тенденциями подобной политики выступали покровительство православию и защита православных подданных за границей. Прежде всего, это давало о себе знать в отношениях России с ближайшими и крупнейшими соседними государствами – Речью Посполитой и Османской империей, а также связанными с ними регионами Подунавья, Северного Причерноморья, Балкан, Ближнего Востока, Кавказа и Закавказья [История 2000: 121, 124, 128, 130, 159–165, 178–181].

Отсюда интерес вызывают эпизоды отказа от обозначенного внешнего приоритета. Ряд случаев имел место в польских делах, и в литературе данное обстоятельство зафиксировано [Чечулин 1896: 260, 262]. Вместе с тем источники говорят об аналогичном происшествии, которым отмечены связи с Бакинским ханством – небольшим государством на западном берегу Каспийского моря. Казус в историографии неизвестен, как неизвестно и то, насколько в целом свойственны такие факты кавказскому направлению российской дипломатии. В этой связи выявленный пример следует изучить, что и составляет задачу настоящей работы.

Инцидент отмечен в двух документах, связанных с участием Св. Синода в делах религии вовне. Первый является рапортом астраханского губернатора (наместника) генерал-майора И.В. Якоби в Синод от 28 сентября 1777 г. В нём дана характеристика предыстории и предлагаемых мер касательно случившегося. Вторая бумага – это указ Синода в Коллегию Иностранных дел (далее – КИД) от 27 октября того же года. Указ содержит поручения по урегулированию ситуации. Источники подлинные, хранятся в составе комплекта указов Синода в Коллегию и сопутствующей переписки 60–90-х гг. XVIII в. [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 299. Л. 156–158об.].

Экземпляр указа имеет делопроизводственную помету: «С сего послан рескрипт к астраханскому губернатору Якобию от 9 июня 1778 [года]» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 299. Л. 156]. Отсюда можно полагать, что бумаги служили частью комплекса переписки по данной теме, но на сегодня присутствие подобного комплекса в названном архивном фонде не отмечено. Источники содержат детали политики России последней трети XVIII в. на прикаспийских землях, и в этой связи их значение трудно переоценить.

Содержание документов о происшествии 1777 г. состоит в следующем. За два года до изучаемого эпизода бакинский владетель Мелик Мухаммед-хан (правил в 1768–1784 гг.) лишился двух мальчиков-невольников. Через некоторое время после похищения хан, установив, что они проданы на сторону горцами-лезгинами и пребывают в Астрахани, потребовал возвращения живой собственности. Просьбы оказались безуспешными, и осенью 1777 г. хан приступил к действиям, дабы вызвать отклик российской стороны. Сначала он стал понуждать астраханских купцов, находившихся в Баку, помочь ему получить его людей. Затем хан вознамерился взять в заложники и самих купцов, чем создал угрозу остановки торговли между Баку и Астраханью.

И.В. Якоби, когда дело дошло до него, решил немедленно вернуть мальчиков, и одного из них, которого звали Ардям, вскоре и отправили владельцу. Отсылка же другого натолкнулась на препятствие – пленник был уже крещён, и по российским законам его выдача в Баку становилась невозможной. Дело поступило в Синод, который затем дал задание КИД: урегулировать кризис, дабы оставить бывшего ханского слугу, носившего до принятия православия имя Байрам Али, на месте и в то же время добиться от хана снятия торговой блокады. Таковы обстоятельства дела.

Помимо канвы, бумаги сообщают важные подробности событий, характеризующие линию российских властей. Известно, в частности, что губернатор и Синод занимали согласованные позиции касательно причин и последствий конфликта.

И.В. Якоби воспринял случившееся остро, ибо оно в корне подрывало торговлю – ведущую отрасль хозяйства в подлежавшей его ведению области, что наносило удар и по его собственной репутации. Поэтому в рапорте он хотел, прежде всего, снять с себя ответственность за осложнение. Сановник подчёркивал, что первым адресатом хана был губернатор П.Н. Кречетников, которого И.В. Якоби сменил в 1776 г. и который до того никак не реагировал на запросы из Баку. С плодами пассивности предшественника, докладывал И.В. Якоби, довелось встретиться сразу по вступлении в должность: к этому времени хан, раздражённый длительным молчанием российской стороны, уже оказывал давление на астраханских купцов, понуждая их «стараться» о возврате пленников [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 299. Л. 158].

Между тем, излагал губернский начальник, светские астраханские органы не имеют отношения к тому, что похищенные осели в русских пределах. Когда их пребывание в Астрахани подтвердилось, то, например, православного мальчика нашли состоявшим в услужении у иноземца. Новым хозяином оказался офицер Меликов, грузин на русской службе, который, судя по всему, и купил малолетнего полоняника у лезгин, а затем приказал крестить. Крещён же он, убеждал в рапорте И.В. Якоби, астраханским архиепископом Ефремом «без ведома моего», то есть без санкции местных властей. Посему, заключал вельможа, спор вокруг иностранного подданного и разгорелся [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 299. Л. 157об.].

Указ Синода в основном не расходился с предложенным пониманием дела, обозначая ряд желаемых для И.В. Якоби констатаций. Во-первых, признавалось, что губернатор не причастен к конфликту: появление в России невольников произошло без его участия, и, по крайней мере, один из них, мальчик Байрам Али в Астрахань «привезен не русскими, а лезгинцами». [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 299. Л. 156]. Во-вторых, Синод разделял мнение об исключительной серьёзности дела, которую с самого начала не следовало недооценивать. Хан не один раз грозил российской стороне «заарестовать» товары и сжечь торговые суда купцов-астраханцев – русских и армян, прибывающих в Баку, их же самих в отместку «обратить в магометанский закон», если малолетние не будут возвращены. Однако ответа на угрозы вовремя не последовало, что и привело к нынешним последствиям: хан взял под караул в Баку всех купцов – российских подданных и приказал провести опись их товаров [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 299. Л. 156]. В итоге Синод поддержал тактику И.В. Якоби – приписать вину за инцидент прежнему наместнику, вышедшему в своё время в отставку после выраженного Екатериной II порицания.

Вместе с тем между губернатором и Синодом имели место и трения. Если светский начальник выказывал недовольство астраханским архие-

пископом за перевод малолетнего иноземца в православие, то духовное ведомство поступок преосвященного отнюдь не считало предосудительным – в указе подчёркивалось, что мальчик приступил к крещению добровольно, и не выполнить подобной просьбы архиерей не мог. Дабы сгладить расхождение, Синод ввёл в текст компромиссную формулировку: «Впредь же в крещении таковых иноземцев в христианской закон поступать преосвященному астраханскому по сношению с тамошним губернатором...» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 299. Л. 156].

Не совпали губернатор и Синод и в пункте обязательной отсылки в Баку обоих мальчиков. Из синодского указа следует, что некрещёного полоняника действительно вернули хану довольно быстро, как и хотел сановник [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 299. Л. 156]. Что же касалось второго мальчика, числившегося православным, то И.В. Якоби отмечал, что он имеет от роду лишь двенадцать лет и посему вряд ли обладает сознательным представлением о христианстве. К тому же перемена исповедания пленником не была согласованной публичной процедурой, одобренной властями, к этому оказывался причастен лишь душевладелец – тот самый офицер-грузин секунд-майор Меликов. Как следствие, губернатор полагал выдать в Баку и крещёного мальчика [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 299. Л. 158 об].

Мнение Синода здесь противоречило мнению И.В. Якоби. В указе подчёркивалось, что христианина как принявшего веру добровольно и в сознательном, хотя и детском возрасте, надлежит оставить в России и отнюдь не отдавать бывшему патрону-«магометанину», ибо таково требование государственных законов [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 299. Л. 156].

В то же время Синод понимал, какие последствия для торгового оборота на российской окраине возымеют намерения Мелика Мухамед-хана. Отсюда дипломатическое ведомство по предписанию Синода должно было выработать компромисс для ширванского повелителя, призванный, с одной стороны, избежать выдачи новокрещена и соблюсти требование Церкви, с другой, дать хану удовлетворение без ущерба для его репутации и побудить его не преследовать российских торговых людей [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 299. Л. 156].

Судя по цитированному выше тексту пометы на экземпляре документа, синодское задание из КИД пришло на утверждение императрицы. Спустя полгода его оформили особым рескриптом и переадресовали «астраханскому губернатору Якобию»: по иронии судьбы готовить предложения для хана теперь поручалось с ведома Екатерины II именно ему. Окончание дела неизвестно.

Случай, однако, вызывает интерес именно готовностью сановника отбросить и требования закона, и престиж господствовавшего исповедания ради умиротворения одного из близлежащих государств. Чем объясняется подобная уступчивость?

В сфере геополитики искать причины вряд ли стоит. Бакинское ханство не принадлежало к разряду гегемонов, даже региональных. Государственные образования Восточного Кавказа представляли собой буферную зону, возникшую в 1720–1740-е гг. в ходе российского продвижения на прикаспийские территории и политико-дипломатической борьбы между Россией, Турцией, Персией, осложнённой вмешательством европейских держав [Мустафазаде 1993: 83–98; Дарабади 2008: 145–146; Абдурахманов 2011: 91–107]. В данных условиях Бакинское ханство выступало постоянной жертвой соперничества сопредельных кавказских владетелей. С середины XVIII в. среди них выдвинулся кубинский хан Фатали, сумевший поставить под контроль и Бакинское ханство: Мелик Мухаммед-хан, женившись в 1766 г. на сестре Фатали-хана, вносил последнему ежегодные платежи и оставался независимым лишь номинально [Броневский 1823: 396].

На И.В. Якоби не могли повлиять и соображения по поводу личности хана: тот не был воинственным феодальным владетелем-авантюристом, способным, подобно польскому магнату-современнику К. Радзивиллу, в одиночку ломать сложные межгосударственные конструкции. По натуре человек мирный (его смерть в 1784 г. во время хаджа, по дороге в Мекку, нетипичная для властителей-кавказцев эпохи, в этом плане показательна), хан, как подтверждали современники, отдался всецело влиянию шурина и супруги, и решительности в поступках не проявлял [Левинтов 1948: 101, 102; Искендерова 1999: 79].

Между тем логика в поведении губернатора всё же присутствовала, и она имела экономический характер. Астрахань оставалась крупнейшим центром восточной торговли, игравшим для страны важную роль [Шкунов 2009: 25]. С середины XVIII в. торговые обороты Астрахани с Персией – главными воротами России на Восток – упали, причём настолько, что это вызвало негативные последствия для коммерции и в других российских регионах, в частности, в Среднем Поволжье. Из-за кризиса прямых связей с Персией для Астрахани росло значение Баку [Маркова 1966: 67–69, 74–98; Юхт 1981: 86; Шкунов 2011: 21; Рябцев 2012: 165].

Баку обладал выгодным географическим положением, делавшим его естественным центром обширного пространства. Из Баку по западному побережью Каспийского моря, а также на север Персии и в Закавказье шли пути: сухие – в города Дербент, Шека, Шемаха, Гянджа, Тебриз, Ардебиль, Тифлис, Ереван, водные – на южный берег Каспия, в Решт и Энзели [Искендерова 1999: 41].

Исключительным преимуществом Баку стал порт, именно с тех времён «почитаемый мореходцами за лучшую гавань Каспийского моря» [Броневский 1823: 399] и превративший город в крупнейшую перевалочную базу процветающей транскаспийской торговли. Имеется её колоритное описание 1807 г.: из Баку на экспорт идут соли (поваренная, камен-

ная, глауберова), шафран, нефть, и они «отпускаются во всю Персию, в Ширван и Дагестан. Приморские места получают оные посредством судов, называемых Киржимами или Сандалами, а для отпуска по сухом пути нагружают целые караваны. Самый большой отпуск нефти производится на Российских судах в Гилян и Мазендеран, где укоренено предубеждение, что для шелковичных червей полезен дым, происходящий от сжигания нефти, которую в прочем по нужде употребляют в ночниках для освещения и вместо дров для варения пищи и для печения хлебов. Туда же отправляют соль и шафран. Взамен того привозят в Баку из Астрахани: сукна, брусковую краску, консенель, сандал и другие красильные материалы, ароматы, сахар, шелковые, бумажные и холщевые товары, пищу бумагу, мягкую рухлядь, юфть, железные и медные изделия, домашний скарб и щепительные товары; из Гиляна через Занзилинской порт: зарбаты, дыбы, китаи, аладжи, шелковые и бумажные занавески и покрывалы для постелей, коленкоры, шали, ковры, савры, башмаки, сарачинское пшено, разные фрукты, бадрянки, лимоны, изюм, кишмиш, персики (шепталу), фисташки, миндаль, орехи, финики; из Мазендерана таковые же товары, и ещё в большем количестве фрукты. Из Сальяна бумажные белые и полосатые низкой работы бязы; из Кубы хлопчатную бумагу; из Тифлиса красную медь, также и серебро не в большем количестве, из Шаки шёлк; из Шемаха шёлк и шёлковые тамошние изделия, хлопчатную бумагу, виноградное вино, каштаны и шепталу; из Адербиджана чернильные, миндальные и грецкие орехи. Астраханские товары развозятся в Шемаху, Шаку, Ганжу, Карабаг, в Тифлис, в Гилян и Мазендеран. Большая часть Персидских и Ширванских товаров отправляется в Астрахань и Кизляр. Обороты сего Транзитного торгова весьма выгодны не только для Российского и Ширванского купечества, но и для Астраханских судовщиков, промышленяющих провозом товаров. Продав или выгрузив привезённый товар в Баке, они нагружаются нефтью и солью и отправляются в Зинзили (Энзели. – *А.Р.*), где и скупают на вырученные деньги сарачинское пшено, шёлк, хлопчатную бумагу, шёлковых и бумажных изделий, и отвозят оные или прямо в Астрахань, или заходят опять в Баку, смотря по обстоятельствам торговым или времени года, дабы укрыться от непогоды в Баканской гавани» [Броневский 1823: 401–403].

В указанном году Баку уже входил в состав России, но и за тридцать лет до того, в изучаемое время структура товарной массы, номенклатура товаров, объёмы грузов, шедших из Баку в Астрахань и обратно, были в целом аналогичными [Искендерова 1999: 43–59].

Во второй половине XVIII в. изменилась к лучшему обстановка на путях из Средней Азии в Оренбург – новый пункт восточной торговли России. Это привлекало сюда даже столь давних астраханских негодантов, какими являлись купцы-индийцы [Витевский 1897: 723–752, 793–

830, 835–840; Жуковский 1915: 83–94; Юхт 1957: 141; Шкунов 2013: 10–11]. Однако связи Баку со среднеазиатскими центрами (Хива, Бухара) имели более устойчивый и безопасный характер, нежели Оренбурга, что также возвышало Баку в азиатской торговле и Астрахани, и всей России.

Сказанное обозначало, что остановка или разрыв связей с Баку грозили сильнейшим ударом по купцам и судовым перевозчикам – россиянам, специализировавшихся на связях Астрахани с Востоком. Ущерб в этом случае ожидал бы и местные экономически активные общины иноземцев – индийцев, персов, армян. Соответственно, таможня Астраханского порта и губернская казна предполагали большую потерю поступлений. Препятствия в обмене с Баку отчасти грозили нарушением структуры астраханского и, шире, всего восточного импорта России, ориентированного на потребности правящего слоя и аппарата управления государством, что могло стать предметом забот и верховной власти. Понятно, что столь серьёзного оборота губернатор хотел избежать и, как следствие, погасить инцидент.

Повлияло на решение в вопросе о пленнике и непростое военнополитическое положение на юго-восточных окраинах страны в целом. Важнейшим делом И.В. Якоби в период пребывания в Астрахани (1776–1780 гг.) было сооружение оборонительного рубежа – Азово-Моздокской (Кавказской) линии для защиты от набегов воинственных горцев Кабарды и Закубанья [Броневский 1996: 131]. Сановнику также надлежало обустроить мангышлакских туркменов – бывших калмыцких подданных: в 1771 г. они не пожелали уйти в Китай вместе с калмыцким ханом Убаши, теперь же претендовали на калмыцкие кочевья на Волге. В задачу губернатора входило и утверждение среди независимых туркменов хана Пирали, сына российского вассала хана казахов Нурали. По возможности предполагалось наладить комбинированный (сухопутный и морской) товарный транзит через Мангышлак в Астрахань из Хивы и Бухары [Русско-туркменские 1966: 112–113, 116–117]. При подобной нагрузке новый пограничный конфликт, чего бы он ни касался, становился для астраханского наместника нежелательным.

Наконец, следует принять во внимание и идейные факторы, задавшие позицию губернатора. И.В. Якоби, сын своего века, типичный екатерининский «просвещённый» вельможа, в политике мыслил утилитарно, исходил из представлений о выгоде государства во всех её проявлениях и не руководствовался отвлечёнными соображениями. Интересами Церкви как должностное лицо он не пренебрегал, но и учитывал их лишь постольку, поскольку Церковь в государстве выполняла функцию школы гражданских порядков, понимаемых в просветительском духе, работала на культурное сближение центра и периферии России. Здесь И.В. Якоби оказывался заодно с тем же уволенным П.Н. Кречетниковым, выдвигавшим соответствующий план в отношении Малой Кабарды [Кабардино-

русские 1957: 313, 315, 316]. Посему перевод в православие малолетнего выходца из Ширвана оба губернатора оценивали как безусловное благо.

Но, определяя судьбу мальчика-новокрещена, И.В. Якоби полагал всё же более важными беспрепятственное сообщение по Каспию и внешнюю торговлю, нежели формальное торжество вероисповедных приоритетов. Выход виделся в закулисной договорённости, способной снять противоречие на деле.

Таким образом, можно говорить о прагматическом характере тогдашнего курса России на юго-восточных окраинах. Подобное наблюдение расширяет представления о роли религиозного фактора в дипломатии Российской империи при Екатерине II в целом, о месте религии в вероисповедной политике екатерининского «просвещённого абсолютизма».

Тенденцию, при которой соображения престижа Церкви занимали строго определённое место, отразил в своей деятельности не один лишь И.В. Якоби, а целый ряд пограничных губернаторов того времени. Поэтому логичен вывод, что контроль соблюдения церковных интересов лежал всецело в ведении верховной власти. В данном случае показательно, что идея компромисса, способного отстоять требование господствовавшего исповедания, была внесена именно в рескрипт Екатерины II на имя И.В. Якоби, упомянутый в синодском указе.

Источники:

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).

Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: документы и материалы в 2 т. Т. II. XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 425 с.

Русско-туркменские отношения в XVIII–XIX вв. (до присоединения Туркмении к России). Сборник архивных документов. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1963. 585 с.

Литература:

Абдурахманов А.А. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой половине XVIII в. Баку: Нагыл Еви, 2011. 136 с.

Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семёном Броневским. Ч. 2. М.: в типографии С. Селивановского, 1823. VIII, 465, 6 с.

Броневский С.М. Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доняне. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. 232 с.

Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 3. Казань: Типо-литография В.М. Ключникова, 1897. IV, 617–973 с.

Дарабади П. Кавказско-Каспийский регион в системе геополитических отношений XVIII – начала XIX веков // Кавказ & Глобализация. 2008. Т. 2. Вып. 4. С. 144–159.

Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг.: б/и, 1915. XII, 216 с.

- Искендерова М.С.* Бакинское ханство. Баку: Чашиоглы, 1999. 212 с.
- История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона). М.: Международные отношения, 2000. 304 с.
- Левиатов В.Н.* Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1948. 190 с.
- Маркова О.П.* Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М.: Наука, 1966. 323 с.
- Мустафазаде Т.Т.* Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. Баку: Элм, 1993. 240 с.
- Рябцев А.Л.* Особенности восточной торговли России в XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5 (19). Ч. II. С. 163–167.
- Ряжев А.С.* Вероисповедная политика русского «просвещенного абсолютизма»: история изучения // История и историки. 2005. М.: Наука, 2006. С. 84–126.
- Чечулин Н.Д.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1896. [6], VIII, 468, IV с.
- Шкунов В.Н.* Торгово-экономические отношения Российской империи с сопредельными странами Востока во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2009. 54 с.
- Шкунов В.Н.* Среднее Поволжье в системе внешней торговли Российской империи в XVIII – XIX веках. Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, Поволжский филиал Ин-та российской истории РАН, 2011. 199 с.
- Шкунов В.Н.* Оренбург и формирование новых направлений российско-восточной торговли во второй половине XVIII века // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15. № 5. С. 7–11.
- Юхт А.И.* Индийская колония в Астрахани // Вопросы истории. 1957. № 3. С. 135–143.
- Юхт А.И.* Торговля России со странами Востока во второй половине XVIII в. и армянское купечество // Историко-филологический журнал АН Армянской ССР. 1981. № 2. С. 85–106.

ВОЙНЫ НА ЮГЕ РОССИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ И КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУР НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ В XVIII В. *

Белусов С.С.¹

¹кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста)

E-mail: belousovss@kigiran.com

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния войн на Юге России на формирование этносоциальной и конфессиональной структур населения Северо-Западного Прикаспия в XVIII в. Автор отмечает, что в силу своего приграничного расположения к театру военных действий, формирующаяся этносоциальная структура населения Северо-Западного Прикаспия испытала сильное воздействие военного фактора. Это влияние было как непосредственным, так и опосредованным, при этом большую роль в данном процессе сыграло государство. Военный фактор в той или иной степени затронул практически все сферы жизни населения Северо-Западного Прикаспия.

Ключевые слова: Северо-Западный Прикаспий, XVIII век, русско-турецкие и русско-персидские войны, казаки, калмыки, ногайцы, армяне этносоциальная структура.

В истории Северо-Западного Прикаспия XVIII век является важнейшим в его истории, поскольку в это время были заложены основы его современной этносоциальной и конфессиональной структур населения. На их формирование оказывали воздействие факторы различного характера, в том числе военный, сыгравший большую роль в данном процессе.

В рассматриваемый период времени обширные пространства Северо-Западного Прикаспия входили в образованную в 1717 г. по повелению Петра I Астраханскую губернию. Процесс формирования на её территории этносоциальной и конфессиональной структур протекал в условиях фронта, когда ещё не было чётко обозначенных внутренних и внешних границ, и власть российской администрации была слабой. В продвижении России на Кавказ ей противостояли сильные региональ-

* Статья выполнена в рамках проекта РНФ 17-18-01411 «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI вв.: история, демография, антропология».

ные державы – Турция, Иран и Крымское ханство, с которыми ей приходилось нередко вести войны, что наложило свой неизгладимый отпечаток на историю развития Прикаспия.

В утверждении своей власти российское руководство опиралось на сеть военных городков-крепостей, разбросанных вдоль р. Волги, Терека, Яика, которые совмещали военные и административные функции. Большую часть населения этих городков составляли военные служилые люди: стрельцы, казаки, драгуны, пушкари, в Астраханской губернии тогда практически отсутствовало сельское население. Городки были немногочисленны и находились в окружении кочевников: калмыков, казахов, ногайцев и др., считавшими, хотя и подданными России, но на самом деле не подчинявшиеся российской администрации. Кочевники часто нарушали договора с российской администрацией и совершали набеги на городки и немногочисленное мирное население. Для ограждения от набегов кочевников в 1717 г. было принято решение о создании Царицынской укрепленной линии, а в 1733 г. и в 1750 г. об учреждении Волжского казачьего войска и Астраханского пятисотенного казачьего полка, положившего начало созданию Астраханского казачьего войска. Важно отметить, что предшественником Астраханского пятисотенного полка была Астраханская казачья команда, а непосредственный толчок к её формированию дала русско-турецкая война 1735-1739 гг. Во время войны ряд полков Астраханского гарнизона был переведён на Царицынскую укрепленную линию, а Астраханский драгунский полк отправлен на подавление башкирского восстания. Всё это сильно ослабило военный гарнизон г. Астрахани и побудило астраханского вице-губернатора Л.Я. Соймонова обратиться в Государственную коллегия иностранных дел с ходатайством об учреждении в г. Астрахани казачьей команды на постоянной основе и из местного населения. В январе 1737 г. Сенат постановил образовать в г. Астрахани казачью команду из 300 крещеных калмыков и снабдить их всем необходимым для военной службы за счёт государственной казны [Торопицын 2009: 81]. Эта команда была создана, однако, вследствие побегов, смерти калмыков и отправки части их в г. Ставрополь-на-Волге, к 1745 г. её численность сократилась до 179 человек. После этого команда стала укомплектовываться преимущественно представителями славянского населения из числа служилых людей.

С русско-турецкими войнами связано и создание Волжского казачьего войска. В результате неудачной войны с турками в 1710–1713 гг. Россия утратила крепость Азов, что усилило угрозу нападений со стороны крымских татар. После опустошительного их набега в 1717 г. на Пензенский и Саранский уезды Казанской губернии российское руководство приняло решение создать Царицынскую Сторожевую линию, строительство которой было завершено в 1720 г. Для её охраны собственно и было учреждено в 1733 г. Волжское казачье войско, просуществовавшее

в качестве самостоятельного войска до переселения в 1770–1797 гг. основной его части на р. Терек. Оставшиеся на Волге в небольшом количестве волжские казаки были влиты в начале XIX в. в Астраханское казачье войско.

В XVIII в. военный фактор оказывал доминирующее влияние на ход, темпы и характер государственной колонизации в Северо-Западном Прикаспии. Начнем с того, что переселенческий поток государственная власть направляла преимущественно на освоение важнейших сухопутных коммуникаций, связывавших центр Нижнее Поволжье с Северным Кавказом. В XVIII в. предпочтение при выборе переселенцев отдавалось военно-служилым группам населения: казакам, отставным военным и проч., способных быстрее и эффективнее адаптироваться в районах, постоянно испытывавших угрозу военного вторжения. Так, волжские казаки принимали участие в заселении отрезка Московского тракта от Саратова до Царицына, где ими было учреждено 6 станиц, а астраханские казаки во второй половине 1860-х гг. основали на том же тракте на промежутке между Царицыным и Астраханью 7 станиц. В 1760-е – первой половине 1780-х гг. власти пытались привлечь астраханских, донских казаков, отставных военных к поселению на Кизлярском тракте, но все попытки потерпели неудачу, главным образом из-за тяжелейших природных условий местности, её сильной удалённости от ближайших населенных пунктов и нехватки людских ресурсов.

После русско-турецкой войны 1768–1774 гг. на Северном Кавказе по предложению князя Г.А. Потёмкина в 1777 г. началось строительство Азовско-Моздокской укрепленной линии, предназначенной для прикрытия от набегов черкесов и адыгов и турецких войск 500-вёрстной южной границы Астраханской губернии и Донской области. В относительно короткий срок (1777–1780-е гг.) в предкавказской степи было построено более 30 военных укреплений. Для их заселения, а также новых поселений, возникших под защитой крепостей, активно привлекались донские и волжские казаки, отставные военные и государственные крестьяне.

Устройство сети поселений на Азовско-Моздокской укрепленной линии и на прилегающих к ней территориях, размещение там новых воинских контингентов повысило значимость дорог, связывавших Центр и Поволжье с Северным Кавказом. 9 мая 1785 г. вышел императорский указ, в котором кавказскому наместнику П.С. Потёмкину предписывалось принять меры по заселению Царицынско-Ставропольского, Черкасского и Кизлярского трактов. При выборе контингентов для первых двух трактов предпочтение должно было отдаваться отставным солдатам, а сами поселения в целях безопасности рекомендовалось обносить земляными укреплениями [ПСЗРИ-I, т. XXII: 390]. Вслед за упомянутым указом последовали ещё два – от 1 июня 1785 г. [ПСЗРИ-I, т. XXII: 415] и от 19 августа 1786 г. [ПСЗРИ-I, т. XXII: 676],

окончательно определившие порядок переселений, контингент переселенцев и льготы для них. Тракты решено было заселять отставными солдатами, однодворцами, государственными и дворцовыми крестьянами, им предоставлялась льгота от уплаты налогов на полтора года, разрешалось переселяться неполными семьями и с недоимками, но с условием уплаты их на новом месте.

Властям довольно быстро удалось найти добровольцев для поселения на Черкасском и Царицынском трактах. Уже в 1785 году на них изъявили желание водвориться 800 однодворцев из различных губерний и 1000 татар из Пензенского наместничества [ПСЗРИ-I, т. XXII: 415]. В отличие от прошлых лет, когда переселенцев различных категорий и губерний селили вместе, Потёмкин решил осуществить поселение более или менее однородными группами. Для этого он внёс изменения в расселение некоторых партий переселенцев, которым уже были назначены места, в результате чего к поселению на Царицынский тракт были назначены татары Казанской и Вятской губерний, а на Черкасский тракт – войсковые обыватели Харьковской губернии [Бентковский 1886].

Политика по привлечению к поселению на Царицынско-Ставропольском тракте выходцев из Среднего Поволжья способствовала формированию и укреплению в Астраханской губернии тюркских и фино-угорских этнословных групп: яшашных, крещеных и служилых татар, крещеных чувашей и мордвы. До этого в губернии имелась только одна община из Среднего Поволжья – это служивые татары, поселившиеся в г. Кизляре после персидского похода 1722–1723 г. Они охраняли границу, вели разведку, использовались на переводческой и дипломатической работе.

Войны России на её южных рубежах в XVIII в. усилили приток в Астраханскую губернию армянского и грузинского населения, большинство из которых переселялись в неё в надежде избавиться от притеснений со стороны властей Турции и Ирана. Миграции упомянутых народов были связаны с активизацией действий России в юго-западном Прикаспии. Это направление внешней политики, начиная со времени правления Петра I, для России приобретает особое значение. Интерес российского руководства к данному региону был обусловлен соображениями военно-стратегического и экономического характера. В его планы входило превращение России в главную транзитную артерию евразийско-азиатской торговли по линии Балтийское море – Волга – Каспийское море [История 2000: 229].

Для России крайне важно было обеспечить контроль над Персией и подвластными ему тогда территориями Северного Кавказа, Афганистана и Западного Прикаспия, производившие и поставлявшие в большом количестве на внешний рынок шелк-сырец, хлопок, ткани, драгоценные металлы, камни и другие товары. Сильным соперником России тогда в

Прикаспии выступала Турция, через порты которой европейские компании вывозили шёлк с региона. Турция всячески старалась укрепить свои позиции в Персии, что вызвало острое противостояние с Россией.

В 1722–1723 гг. Петр I, воспользовавшись ослаблением Персии, ввёл войска в её прикаспийские провинции, где была установлена власть российской администрации. Чтобы укрепить присутствие на новых местах лояльных России христианских народов император повелел пригласить на жительство в Гилян, Мазандеран, Баку и Дербент армян и грузин. В 1735 г., однако, Россия оставила эти территории, сохранив только земли за р. Терек. Вместе с русскими войсками, опасаясь, репрессий, ушло тогда много армян и грузин.

Сражавшиеся в период персидской компании в составе русских войск отряды армян и грузин были вновь приняты на военную службу и поселены в основанную в 1735 г. крепость Кизляр. Основная масса этой волны переселенцев из числа военных и мирного населения осела в Астрахани и Кизляре, несколько десятков семей расселились в близлежащих к Кизляру населенных пунктах

В первой четверти XVIII в. произошёл исход части грузинской элиты в Россию. 1724 г. в неё мигрировали, спасаясь от турецких преследований, царь Картли Вахтанг VI и многие лица знатного происхождения – от 1300 до 3000 человек. Вахтанг VI остановился в Астрахани, в которой прожил со своей семьёй и свитой 13 лет, здесь он умер и был похоронен. Из знатных грузин-эмигрантов в Астрахани жили и нашли упокоение также зять Вахтанга VI Теймураз II и ряд высокопоставленных иерархов Грузинской православной церкви и ряд священников.

Новый приток армян и грузин на юг России пришёлся на вторую половину 1790-х гг. В 1796 г. корпус графа Зубова вторгся на территорию Персии и захватил её прикаспийские владения от устьев р. Терека до устьев р. Куры, однако в ноябре того же года после смерти императрицы Екатерины II **вступивший на престол Павел I приказал войскам вернуться** на исходные позиции на Кавказской укрепленной линии. Это решение поставило в тяжёлое положение местное армянское и грузинское население, которое приветствовало приход русских войск и теперь вынуждено были спасаться от репрессий со стороны шаха на территории России.

Эти армяне и грузины расселились в Астраханской и Кавказской губернии, значительно увеличив в численности местные диаспоры. В Астрахани, например, численность армян в течение XVIII в. возросла с 200 до 5 тысяч человек, что увеличило их удельный вес в населении города до 18 %. Поселившиеся в Астраханской губернии армяне способствовали укреплению её торгово-промышленного слоя, поскольку армянская община состояла в основном из купцов, ремесленников, мелких торговцев, работников по найму. Они активно занимались внутренней и внешней торговлей, виноградарством и садоводством,

развивали хлопчатобумажную и шелкоткацкую промышленность. Во второй половине XVIII в. армяне, например, владели 32 из 38 шелкоткацких мануфактур.

Астраханские армяне имели свободу вероисповедания, своё самоуправление и суд, в 1717 г. в г. Астрахани с разрешения российского руководства была образована епархия Армянской Апостольской церкви, в которую входили все армянские приходы на территории империи. По мнению многих исследователей, в XVIII в. армянская колония в Астрахани являлась самой крупной и влиятельной среди других восточных колоний.

Активизация усилий России на Прикаспийском направлении потребовала принятия мер по укреплению военного потенциала Астраханской губернии, что, в свою очередь, отразилось на её социально-экономическом развитии. Так, в военных целях в Астрахань были перенесены из Казани судостроительные верфи, создана Каспийская военная флотилия и построены в дельте р. Волги 5 военных крепостей, положивших начало новым населенным пунктам. Учреждение по распоряжению Петра I в 1722 г. в г. Астрахани судоверфи привело к развитию её портовой инфраструктуры, позволило ликвидировать недостаток в судах для рыболовецких и торговых флотилий.

Для строительства и обслуживания флотилии, судоверфи в Астрахань приглашались иностранные специалисты, в основном немецкого происхождения. Со временем из них сформировалась небольшая по численности немецкая колония, члены которой служили офицерами на флотилии и занимались строительством кораблей. Для обслуживания их религиозных потребностей в г. Астрахани немцам разрешили возвести лютеранскую кирху, ставшую религиозным центром для лютеран губернии.

Победы русских войск в Прикаспии способствовали становлению в Астраханской губернии селитряной промышленности, первый завод которой был основан в первой четверти XVIII в. в районе с. Селитренное, а также текстильного производства. Приток шелка-сырца с иранского Кавказа своим результатом имел развитие текстильной отрасли и в Астрахани, где возник ряд предприятий по производству изделий из шелка и хлопка.

Создание в Астраханской губернии военной инфраструктуры повлекло изменения в её сословно-профессиональной структуре населения: появились новые группы по обслуживанию предприятий судостроительной, ткацкой, шёлковой и других отраслей промышленности.

В XVIII в. на геополитическую обстановку на Юге России большое влияние оказывали калмыки и ногайцы, ведшие кочевой образ жизни. Наиболее многочисленными и сильными в военном отношении являлись калмыки, пришедшие из Джунгарии, и расселившиеся в течение XVII – XVIII вв. на огромных степных просторах Нижней Волги и Пред-

кавказья. Они считались российскими подданными, однако часто действовали независимо и самостоятельно. Российское государство использовало военный потенциал калмыков для решения своих геостратегических задач на южных рубежах в противостоянии с Турцией, Крымским ханством и Персией. До ухода в 1771 г. большей части калмыков назад в Джунгарию российское руководство не проявляло интереса к реформированию их социально-экономического и политического строя, считая более целесообразным поддерживать у них кочевой уклад жизни и военизированный быт. Подвижной образ жизни калмыков позволял им контролировать большие территории и поддерживать постоянную боеготовность их конницы, необходимой для участия в военных компаниях России на её южных рубежах. Российские власти опасались, что в случае перехода всего калмыцкого народа на осёдлый образ жизни их степи займут своими кочевьями недружественные России народы, под которыми тогда подразумевались казахи, а также «кубанские и горские народы. Не поощряя переход калмыков в целом на осёдлость, власти, тем не менее, в порядке исключения не препятствовали седентаризации отдельных групп калмыков, в основном принявших крещение калмыков.

В орбиту противостояния России с Турцией и Крымским ханством в XVIII в. оказалась втянутой и другая многочисленная группа кочевников – ногайцы. В XVII – первой половине XVIII в. они были вытеснены из мест своего обитания в урало-нижневолжских степях на Кубань и в Крым, пришедшими в Россию калмыками. Основная масса ногайцев расселилась на правом берегу р. Кубани, принадлежащему в то время Крымскому ханству. После присоединения в 1783 г. к России правобережной Кубани, ногайцев, чтобы изолировать их от влияния Турции, решено было переселить в междуречье р. Волги и Урала, однако, из-за их решительного отказа, переросшего в восстание, воплотить данный план в жизнь не удалось.

В период расселения калмыков в южных степях России под их власть подпала часть ногайцев, ставшая их подданными. Отдельные группы ногайцев в первой половине XVIII в. в период военных компаний попадали к калмыкам в качестве добычи и уводились ими в волжские кочевья, но большинство из них при удобном случае совершали побеги и возвращались на Кубань и Северный Кавказ.

Из немногих ногайских групп, оставшихся жить в Северно-Западном Прикаспии, следует выделить ногайцев-карагашей. До переселения в Астраханскую губернию они кочевали в Прикубанье, в 1723 г. во время персидского похода Петра I ногайцы-карагаши были пленены калмыками и обложены данью. После ухода в 1771 г. в Джунгарию большей части калмыков карагаши были освобождены от их власти и переданы под управление астраханской администрации. Им были отведены земли в Красноярском уезде Астраханской губернии, на которых они основали

в 1788 г. села Сеитовку и Хожетаевку. В XIX в. выходцами этих населенных пунктов были образованы поселения Лапас, Ясын-Сокан, Малый Арал, Большой и Малый Джанаи и другие.

Источники:

Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Том XXII. 1784–1788 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1158 с. (ПСЗРИ-II).

Литература:

Бентковский И.В. Первоначальное устройство административных учреждений в Кавказской губернии // Ставропольские губернские ведомости. 1886. № 41.

История Астраханского края. Астрахань: Изд-во Астраханского государственного педагогического университета, Астрахань. 2000. 1122 с.

Торопицын И.В. Астраханская трехсотная казачья команда: предпосылки создания, особенности формирования и обеспечения // 1-е Бирюковские чтения: Материалы Бирюковских чтений (16 января 2009 г.) Астрахань: Издательско-полиграфический комплекс «Волга», 2009. 89 с.

«УСТАВ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ НОГАЙЦЕВ И ДРУГИХ МАГОМЕТАН, КОЧУЮЩИХ В КАВКАЗСКОЙ ОБЛАСТИ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КОЧЕВЫХ ИНОРОДЦЕВ СТЕПНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

Лиджиева И.В. ¹

¹ кандидат исторических наук, заведующий отделом истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста)

E-mail: irina-lg@yandex.ru

Аннотация. Целью данной статьи является рассмотрение «Устава для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» как источника по истории кочевых инородцев Степного Предкавказья. На основе проведенного анализа в заключении автором сделан вывод о том, что положения указанного документа представляли собой синтез правовых норм и норм обычного права, основанных на традициях кочевых народов магометанского вероисповедания Ставропольской губернии.

Ключевые слова: Степное Предкавказье, Ставропольская губерния, кочевые инородцы, Устав, законодательные источники, правовая норма.

В жизни каждого человека есть учителя, такие, чьи имена порой бывает сложно вспомнить, и такие, с именами которых мы с благодарностью связываем свои успехи и достижения. Таким учителем стал для меня Константин Николаевич Максимов. Уже прошло десять лет после защиты моей кандидатской диссертации под руководством К.Н. Максимова, а я всегда с гордостью говорю, что я – ученица Максимова. В год 80-летнего юбилея профессора К.Н. Максимова желаю ему долгих лет жизни, крепкого здоровья и творческих успехов!

Законодательные акты являются нормативными документами, санкционированными верховной властью, и относятся к одному из видов исторических источников. Предметом исследования данной статьи является «Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» как источник по истории управления и самоуправления кочевых народов мусульманского вероисповедания Ставропольской губернии.

«Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области», утвержденный 6 февраля 1827 г., состоит из шести глав: «Состав Управления», «Порядок определения, увольнения и выбор», «Предметы Управления», «Обязанности Частных приставов», «Обязанности родового или волостного и аульного начальства», «Общие права для кочующих Магометан», которые включают 96 статей. Данный нормативный правовой акт является составной частью Высочайше утвержденного Учреждения для управления Кавказской областью [ПСЗРИ-II: 145–155]. Согласно § 133 Отделения I указанного документа «Кочующие инородцы, так-то: Ногайцы и других наименований Магометане, управляются особенным начальством, на основании их степных обычаев и обрядов, и на основании особенных об них правил» [ПСЗРИ-II: 121].

К магометанам, кочующим в Области, были отнесены: калауские ногайцы, кочевавшие по Калаусу и Янкулям в Ставропольском округе в составе 1 456 кибиток; бештовские ногайцы – по Куме и Сабле в Георгиевском округе в составе 1 147 кибиток; джембулуковские и едисанские в составе 1 179 кибиток – между Моздоком и Кумой в Моздокском округе; 4 321 кибиток каранагайцев и едишкульцев в Кизлярском округе и 1 400 кибиток трухменцев и киргизов, в зимнее время кочевавших в Кизлярском округе, а в летнее время – на калмыцких землях.

Вертикаль органов исполнительной власти формировалась сверху вниз. Так, все кочевые магометане, как указано в «Уставе», подчинялись Главному приставу, кандидатура которого представлялась Правителем Области на утверждение министра внутренних дел. В непосредственном подчинении Главного пристава находились пять частных приставов, в помощь каждому из них определялись по одному помощнику, кандидатуры, которых утверждались Главноуправляющим.

Аппарат Главного и Частных приставов, в состав которого входили письмоводители и переводчики, определялся Главным приставом с утверждения Правителя области. Постоянное местопребывание Главного пристава определялось Начальником области, в зимний же период для получения предварительных распоряжений он находился в областном городе.

К обязанностям Главного пристава относились: исполнение всех предписаний и поручений Главноуправляющего и областного начальника; контроль за исполнением должностных обязанностей частных приставов, их помощников, голов и старшин, проведение с этой целью 2 раза в год инспекторских проверок всех подведомственных ему народов. В случае несоответствующего исполнения должностных обязанностей частными приставами и их помощниками Главный пристав передавал материалы на рассмотрение о соответствии Областному начальнику. «Отрешение от должности» голов и старшин производилось непосредственно Главным приставом.

Согласно данному документу, Главный пристав должен был разработать проект документа об исполнении повинностей народами, находившимися в его ведомстве, и внести его на рассмотрение областному начальнику. Кочевые мусульмане Кавказской области не были обременены налогами в пользу казны, но несли подводную и кордонную повинности. При этом их распределение было неравномерным: одни производили развозку казенного провианта на продовольствие войск и содержали почтовые станции, другие также развозили провиант, но в меньшем количестве, третьи выполняли кордонную повинность. Главному приставу предстояло с учетом образа жизни населения, занятий и хозяйства произвести их уравнивание и далее осуществлять надзор за легитимностью налогообложения, не допуская незаконных сборов.

На Главного пристава была возложена и обязанность по сбору сведений о податях или иного рода повинностях, отбываемых на основе традиций и обычаев кочевниками-простолюдинами в пользу мурз, а также сведений о правовом статусе тарханов. В связи с тем, что правительство планировало ликвидировать звание последних, предстояло собрать информацию о том, кто и с какого времени обладает этим статусом.

Как отмечалось в документе, особое попечение Главного пристава составлял общественный капитал. Изыскание способов его пополнения и увеличения, а также контроль за их расходом осуществлялись только по приговору общества.

Главный пристав участвовал в работе Областного совета по вопросам, относящимся к подведомственным ему народам. Он должен был охранять права кочевых магометан, в особенности от территориальных притязаний; осуществлять заботу об улучшении их благосостоянии, внушая преимущества оседлого образа жизни перед кочевым.

Особая обязанность Главного пристава заключалась в сборе сведений о законах и обычаях кочевых народов по следующей форме: 1) права лиц, т.е. описание социальной структуры общества, прав и обязанностей разных слоев; 2) законы и обычаи, характеристика системы судопроизводства и судопроизводства, включая подведомственность дел мурзам и старшинам, пределы их полномочий; обряды разбирательства и решения; обряды присяги и т.д.; 3) законы частные: дела по нарушению правил веры; неповиновение и буйство; кражи; обманы; иски по свадебным делам; наследство, дела долговые; распри по играм и пиршествам; дела врачебные; распри по ловлям и промыслам; дела по скотоводству; иски, возникающие от нечаянных и неосторожных поступков; жалобы на должностных лиц.

Частные приставы отвечали за сохранение общественного порядка на территории приставства. К их компетенции относились осуществление паспортного контроля и надзор за лицами неблагонадежного поведения. В связи с тем, что кочевые инородцы не могли покидать без

разрешения пределы приставства, в обязанности частных приставов входило снабжение желающих выехать «письменными видами», которые были двух видов. Первый – на отлучку по Области Кавказской, также за Терек и Кубань не далее как на два месяца – выдавался на простой бумаге. Второй – по торговым и другим надобностям в соседние и внутренние Российские губернии, сроком от одного до четырех месяцев, – на гербовой бумаге стоимостью 50 коп. Гербовая бумага закупалась на средства общественного капитала, стоимость которого возмещалась после оплаты выезжающих.

Непосредственными обязанностями частных приставов являлись охрана и защита прав народа, способствование к их переводу к оседлому образу жизни; при этом «сии внушения не должны иметь вида принуждения».

В период эпидемий частные приставы должны были принять меры для предотвращения распространения заболевания.

В гражданское судопроизводство, осуществляемое кочевниками на основе обычного права, частные приставы не вмешивались. При этом они непосредственно производили следственные действия с участием голов и старшин в случае совершения уголовного преступления. В делах о потраве хлеба, сена и т.п., где одной из сторон выступали казаки, армяне или крестьяне, частный пристав должен был добиваться мирового соглашения, проводя разбирательство с приглашением представителей начальства тех ведомств, где состояла одна из сторон. В случае недостижения соглашения при ущербе более 100 руб. ассигнациями дело могло быть направлено на рассмотрение в окружной суд.

Частные приставы имели право присутствовать на общественных собраниях и совещаниях для поддержания порядка, но в принятии приговора участие не принимали, а также в ходе выборной компании проводили разъяснительную работу о том, кто может быть избран на общественные выборные должности. По завершении выборов частные приставы составляли списки избранных, а также кандидатов к ним для представления Главному приставу кочующих народов.

В ходе решения вопросов о раскладке повинностей частные приставы представляли разнарядку о необходимых финансовых средствах или количестве подвод для развозки провианта, предоставляя обществу возможность самостоятельно произвести распределение и составить соответствующий приговор. Частные приставы не имели права вмешиваться в распределение средств общественного капитала, между тем обязаны были не допустить нецелевого расходования средств, а также по окончании года в присутствии всех выборных провести отчет, бумажный вариант которого должен быть предоставлен губернскому начальству. Более того, частные приставы, так же как и Главный пристав, должны были искать способы и источники пополнения родовых капиталов, «не касаясь налогов или сборов с народа».

При таком широком спектре функциональных обязанностей закономерно то, что частные приставы не имели постоянного местожительства, а обязаны были находиться в кочевьях своего ведомства «там, где требует надобность присутствия его или предписано от Главного Пристава».

В соответствии с параграфами 140–143 «Учреждения» [ПСЗРИ-II: 122] законодатель классифицировал правонарушения, совершаемые инородцами, на три категории в зависимости от степени важности для интересов государства. К первой категории были отнесены так называемые общественные преступления: измена, подстрекательство к мятежу, побег за границу с преступными целями и привлечение иностранных «хищников». Ко второй – частные преступления: убийство, грабеж, поджоги, фальшивомонетничество, угон скота на сумму свыше 100 руб. либо неоднократные попытки такового. К третьей категории были отнесены все остальные преступления, которые не попали ни к первой, ни ко второй категориям. Дела, отнесенные к первой категории, рассматривались военными судами, ко второй – окружными судами, а к третьей – внутренним управлением на основании принятых норм и обычаев. На наш взгляд, подобная градация правонарушений являлась следствием той политики, проводимой имперскими властями в отношении инородческого населения, которая позволяла, с одной стороны, соблюдать интересы государственной безопасности, а с другой – учитывать этноконфессиональную специфику инородческого общества. Так, для участия в работе окружных судов ежегодно избирались от каждого приставства по одному заседателю или депутату, которых выдвигали из среды своего аула. Кроме того, в каждом приставстве с целью обеспечения общественного порядка ежегодно избирались сроком на один год один голова, два старшины и казначей. Населению аулов численностью не менее десяти кибиток предоставлялось право избирать старосту и десятского. В связи с многочисленностью населения в приставстве караногайцев и едишкульцев избирались два головы, четыре старшины и один казначей. Число выборных должностных лиц по необходимости могло увеличиваться или уменьшаться по согласованию с Главным управлением. Кандидатуры всех должностных выборных лиц утверждались Главным приставом.

Дата проведения выборов назначалась частным приставом. Выборный период выпадал «перед весенней кочевкой с середины января и не позже середины марта в том уважении, дабы не сделать помешательства в приготовлениях их к весенней кочевке и работам».

Голова, старшины, казначей общества, старшины аульные и десятники, или нарядчики, т. е. все выборные должностные лица, состояли в непосредственном подчинении частного пристава и обязаны были исполнять все его указания в части «Полицейского устройства».

Голова и старшины являлись выборными должностными лицами, имевшими непосредственный контакт с населением и органами исполнительной власти. Так, к непосредственным их обязанностям относились осуществление учета семейств, знание мест их кочевков, недопущение и пресечение «вражды, несогласия и несправедливых притязаний, как между простым народом, так и со стороны Мурз и Духовенства». Разбор частных дел между инородцами-мусульманами также относился к введению голов и старшин и осуществлялся «по их древним обычаям, законам и обрядам...». Решения указанных лиц вступали в полную силу и не подлежали пересмотру, в случае если стоимость иска не превышает 100 руб., если обе стороны довольны решением и если в течение года это решение не будет обжаловано в Окружном суде.

В случае обвинения члена общества в дурном поведении или в краже (не более трех раз), размер ущерба которой составлял менее 100 руб., рассмотрение обстоятельств дела происходило на общественном сходе. Виновные могли быть подвергнуты легкому телесному наказанию, «которое ни в коем случае не должно превышать 100 ударов» и не иначе как по утверждению данного решения частным приставом.

Уголовные дела разбирательству посредников, голов и старшин не подлежали. При этом в документе отмечалось: «Никто другой, кроме мирского Суда, или приговора и осуждения Судебного места, не может подвергнуть инородца наказанию или платежу». Нарушения религиозных норм, также как и правоотношения между супругами, и родителями и детьми рассматривались духовенством «по их законам».

Раскладка повинностей в аулах по семействам производилась на основании общественного приговора аульными старостами, в присутствии головы и старшин. Принцип раскладки основывался не на количестве душ в кибитке или семействе, а в зависимости от состояния хозяйства или промысла.

На срок несения службы освобождались от несения общественных повинностей выборные должностные лица: голова, старшины, казначеи, аульные старосты и десятичники. Выборные должностные лица, прослужившие не менее трех лет и имевшие поощрения за службу, по решению схода имели права быть освобождены от несения общественной повинности сроком на один год после увольнения с должности.

Также освобождались от несения общественных повинностей: мусульманское духовенство, мурзы и их семейства, а также беднейшие вдовы, больные и калеки, которые по приговору общества освобождались временно.

В качестве общих прав для всех кочующих магометан, указанных в главе VI, законодатель рассматривает: пользование землями и угодьями в границах, определенных имперским законодательством; составление общественного капитала; прием в члены общества желающих быть при-

численными, а также переход с разрешения Главного пристава из одного общества в другое. Следует отметить, что принятые в члены общества посторонние лица освобождались от несения повинностей сроком на три года для обзаведения хозяйством.

Основными источниками дохода общественного капитала законодатель определил: средства, полученные со сдачи в аренду земельных угодий, выпаса постороннего скота, ловли рыбы, от промышленников, производящих по аулам торговлю товарами, а также из остатков суммы, получаемой от казны за развозку провианта.

Таким образом, «Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» является источником публично-правового характера, т. е. правительственного происхождения, имевшего высшую юридическую силу в пределах определенной территории государства, правовые нормы которого регулировали систему управления и самоуправления кочевых народов мусульманского вероисповедания Степного Предкавказья.

Источники:

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. II. № 1878. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 1560 с.

УДК 94(47)08

СОСЛОВНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ ПО МАТЕРИАЛАМ СВОДНЫХ ГОДОВЫХ ОТЧЕТОВ

Оконова Л. В.¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста).

E-mail: okonova.lv@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается отчетная статистика по калмыцким сословиям в XIX веке, которая была отражена в сводных годовых отчетах калмыцкого управления. Проведенный анализ показал, что политика Российской империи заключалась во введении калмыков в единую общегосударственную социокультурную среду. Подтверждением данного факта является реформа 1892 г., когда были окончательно разрушены традиционные сословные институты калмыцкого общества.

Ключевые слова: Астраханская губерния, Калмыцкая степь, сословная структура, сводный годовой отчет, инкорпорация.

Сословный статус, несмотря на постепенно утрачиваемую значимость в социально-правовой, а особенно хозяйственной жизнедеятельности российского населения, в том числе интересующих нас жителей Калмыцкой степи Астраханской губернии в XIX в., нашел объемное отражение в сводных годовых отчетах калмыцкого управления в качестве составного компонента. В отечественной историографии были достигнуты значительные успехи в освещении многих вопросов сословных институтов калмыцкого общества [Бурчинова 1980; Максимов 2002; История 2009; Батыров, Лиджиева, Оконова 2014]. В настоящее время разработки в данном направлении позволяют фокусировать внимание на ранее не исследованных вопросах. В данной статье автор рассматривает сводный годовой отчет калмыцкого управления как источник по изучению сословной структуры населения Калмыцкой степи Астраханской губернии.

Сводный годовой отчет калмыцкого управления – это сложный по содержанию вид исторического источника. Крупное собрание сводных годовых отчетов калмыцкого управления за 1849–1892 гг. находится в Национальном архиве Республики Калмыкия (далее – НАРК) в фондах

И-6, И-9. В фонде И-6 содержатся копии отчетов Ордынского управления за 1849, 1851–1856, 1862, 1863, 1865–1866 гг. Отчеты за 1849 и 1852 гг. хранятся в двух экземплярах, один из них является копией, а другой – черновым. Отчет за 1850 г. имеется только в черновом экземпляре. Отчеты за 1861, 1864 гг. не были выявлены, но за 1861 г. обнаружены 2 самостоятельных дела, одно из них – подготовительные материалы к отчету за 1861 г., а другое – приложения к отчету за 1861 г.

Значительный массив отчетов Управления калмыцким народом (далее – УКН) хранится в фонде И-9 «Управление калмыцким народом», в котором содержатся копии отчетов УКН за 1868–1878, 1884–1892, 1903, 1906 гг. Следует отметить, что черновой экземпляр отчета за 1867 г. ошибочно отнесен к фонду Отделения ордынских народов АПГИ (Ф. И-6), а копия отчета за 1868 г. выявлена в двух экземплярах – одна хранится в фонде И-9, а другая в фонде И-6. Кроме того, исследование подготовительных материалов и черновики отчетов за 1874–1875, 1879, 1881, 1883–1885, 1893–1897, 1899, 1902–1904, 1906, 1911–1912 гг. из НАРК выявило неоднородную степень их сохранности и целостности.

Сводный годовой отчет калмыцкого управления четко разграничивается на текстовую или описательную часть и приложения, состоящие из таблиц ведомостей. Для содержания текстовой части отчетов наиболее характерна повторяемость. Таблицы являлись значимым разделом отчетов, широко применявшимся в практике центрального и местного управления калмыцким народом. Содержавшиеся в отчетах сведения давали наиболее обобщенную информацию о состоянии Калмыцкой степи за каждый отчетный период. Их разносторонность ограничивалась рамками программных указаний. Они излагались в наиболее лаконичной и компактной форме. Однако, учитывая, что в каждом отчете давалась сводка по всем отраслям управления, объем информации был значительным. В результате чего, можно сделать вывод, что рассматриваемый вид исторического источника достигал 100 и более листов. Отчеты относились к разряду наиболее важной документации, которая с поступлением в архив подлежала постоянному хранению.

Сословный состав населения Калмыцкой степи в XIX веке нашел отражение в разделе сводного годового отчета калмыцкого управления «Народонаселение». Данный раздел состоит из текстовой части и приложений к нему ведомостей. Текстовая часть представляет собой краткую обобщенную итоговую информацию о населении степи за конкретный год. Например, к «1 января 1852 года состояло:

	Муж.	Жен.	итого
Членов Владельческих фамилий (нойонов)	44	498	92
Зайсангских фамилий	1390	1136	2526
Монашествующего Духовенства	2000		2000

Калмыков простолюдинов считалось кибиток, или семейств 15246. (*Народной переписи им по 190 ст. Положения 23 Апреля 1847 года не допускается). По доставленным сведениям известно, что в 1852 г. состояло:

	Муж.	Жен.	Итого	Против 1851 года более
Членов Владельческих фамилий*	49	49	98	8
Членов Зайсангских фамилий**	1424	1167	2591	65 менее
Духовенства	1945		1945	55
Калмыков простолюдинов			15268****	22

*Считаются на правах Дворянства

**Аймачные, т.е. заведывающие каким либо числом кибиток, считаются потомственными почетными гражданами, а безаймачные, т.е. не заведывающие кибитками, считаются личными почетными гражданами, право же заведывания аймаками есть наследственное.

***Приложение №6

****Приложение №7.

Из 15268 кибиток простолюдинов принадлежат: к Улусам Казенным – 6299, Владельческим – 8969. В улусах проживают временно: отставных чиновников, занимающихся частными делами – 1, купцов для торговли – 22, мещан тоже – 20, разночинцев – 80. Итого 123» [НАРК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 50]. Приложенные к тексту ведомости отражают в более развернутом виде численный состав калмыцкого населения поулушно.

Текстовая часть данного раздела была наиболее устойчивой в отличие от статистических ведомостей, которые подлежали трансформационным изменениям. Первоначально составлялись три ведомости. В первой отражались сведения о составе и движении светских феодалов – нойонов и зайсангов, во второй – о ламаистском духовенстве и в третьей – о простолюдинах. В первых двух ведомостях сообщалась подушная численность представителей привилегированных сословий, т.е. нойонов, зайсангов и духовенства. В ведомостях о простолюдинах наряду с подушной численностью указывалось покибиточное исчисление податного сословия.

В 1886 году отчеты пополнились еще двумя ведомостями о населении степи: по сословиям и вероисповеданиям [НАРК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 94]. В последней сведения «о будда-ламаитах» помещены были в графу «язычники», а с 1888 г. к ней появилось приложение – ведомость о числе ламаитов [НАРК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 100].

Анализ сводных годовых отчетов с 1849 по 1892 гг. позволил составить следующую сводную таблицу:

Таблица 1

год	Нойоны				Зайсанги				Духо- вен- ство	Простолодины			
	улусо- владель- цы		мелко- помест- ные		аймачные		безаймач- ные			кибитки		души	
	М	Ж	М.	Ж.	М	Ж	М.	Ж.		оклад- ные	не- оклад- ные	М.	Ж.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1849	11	17	16	17	667	573	574	436	2065	14602		58408	
1850	10	16	28	30	485	422	1011	661	2004	15056	31	60216	
1851	14	16	34	36	570	532	829	604	2006	15246		60984	
1852	14	17	35	32	591	550	833	617	1945	15268		61012	
1853	14	18	36	34	604	523	885	595	1919	15123		60492	
1854	15	17	35	33	640	550	885	592	1884	15156		60624	
1855	16	16	36	32	631	540	892	611	1869	15123		60492	
1856	16	15	35	32	642	551	897	628	1827	15123		60492	
1857		51		49		1534		1199	1803	15123		60492	
1858		53		49		1737		1339	1627	15123		60492	
1859		53		47		1767		1349	1588	18631		74524	
1861	8	9	12	15	1696		1268		1499	17564		35128	37128
1862	7	8	11	15	1693		1420		1452	17545		-	
1863	7	8	11	15	1706		1460		1412	17545		-	
1865	8	8	6	9	1904		1485		1426	25252		-	
1866	7	7	7	11	1839		1463		1291	25252		-	
1867	6	7	14	15	1861		1435		1227	25252		-	
1869	6	6	12	15	1809		1387		1159	23219		114912	
1870	5	7	14	9	1815		1446		1230	23219		114912	
1871	5	6	12	9		1810		1456	1197	23244		115032	
1872	4	6	12	10		1707		1469	1157	23244		115032	
1873	4	5	10	8		1673		1439	1173	23243		114912	
1874	4	6	9	8		1659		1436	1028	23243		115032	
1875	4	5	9	9		1641		1412	1053	23243		114912	
1876	4	6	6	6		1782		1545	1013	23243		115032	
1877	4	7	10	11		1967		1720	1020	28002		124853	
1878	4	7	10	11		2016		1763	1035	28002		124853	
1879	3	3	9	12		2018		1818	1100	26002		124853	
1884	2	3	13	15		1817		1464	1657	28592		127163	
1885	2	3	15	16		1624		1457	1301	28740		128561	
1886	2	3	16	16		1657		1485	1693	29044		130770	
1887	2	4	16	17	232	229	1491	1294	2119	26198	2025	71299	59035
1888	2	1	14	15	236	233	1496	1288	2088	26408	2129	72894	60838
1889	3	1	16	15	194	191	1379	1234	2040	26408	2129	72763	59468
1890	2	1	16	16	223	230	1553	1361	1983	26386	2186	72694	59524
1891	2	2	15	16	234	227	1552	1377	1948	26374	2108	73759	60232
1892		17		17	238	222	1631	1299	1731	27429	2785	67860	61159

Анализ данной таблицы показал, что вопрос о разделении зайсангов на аймачных и безаймачных затянулся до 1887 г., это и отразилось на содержании их учета, т.е. произошло резкое расхождение количественного показателя, начиная с 1887 года. Но общая численность зайсангов осталась неизменной. Вместе с тем, численность духовенства из года в год подлежала сокращению: из 2065 человек на конец 1849 г. осталось к началу 1893 г. 1731, в том числе 1048 хурульных учеников. Анализ сводных годовых отчетов подтверждает четкое разделение податной части населения на окладное и неокладное, что было продиктовано прежде всего фискальными целями российских властей. В результате в отчетных ведомостях появились две подрубрики – окладные и неокладные кибитки. Помимо этого, в них стала указываться не условная, а фактическая численность простолюдинов по каждому полу в отдельности.

Таким образом, в составе российских привилегированных сословий (светских и духовных) были представители различных народов, не исключая и азиатского происхождения, в том числе и интересующие нас калмыки. В определенной степени относительно последних также известно, что за сто и более лет до начала 90-х годов XIX в. российская власть настойчиво, но постепенно предпринимала меры по распространению на них своих порядков с целью интегрировать в государство.

В данном случае речь шла о переустройстве сформировавшейся за долго до прикочевки в российские пределы социальной структуры калмыцкого феодального общества, а точнее, его постепенной реорганизации в рамках общеимперского ранжира первоначально феодально-крепостнического, а затем преобразующегося на новый капиталистический лад. Это проявлялось, например, в превращении калмыков «черной кости» – простолюдинов, отказывавшихся от ламаистского вероисповедания и принимавших православие, в государственных крестьян, находившихся в обязательных отношениях, т.е. феодальной зависимости от нойонов. Особая судьба касалась и продаваемых из них – поодиночке или семьями. Согласно российскому законодательству, они после смерти своих новых крепостников-хозяев обретали личную свободу, пополняя, например, ряды мещан и др. Об этом свидетельствуют актовые и другие письменные источники, и не только они. Некоторые из таких обретших личную свободу калмыков запечатлены в русской живописи [Борисенко 1988; Бурчинова 1983: 3–22].

Особенно значительные перемены произошли в XIX в. Общеизвестен такой факт, когда российской властью был введен принцип майората в наследовании улусов и аймаков. В результате наряду с нойонами-улусовладельцами появились так называемые мелкопоместные нойоны, а зайсанги были разделены на аймачных и безаймачных. По действовавшему петровскому «Табелю о рангах» нойоны соответственно приравнивались к потомственным дворянам, аймачные зайсанги причислялись к

потомственным гражданам, а безаймачные из них становились почетными гражданами. Податные в выморочных улусах и аймаках становились фактически казенными, т.е. государственными, хотя они по-прежнему несли повинности с той разницей, что прежние взносы в пользу нойонов и зайсангов зачислялись в общественный калмыцкий капитал, учрежденный в 30-е годы XIX в. Более того, в конце 40-х годов того же XIX в. для них, равно и для частновладельческих, было введено самоуправление по образцу реформы, проведенной в государственной деревне по инициативе министра государственных имуществ П.Д. Киселева. Далее, вместо ламы для каждого отдельного улуса был утвержден один лама, возглавлявший ламаистскую церковь в Калмыцкой степи, для которой был утвержден штат хурулов, руководившихся бакшами. Ограничены были как численность хурулов, разделенных на малые и большие, так и состоявших при них служителей, включая позднее признанный властью штатный разряд хурульных учеников.

За 5 лет до проведения первой Всероссийской переписи, в 1892 г., после 30-летней подготовки был принят закон, ставший весьма значительным, но еще не завершающим шагом в введении всего сословного состава русских (российских) подданных-калмыков в общеимперскую систему государственно-попечительского управления. Отныне нойоны и зайсанги, лишённые феодальных прав на владение своими подвластными, были уравниены с последними в исполнении общественных повинностей, оплате ежегодного казенного налога, а также отстранены от прежнего обязательного участия в местном государственном управлении. Ламаистское духовенство также обязывалось оплачивать ежегодный казенный налог. Фактически представители привилегированных сословий становились наряду с бывшими своими подвластными-простолюдниками лицами сельского состояния, но формально, т.е. юридически это не было закреплено, так как предполагалось после реализации акта от 31 марта 1892 г. продолжать реформирование в калмыцких кочевьях.

Таким образом, были поправлены феодально-управленческие привилегии калмыцких нойонов, зайсангов, ламаистского духовенства, причем в большей степени, чем русских дворян-помещиков, православного духовенства, не обремененных казенными налогами в результате реформы по отмене крепостного права в 1861 г. Однако приобретенная привилегированными представителями калмыцких сословий земельная собственность была за ними сохранена. В целом перед ними, как перед их прежде подвластными, открывалась перспектива перемен, свойственных для развивавшихся рыночно-капиталистических отношений. Это подтверждает анализ сословного состава населения в материалах Первой всеобщей переписи населения 1897 г. [Первая 1899], который отразил определенную региональную специфику населения Калмыцкой степи.

Таблица 2

Представители сословий с членами семей		абс.	%
Русские подданные	Дворяне потомственные	43	0,03
	Дворяне личные	31	0,02
	Чиновники не из дворян, не выше X класса	18	0,01
	Лица, имеющие право на личное дворянство при поступлении на службу	1	0
	Лица духовного [христианского] звания	12	0,009
	Потомственные и личные почетные граждане	2319	1,8
	Купцы	30	0,02
	Мещане	891	0,69
	Крестьяне	3702	2,88
	Войсковые казаки	509	0,4
	Иностранцы	120978	94,09
	Остальные	38	0,03
	Иностранные подданные	1	0
Итого	128573	100	

Материалы таблицы позволяют сделать вывод о том, что преобладающую часть населения составляли иностранцы. В Калмыцкой степи проживало 120 978 иностранцев, что составляло 94,09 % от общей численности всего населения. Социальная структура населения отличалась крайней малочисленностью дворянства (потомственного и личного). Их показатель исчисляется в 0,05 %. Одновременно наблюдался относительно высокий удельный вес лиц с правом почетного гражданства, всего 1,8 %. Все это свидетельствовало о том, что происходило социальное вырождение представителей высшего привилегированного сословия и приравнивание их к общероссийскому стандарту. Наименьшую часть населения Калмыцкой степи составляли представители других сословий – крестьяне, мещане, войсковые казаки и купцы (4,06 %).

Таким образом, государственная политика Российской империи к концу XIX в. заключалась во введении территории Калмыцкой степи в общероссийскую систему управления, которое происходило методом санкционирования и инкорпорации. Сложившаяся на протяжении длительного периода социальная структура калмыцкого общества перестраивалась для укрепления административной вертикали власти до 1892 г., когда существенно были разрушены традиционные сословные институты калмыцкого общества.

Источники:

Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК).

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Астраханская губерния. Тетр. I. СПб.: Изд. Централ. Статист. Ком. М-ва Внутрен. дел, 1899. 53 с.

Литература:

Батыров В.В., Лиджиева И.В., Оконова Л.В. Сословная структура калмыцкого общества в контексте государственной политики Российской империи XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4–2(84). С. 26–30.

Борисенко И.В. Калмыки в русском изобразительном искусстве. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1988. 144 с.

Бурчинова Л.С. Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии (Вторая половина XIX в.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 118 с.

Бурчинова Л.С. Определение правового статуса калмыцкого крестьянства в системе российской государственности // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1983. С. 3–22.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 848 с.

Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII в. – XX в.). М.: Наука, 2002. 523 с.

УДК 94(47)08

АЛЬТЕРНАТИВЫ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ XX в. И ЗНАЧЕНИЕ ИХ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА

Максимов К.Н.¹

¹ доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста).

E-mail: maksimovkn@gmail.com

Аннотация. В представленной статье рассматривается исторический опыт национально-государственного строительства народов многоэтнической России в условиях модернизации, укрепления российской государственности, совершенствования федеративных отношений с субъектами федеративного государства на примере Республики Калмыкия. Автор подробно останавливается на добровольном вхождении Калмыкии в состав Российского государства и постепенном ее введении в национальную политику, общероссийскую единоподчиняемую систему. Особое внимание уделяется советской национальной политике и унифицированного развития в тоталитарном режиме; проблемам правового статуса и развития республики в условиях нового российского федерализма.

Ключевые слова: национально-государственное строительство, Российское государство, Калмыкия, тоталитарный режим, российский федерализм.

Изучение исторического опыта национально-государственного строительства народов многоэтнической России в условиях модернизации, укрепления российской государственности, совершенствования федеративных отношений с субъектами федеративного государства приобретает научное и прикладное значение. Национально-государственное строительство народов России, Российской империи, СССР определялось государственным устройством, формой управления, национальной политикой, которые устанавливались и принимались в результате происходящих системных и режимных кризисов. При этом амплитуда проводимой государством национальной политики зависела от его геополитики, внутренних социально-экономических и политических условий. Важным фактором при проектировании тому или иному народу в какой-либо форме государственности выступало наличие исторического опыта национально-государственной жизни.

К одним из таких народов России, имеющим богатейший опыт общественно-политического устройства на протяжении многих веков, относятся калмыки, предки которых – ойраты играли заметную роль в Центральной и Средней Азии в XIV – XVI веках. В конце XVI века часть ойратов, за которыми в пределах России утвердился этноним «калмыки», в поисках станции, приемлемой для ведения кочевнического хозяйства и стабильного социально-экономического и общественно-политического развития, прикочевала в пределы подвластных России сибирских земель. К 40-м годам XVII столетия калмыки (дербеты и торгуты), пройдя от средних течений рек Иртыша и Ишима до низовья Волги, определились с местом постоянного обитания.

Калмыки к середине XVII века представляли собой уже обособившееся самостоятельное общество, объединенное этническим составом, идеологически сплоченное на основе официальной религии – буддизма, со сложившимися социально-политической структурой и управления, с единым сводом законодательства – «Великим Уложением», принятым в 1640 г. на съезде халхаских и ойратских князей и духовенства, и общепризнанным лидером в лице наследственного правителя. С этого времени в Поволжье завершился процесс формирования калмыцкого этнополитического образования в форме кочевнического феодального ханства, которое в 1664 г. высшие органы государственной власти России признали и «конституировали», вручив его правителю Мончаку клейноды. Образование почти в одно время в разных регионах Евразии ойратских (Джунгарского, Хошутского, Калмыцкого) ханств – вряд ли простое совпадение: скорее всего, здесь проявился объективный фактор этногенеза ойратов, консолидации их в пределах каждого ханства.

В связи с особенностями взаимоотношений между центральной властью России и Калмыцким ханством, обусловленными этнической политикой государства в период активного расширения территориальных границ и политикой абсолютизма империи, а также учитывавшими нормативно-договорные условия добровольного вхождения калмыков, которые носили военно-политический характер, трансформировался статус калмыцкого этнополитического образования в XVII–XVIII веках. Калмыцкое ханство, находясь в XVII до конца 50-х годов XVIII века в ведении Посольского приказа, Коллегии иностранных дел, со своей традиционной системой внутреннего административного и военного управления, основанной на принципах самостоятельности и осуществляемой в соответствии с законодательством ханства, обладало статусом политической автономии с элементами субъекта международного права.

Отличительную особенность статуса Калмыцкого ханства, несмотря на инкорпорирование его в состав Российского государства, характеризовали сложившаяся социальная структура общества, наследственный правитель, обладавший законодательным, исполнительным, судебным и

военным полномочиями, а также наличие письменности, свода законов, войска, администрации управления с иерархией чиновников, улусного административного устройства во главе с наследственными владельцами. В систему политических институтов ханства входила ламаистская церковь, представлявшая организованную и стройную систему во главе с верховным ламой, назначаемым Далай-ламой из Лхасы (Тибет). Калмыцкое ханство в пределах своих полномочий и интересов, соблюдая статус субъекта Российского государства, вело межгосударственные переговоры с некоторыми странами (Китай, Турция, Маньчжурия, Джунгарское, Крымское ханства и др.), обменивалось официальными посланниками.

Однако такое положение Калмыцкого ханства не отвечало интересам политики агломерации, геополитическим целям централизованного Российского государства. Россия, введя Калмыцкое ханство в состав государства в качестве субъекта, можно сказать, незамедлительно приступила к целенаправленному, планомерному введению калмыков в свое государственное устройство, единоуправляемую систему путем постепенной административной, правовой, социальной, демографической, религиозной, экономической интеграции. Процессы интеграции калмыков особенно ускорились с проводимой политикой утвердившейся абсолютной монархии, когда возобладали принципы бюрократического централизма. Завершающим шагом в интеграционном процессе явилось принципиальное изменение статуса правителя ханства до уровня руководителя внутренней губернии, присвоение ему титула, назначение и отрешение его стали прерогативой верховной власти Российской империи. Таким образом, Калмыцкое ханство, утратив статус политической автономии, в начале 60-х годов XVIII в. вошло в единоуправляемую систему Российского государства в статусе административной автономии, фактически на правах внутренней губернии.

С изменением правового статуса Калмыцкого ханства и его правителя, взаимоотношения которого не только с центральной властью, но и с военным командованием стали приобретать весьма неравноправный характер, а также с ухудшением территориального и экономического положения основная часть элиты во главе с наместником ханства приняла решение покинуть пределы России. После того как значительная часть калмыков двинулась в 1771 г. и достигла Джунгарии, провинции Китая, императрица России Екатерина II указом от 19 октября того же года, как свершившийся факт, узаконила ликвидацию Калмыцкого ханства и его учреждений, высших должностных званий.

Оставшиеся улусы были введены в состав Астраханской губернии на правах уездов во главе со своими владельцами (нойонами). Административное управление улусами осуществляли приставы, назначаемые губернатором. Правобережная сторона Волги, где кочевали оставшиеся калмыки, получила неофициальное название «Калмыкия», которая в

соответствии с указами императоров Павла I и Александра I получила статус областного самоуправления на правах особой губернии по «Губернскому учреждению 1775 г.» во главе с «наместником». В последующие годы ее статус законодательно был приравнен к внутренней области в составе Астраханской губернии во главе с Главным приставом, назначаемым МВД, подчиняющимся на месте военному губернатору. Введение должностного звания «наместник» не означало восстановления государственности калмыков. Кстати, об этом свидетельствует то, что буквально через год, 1801 г., Александр I именным указом учредил высшую должность в Калмыкии – Главный пристав «при всем калмыцком народе». Историк М.Н. Гиляшаева, восприняв должностное звание «наместник» в прежнем значении периода ханства (наместник являлся временным кандидатом на высшую должность – хана), не разобравшись в сути областного самоуправления, введенного Павлом I, ошибочно считает, что была восстановлена национальная государственность калмыцкого народа [Гиляшаева 2006: 95–98].

С введением института попечительства (1835 г.), причислением служащих органов управления Калмыкии к государственным чиновникам Российской империи, дифференцированным по служебной иерархии по Табелю о рангах, а также с трансформацией социально-экономической, общественно-политической жизни калмыцкого народа фактически Калмыкия стала провинцией Астраханской губернии во главе Главным попечителем, которым являлся астраханский губернатор. Однако к началу XX в. правовой статус калмыков в российском социуме претерпел изменения – они были причислены, как и некоторые народы Российской империи, к «иностранному населению» с ограниченными правами.

Что касается народов РСФСР, за исключением русских, до распада Российской империи они не имели национальной государственности, а входили в категорию ее социальной структуры как «иностранцы», по вероисповеданию как «иноверцы», не представлявшие даже объединение национально-культурной автономии. Поэтому в российской государственности этот этнический компонент не играл какой-либо политической роли.

В результате бескровной Февральской революции 1917 г., открывшей эвентуальный путь демократической буржуазной республики, народы России получили равные права, демократические свободы и выборы, были отменены национальные, вероисповедальные, сословные ограничения. Временное правительство, провозгласив Россию республикой, приступило к подготовке Учредительного собрания на основе демократических принципов выборов, которое должно было утвердить новое государственное устройство и принять конституцию.

Значение Февральской революции 1917 г. и путь к либерализации в России в истории Калмыкии еще тогда верно заметил Ф.И. Плюнов. Он

писал, что «только с момента государственного переворота (Февральской революции. – *К.М.*) начинается общественно-политическая жизнь калмыцкого народа». В соответствии с политикой Временного правительства стало возможным проведение первого съезда калмыцкого народа (26–31 марта), упразднившего институт попечительства и образовавшего новый орган управления Калмыкии – Центральный комитет по управлению калмыцким народом (ЦК УКН), а также учредившего местное самоуправление в улусах и аймаках на началах демократических принципов избирательного права. Фактически Калмыкия в составе Астраханского края на основе национального самоопределения приобрела статус области с самоуправлением своими делами, по решению ЦК УКН названной «Степной областью калмыцкого народа».

Временное правительство 1 июля 1917 г. приняло постановление выделить Калмыцкую степь в самостоятельную земскую единицу в статусе областного (губернского) земства со своим органом управления – «Калмыцким степным земским управлением», в улусах – улусные управления на правах уездных. Затем в сентябре – ноябре 1917 г. были проведены выборы гласных в улусные земские собрания, Учредительное собрание по Прикаспийскому избирательному округу [Плюнов 2016: 87–98, 102–103]. Революционные события 1917 г. и попытка перехода в казачество окончательно втянули калмыцкий народ в водоворот социально-политического противостояния, калмыцкое общество оказалось в бифуркационном состоянии.

После Октябрьской революции 1917 г. в Калмыцкой степи были проведены несколько съездов трудового калмыцкого народа, принявших решение выделить Калмыкию в самостоятельную административно-территориальную единицу с органом управления – Калмыцкой секцией, Калмыцким исполкомом. С конституционной гарантией советской власти создать «автономные областные союзы в составе РСФСР» с особым бытом и национальным составом идея образования национальной государственности калмыцкого народа стала приобретать реальные черты.

С окончанием Гражданской войны, ставшим поворотной вехой в национальной политике советской власти, властные структуры РСФСР приступили к практическому решению нацистроительства. В соответствии с первыми нормативными актами и Конституцией РСФСР субъектами РСФСР признавались советские национальные республики и автономные областные союзы, т. е. унифицированные национальные государственные образования, построенные на основе концепции единой России, опирающейся на принципы «единства в многообразии на федеративной основе».

Первый общекалмыцкий съезд советов трудового калмыцкого народа (июль 1920 г.) учредил на принципах внутреннего территориального само-

определения национально-государственное образование народов Калмыкии (территориального сообщества) в форме административной автономии в составе РСФСР – Калмыцкую автономную область с административно-территориальным устройством, высшими органами власти и управления которой являлись общекалмыцкий съезд советов и центральный исполнительный комитет (облисполком). Процесс создания национально-государственного образования завершился формированием его политической системы, где ведущее положение заняла партия большевиков.

В связи с образованием в 1920-х годах в СССР крупных экономических территорий Калмыцкая автономная область в 1928 г. вошла в состав Нижне-Волжского края, в 1934 г. – Сталинградского края, фактически лишившись статуса субъектности РСФСР, превратилась в формальное национально-государственное образование. Компартия в эти же годы, опираясь на выводы о завершении строительства основ социализма, утверждении социалистических общественных отношений, начала реорганизацию политической системы советского общества, вносить изменения в национально-государственное устройство, обновлять конституционное законодательство страны. В число автономных областей и республик, подвергшихся в этот период преобразованиям, попала и Калмыцкая автономная область. В октябре 1935 г. она была преобразована в Калмыцкую АССР на тех же принципах внутреннего территориального самоопределения, в статусе национального социалистического государства со всеми атрибутами государственности, с высшим законодательным и представительным, исполнительным органами.

Советская власть, создавая унифицированные национально-государственные образования в составе провозглашенного федеративного государства, многое сделала по ликвидации фактического неравенства их народов. Мобилизация сил и огромная государственная помощь позволили в короткие сроки поднять уровень их культурного и социально-экономического развития. Помимо того, представители автохтонного населения автономий, выдвинутые по классовому принципу, занимали руководящие должности в государственных, партийных, хозяйственных органах, а также получили возможность стать учеными, писателями, военачальниками, учителями, врачами, инженерами, специалистами сельского хозяйства, известными артистами, художниками. Большинство людей области, учитывая нулевой исходный уровень, достижения в экономике, культуре, социально-бытовой сфере воспринимало положительно и считало заслугой советской власти.

В соответствии с экономической политикой специализации основной отраслью народного хозяйства Калмыцкой АССР выступало животноводство, приведшее к сырьевому региону с дефицитным бюджетом.

Форсированное формирование единой советской культуры, насаждение моноидеологии привели к нивелированию национальных традиций, обычаев, а нередко даже к их утрате.

Парадокс советской национальной политики заключался в том, что большевистская власть, октроировав многим народам России национальную государственность, с большими затратами создавая необходимые условия для преодоления отставания в экономическом, образовательном отношении, подъема их благосостояния, в годы репрессий, «большого террора» фактически истребила руководителей автономных образований, которые являлись политической элитой, носителями государственности, национального суверенитета. Советское государство, с огромными трудностями подготовив национальные кадры, можно сказать, уничтожило не только их, но и тех, кто устанавливал советскую власть, выступал организатором социалистической экономики, культуры, образования в республиках и областях, руководителей и специалистов отраслей народного хозяйства, наиболее подготовленной интеллигенции. А в годы Великой Отечественной войны, несмотря на более чем 25 тыс. калмыков, призванных на защиту Отечества, руководство СССР по необоснованным, надуманным мотивам в одночасье упразднило Калмыцкую АССР и автохтонное ее население депортировало и низвело его до изгоев советского общества. В годы депортации на спецпоселениях умерло 34 950 (30,6 % всего выселенного населения) калмыков, из них 18 310 детей. Последствия репрессии народа, войн оказались трагическими. Численность калмыцкого населения по переписи 1897 г. (190 648 чел.) до сих пор не восстановлена и на 2010 г. составила 183 272 чел. (96,1 %). Помимо этого, калмыки были лишены права учиться в вузах и сузах, абсолютное большинство детей школьного возраста осталось без образования.

Политическая реабилитация репрессированных народов началась лишь с принятием 24 ноября 1956 г. постановления ЦК КПСС «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов». В соответствии с данным решением законодательным путем была осуществлена политическая реабилитация – восстановлена национальная государственность репрессированных народов, в том числе в 1957 г. калмыцкого народа в форме административной автономии, в 1958 г. – политической автономии. Значительное время и больших затрат потребовала экономическая, культурная и социальная реабилитация репрессированного народа.

В 70–80-х годах XX в. кризисные явления в советском обществе обнажили имевшиеся проблемы в национальном вопросе, в том числе и в национально-государственном устройстве, советском федерализме, федеративных отношениях, т.е. явно обнаружилась декларативность, формальность федерации, псевдонациональная государственность, через партийно-чиновничью элиту которой КПСС осуществляла унитарное управление. КПСС предприняла в конце 1980-х годов попытку перестроить политическую систему государства, советскую федерацию, расширив права союзных республик и автономных образований. Одна-

ко принимавшиеся меры по повышению правового статуса автономных республик вплоть до субъекта СССР, обновлению политической системы советского общества не внесли концептуальных изменений в национально-государственном строительстве, федеративном устройстве страны. Горбачевская «перестройка», пытавшаяся сохранить существующую советскую систему, оказалась иллюзией и зашла в тупик, и начался демонтаж правящей коммунистической партии.

В этой обстановке стали открыто проявляться этнотерриториальные сепаратистские настроения, особенно в союзных республиках. Первой (5 октября 1989 г.) из союзных республик Азербайджанская ССР провозгласила государственный суверенитет, а первой (11 марта 1990 г.) приняла акт о восстановлении государственности Литовская ССР. Фактически Советский Союз распался 8 декабря 1991 г. с подписанием главами трех республик (РСФСР, УССР и БССР) Беловежского соглашения о прекращении существования СССР и образовании Содружества Независимых Государств.

Из автономных республик первыми (в августе 1991 г.) приняли декларации о государственном суверенитете Чеченская и Татарская республики, а Калмыцкая АССР – в октябре того же года. К принятию деклараций о государственном суверенитете автономные республики имели законодательную основу, моральную и правовую поддержку Съездов народных депутатов СССР и РСФСР, депутатов. Говоря о «параде суверенизации», следует прямо сказать, что автономные республики тогда были спровоцированы. Об этом предельно откровенно сказал В.В. Путин: «Продекларировав 20 лет назад суверенитет, тогдашние депутаты РСФСР в запале борьбы с «союзным центром» запустили процесс строительства «национальных государств, причем даже внутри самой Российской Федерации. “Союзный центр” (активно выступал Совет Федерации, в состав которого входили руководители не только союзных республик, но и автономных, во главе с Президентом СССР М.С. Горбачевым. – *К.М.*), в свою очередь, пытаясь давить на оппонентов, начал вести закулисную игру с российскими автономиями, обещая им повышение “национально-государственного статуса”» [Известия 2012].

IV Съезд народных депутатов РСФСР, учитывая принятые декларации о государственном суверенитете, 24 мая 1991 г. внес изменения в Конституцию РСФСР, заменив «автономные республики» на «республики в составе РСФСР». В связи с этим Декларация Калмыкии объявила Калмыцкую ССР суверенным государством в составе РСФСР и субъектом одновременно РСФСР и СССР, взаимоотношения с которыми должны были строиться на договорных началах. Однако Федеративный договор, подписанный 31 марта 1992 г., в условиях необходимости сохранения исторически сложившегося единства и совершенствования федеративных отношений четко разграничил полномочия и

предметы ведения между органами государственной власти Федерации и ее субъектов.

Верховный Совет Калмыцкой ССР незамедлительно приступил к формированию правовой базы для конституирования нового статуса республики, в том числе и для конструирования органов государственной власти и управления. Верховный Совет Калмыцкой ССР в сентябре 1991 г. учредил и назначил выборы Президента республики, в октябре 1992 г. утвердил символы государственности Калмыкии. Всенародное избрание главы республики состоялось в апреле 1993 г., в том же месяце были ликвидированы советы и сформирован новый законодательный (представительный) орган государственной власти – Народный хурал (парламент) республики. Таким образом, прежняя советская система институтов государственной власти, политическая основа советской государственности, формальная национальная государственность были упразднены и ушли в историю.

С принятием в декабре 1993 г. Конституции Российской Федерации национальная государственность Калмыкии вступает в качественно новый этап – от субъекта формально провозглашенной федерации, а по сути, унитарного, централизованного государства, – к субъекту – республике в статусе государства в составе Федерации, основанной на принципах «единства в многообразии на федеративной основе».

Субъекты Российской Федерации, за редким исключением, формировались и развивались фактически в едином процессе этногенеза народов, в геополитическом и историческом пространстве России. Федеративное ее устройство, которое базируется на разнотипных субъектах, представляет исторически сложившееся государство. Этот исторический опыт внутреннего территориального самоопределения народов России следует сохранять, совершенствовать, а не стремиться к «губернизации».

В апреле 1994 г. Конституционное собрание республики в соответствии с Конституцией РФ приняло Основной закон (Степное Уложение), закрепивший статус республики в качестве равноправного субъекта Российской Федерации. Таким образом, кратковременный переходный период национально-государственного строительства РСФСР, поиска путей установления федеративных отношений в обновляемой Российской Федерации завершился с принятием в 1993 г. Конституции РФ.

На современном этапе, в условиях временных экономических трудностей, при поисках парадигмы национально-государственного устройства федеративного государства, федеративных отношений важно не допустить повторения исторических «опытов экономии средств» путем передачи ряда полномочий, функций национальных республик соседним субъектам Российской Федерации. Все виды субъектов Федерации по Конституции РФ 1993 г. (часть 4 статьи 5) между собой равноправны, их полномочия и предметы ведения определяются федеральным зако-

нодательством, принимаемым в соответствии со статьями 71–73 Конституции Российской Федерации. В соответствии с конституционными принципами демократического правового государства, равноправия и самоопределения народов в Российской Федерации, международными стандартами первоочередной защиты прав человека недопустимо предоставление дополнительных прав и привилегий кому-то одному за счет ограничения или ущемления прав и интересов другого – населения государства, иного народа, группы граждан, поскольку все они равноправны, хотя и разнятся.

Источники:

Известия Калмыкии. 2012. 24 января.

Литература:

Гиляшаева М.Н. К истории восстановления национальной государственности калмыцкого народа // Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспектива их развития на современном этапе. Материалы российской научно-практической конференции, посвященной 50-летию восстановления национальной государственности репрессированных народов России (Элиста, 12–13 января 2007 г.). Элиста: КалмГУ, 2006. С. 95–101.

Плюнов Ф.И. Калмыцкий народ и Октябрьская революция. 1919–1924 гг. Сост. И.В. Лиджиева, М.И. Кичеева. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 432 с.

УДК 94(47).084

О ФОРМАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ АВТОНОМИИ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (на примере калмыков)

Гунаев Е.А.¹

¹кандидат юридических наук, ученый секретарь Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста).

E-mail: gunaeva@kigiran.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» (проект КалмНЦ РАН «Национально-территориальные и национально-культурные формы самоопределения народов в Российской Федерации в начале XXI века: политико-правовые аспекты»)

Аннотация: В статье исследован статус национально-территориальных образований калмыцкого народа в советский период в форме автономии. К формам политической автономии наряду с автономной республикой отнесена автономная область как административно-политическая автономия. По мнению автора, собственно административной автономией в форме административно-территориальной единицы этнической группы можно считать Калмыцкий район Ростовской области в 1929–1944 гг.

Ключевые слова: автономия, национально-территориальные образования, автономная область, автономная республика, Калмыкия, Калмыцкий район.

Опыт советского национально-государственного строительства представляет интерес не только с исторической точки зрения, но и с позиции анализа современной ситуации российского федерализма, статуса национально-государственных субъектов Российской Федерации.

Как известно, РСФСР в отличие от СССР представляла собой не договорную форму, а «особый» тип федерации, основанный на автономии. Во всяком случае, такая точка зрения преобладала в советской историко-правовой науке. Согласно теориям о формах государства, территориальном устройстве государства, выраженных в политологической и юридической науке, территориальная автономия представлена двумя формами: административной и политической [Авакьян 2015: 26].

К политической автономии традиционно относят такую форму национально-территориального самоопределения как автономная республика. Относительно автономной области существует мнение, согласно которому она считается формой административной автономии. В определенной степени данный вопрос был увязан с дискуссией о субъектах РСФСР, т.к. «Конституция РСФСР, в отличие от общесоюзной, прямо не «называла» субъекты РСФСР, а также в силу многообразия национальных автономий в составе РСФСР» [Лебедев 2013: 38]. Согласно одной точке зрения, субъектами РСФСР являлись только АССР, поскольку автономные области и округа входили в состав краев и областей и поэтому имели статус национально-административной автономии. Другая точка зрения заключалась в отнесении к субъектам РСФСР как АССР, так и автономных областей. В соответствии с третьей точкой зрения, субъектами РСФСР являлись все виды национальной автономии, т.е. АССР, автономные области и округа [Лебедев 2013: 38].

В советское время развернулась дискуссия о государственно-правовой природе АССР как субъекта РСФСР. Абсолютное большинство ученых до принятия Конституции СССР 1977 г. утверждали, что АССР является национальным государством, несмотря на то, что в Конституции СССР 1936 г. этот статус не был установлен. Свою позицию они аргументировали тем, что АССР обладает всеми признаками социалистического государства (территория, конституция, высшие органы власти и т.д.). Однако существовала и иная точка зрения, заключающаяся в отнесении АССР к «национально-государственным образованиям» по причине незавершенности их государственной формы. После принятия Конституции РСФСР 1978 г., установившей для АССР статус «государство», эта дискуссия была прекращена [Лебедев 2013: 39].

Кроме того, среди сторонников признания АССР «государствами» не было единства мнений относительно наличия у автономных республик государственного суверенитета. Наибольшее распространение получила точка зрения об отсутствии у АССР как «государства» суверенитета по причине автономного характера государственной власти республик, т.е. ее сторонники считали обоснованным существование в СССР и РСФСР «государств», которые не имеют государственного суверенитета. Противоположная точка зрения заключалась в признании у автономных республик государственного суверенитета, поскольку они являлись государствами. Промежуточную позицию занимали представления о наличии у АССР «элементов суверенитета». Особое мнение в отношении суверенитета АССР имели ученые, считавшие, что «суверенитет всегда сопутствует государству как его неотъемлемый атрибут» и «в самой концепции несuverенного государства заложено внутреннее противоречие» [Лебедев 2013: 40].

Относительно государственного суверенитета АССР приведем точку зрения Б.Л. Железнова. В частности, он пишет: «являясь единственным органом автономной республики, избираемым всем ее народом и, следовательно, получающим властные полномочия из рук всего народа АССР, ее Верховный Совет выступал как носитель народного и национального суверенитета. Что же касается государственного суверенитета, то Верховный Совет АССР не мог считаться его носителем постольку, поскольку АССР не была суверенным государством. Но конституционное законодательство предоставило автономной республике право участвовать в решении вопросов, отнесенных к ведению СССР и союзной республики, через их высшие органы власти. Следовательно, Верховный Совет АССР мог участвовать в решении вопросов Союза ССР и союзной республики, а значит, и в реализации их государственного суверенитета. Так, конкретные возможности подобного участия вытекали, например, из права АССР и ее Верховного Совета координировать и контролировать деятельность предприятий, учреждений и организаций союзного и республиканского (союзной республики) подчинения или из права автономной республики (ее Верховного Совета) вносить проекты законов на рассмотрение Верховного Совета союзной республики [Железнов 2008: 60].

С.И. Некрасов отмечает, что «поскольку автономные области рассматривались, наряду с автономными республиками, в качестве субъектов федеративных отношений (и даже поименно упоминались в союзных и российских конституциях), сложилась интересная конституционная модель – субъекты федерации входили в состав федерации не непосредственно, а через административно-территориальную единицу – область (позднее – край). Тем не менее, органы советской власти автономных областей по существующей в России модели являлись местными органами государственной власти с соответствующим статусом». В то же время С.И. Некрасов подчеркивает, что «проблема образования, преобразования, ликвидации автономных республик и автономных областей лежала прежде всего в сфере решения национального вопроса, федеративного устройства, а не местного управления» [Некрасов 2011: 116].

Согласно Е.А. Лукьяновой, несмотря на то, что идеи переустройства России на федеративных началах высказывались задолго до Октябрьской революции 1917 года, государственная структура Российской империи была сложной (74 губернии, 20 областей, 2 округа, 8 генерал-губернаторств, 9 градоначальств), и отдельные ее регионы имели статус с элементами политической автономии, Россия оставалась унитарным государством вплоть ее провозглашения федерацией в Конституции РСФСР 1918 г. Провозгласив Россию федеративной республикой, сама по себе Конституция РСФСР 1918 г. оставалась, по сути, конституцией унитарной.

«Термины “федерация” и “самоопределение” возникли не из концепции национально-государственного устройства, а из тактики момента и вытекающей из нее четко сформировавшейся политической позиции большевиков. Ни в резолюции “О федеральных учреждениях Российской Республики”, ни в Конституции не давался перечень субъектов федерации. Члены федерации вообще были определены весьма расплывчато (ст. 49) – “как автономные областные союзы, образованные в результате особых условий экономического и национального развития”. Что они собой представляют, так и осталось до конца непонятным. В историко-правовой литературе на этот счет имеются самые различные предположения. Но это всего лишь предположения» [Лукьянова 2015: 7–10].

Как отмечает И. Р. Ахтаханов, в самом тексте Конституции РСФСР 1918 г. о федерации говорится редко и только в сочетании с понятием автономии. Он приводит по этому поводу точку зрения О.И. Чистякова, согласно которой законодатель умышленно оставил формулировку столь широкой. Это объяснялось весьма небольшим опытом государственного строительства (меньше чем три месяца). Было и второе – главное обстоятельство. Компартия хотела предоставить народам России неограниченное право выбора форм государственной жизни, чтобы потом, обобщив опыт, сделать соответствующий вывод [Ахтаханов 2010: 30].

По мнению И.Р. Ахтаханова, «дальнейшая практика государственного строительства показала, что вплоть до образования СССР в конце 1922 г. *вместо* (курсив наш – Е.Г.) федерации в РСФСР стали создаваться автономии, образованные по национальному признаку в формах автономных республик, трудовых коммун и автономных областей» [Ахтаханов 2010: 31].

Как отмечает А-Х.А. Султыгов, «в Конституции РСФСР 1925 г. с изменениями от мая 1929 г., указывалось, что РСФСР, исходя из твердо выраженной воли трудящихся отдельных национальностей к оформлению своего государственного бытия в составе России, объединяется с этими национальностями путем образования в своем составе национальных АССР и АО. Характеристика АССР и АО как форм государственного бытия национальностей, объединившихся, таким образом, с РСФСР, является, по сути, первым признанием советским конституционным правом их своеобразного государственного статуса. Отсюда, имея ввиду и фактор внутренних “недвижимых” автономий, в смысле отсутствия у последних перспективы на “советское отделение”, было бы более точно охарактеризовать эти АССР как протогосударственные» [Султыгов 2017: 72–73].

В истории национально-государственного развития Калмыкии также присутствовали две формы территориальной автономии – автономная область и автономная республика. Как правило, автономная область считается административной формой автономии.

Так, отмечается, что основной задачей I Общекалмыцкого съезда советов была реализация национальной идеи, объединившей значительную часть народа в годы революционных событий, – учреждение государственности на принципах внутреннего территориального самоопределения. В связи с этим были обсуждены и приняты нормативные акты, определявшие статус национальной государственности в форме *административной автономии* (курсив наш. – Е.Г.). «I общекалмыцкий съезд советов трудового калмыцкого народа вошел в историю Калмыкии по значению им принятых решений как учредительный. Он провозгласил образование Калмыцкой автономной области в соответствии с Конституцией в составе РСФСР “на началах федерации” в качестве ее субъекта, поскольку до 1928 г. автономные области не входили в какую-либо административно-территориальную единицу. Калмыцкая автономная область как административно-государственная единица, определенная Конституцией РСФСР 1918 г. (статья 11), наделялась всеми правами и полномочиями соответствующего государственного образования» [Максимов, Мацакова 2016: 14].

К.Н. Максимов отмечает, что «III Всероссийский съезд Советов, состоявшийся в январе 1918 г., принял Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, где, законодательно закрепив формы правления и государственного устройства, провозгласил, что “Россия объявляется республикой Советов”, которая учреждается “на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик”. Если в этом документе законодатель, увязав самоопределение с федерацией, определил национальную республику в качестве субъекта федерации, то в резолюции “О федеральных учреждениях Российской Республики” в соответствии с правом на самоопределение предусматривались два вида субъекта: национальная республика и автономная область.

В первой Конституции РСФСР, принятой V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г., были определены уже формы реализации права на самоопределение этими субъектами: внутреннее территориальное (“автономные областные союзы в составе РСФСР” – ст. 11) и экстерриториальное (“признание выхода из Российской федерации отдельных частей ее” – п. «д» ст. 49). Эти положения Конституции стали основой для создания унифицированных национальных государственных образований в форме государственно-политической и *административно-политической автономии* (курсив наш. – Е.Г.) в составе унитарного государства» [Максимов 2016б: 62].

На наш взгляд, следует согласиться с тем, что автономная область все же является формой политической (административно-политической) автономии. Так, А.Н. Шармоянц приводит доводы, что по сравнению с автономными республиками РСФСР автономные области обладали бо-

лее низким правовым статусом и являлись не законодательными, а административными автономиями [подробнее: Шармоянц 2015]. В то же время он считает, что утверждение о том, что автономные области, как может показаться на первый взгляд, были приравнены в своем правовом статусе к обычным административно-территориальным областям РСФСР, было бы ошибочным. «Из работ Н.Я. Куприца, А.И. Денисова, И.Д. Левина, В.Н. Дурденевского и других ученых-правоведов, занимавшихся данной тематикой, можно выделить следующие отличительные черты, присущие только автономным областям:

- наличие специальной главы в Конституции РСФСР, посвященной автономным областям, и специальных положений, учитывающих их национальные особенности;

- представительство автономных областей в Совете Национальностей;

- особые полномочия Совета депутатов трудящихся: предварительное принятие и представление на утверждение верховного совета союзной республики Положения об автономной области, учитывая ее национальные особенности; утверждение избирательной комиссии по выборам в Совет Национальностей от автономной области;

- наличие постоянного представителя при Отделе национальностей ВЦИК, входящего в совещание при этом отделе;

- независимость в вопросах языка делопроизводства в органах власти, управления, суда;

- привлечение в органы власти автономии представителей титульных наций;

- автономные права автономной области обеспечивались особой гарантией юридической силы актов автономной области: решения и распоряжения исполкомов советов депутатов трудящихся автономных областей могли отменяться не вышестоящими исполкомами краевых советов, а Советом Министров РСФСР, и решения и распоряжения Советов депутатов трудящихся автономных областей менялись не вышестоящими краевыми советами, а Президиумом Верховного Совета РСФСР;

- автономные области обладали особыми правами на территорию. Это проявлялось в том, что границы автономных областей, их районное деление не устанавливались, как в отношении краев и областей, а лишь утверждались органами союзной республики. Эти права обеспечивались также и тем, что территория автономной области, впрочем, как и территория автономной или союзной республики, являлась исконной национальной территорией народа или была предоставлена ему советской властью, не могла быть изменена вышестоящими органами без согласия автономии;

- автономная область носила, как правило, название проживающей на ее территории более или менее компактно национальности;

– все автономные области РСФСР были включены в краевые объединения» [Шармоянц 2015: 43–45].

Последнее отличие не применимо к автономным областям до 1928 г. Но, даже находясь в составе края (области), автономные области сохраняли свой особый статус. Кроме того, в составе краев в 1930-е гг. находились и автономные республики.

На наш взгляд, определяющим фактором при характеристике автономной области как формы административной, но все же политической автономии, являлся национально-государственный статус (наличие собственных органов государственной власти).

К.Н. Максимов отмечает, что «Наркомнац РСФСР и представительные органы исполнительной власти национальных регионов (в том числе и Калмыкии) при нем выполнили свою основную задачу по подготовке создания национальных государств и *национально-государственных образований* (курсив наш. – Е.Г.) (в том числе и Калмыцкой автономной области)» [Максимов 2016б: 64]. Автономная республика, как указывалось выше, характеризовалась как «государство»: «Калмыцкая АССР, приобретя статус национального социалистического государства, по-прежнему, являясь по форме и сути автономией народа, базировалась на принципах права внутреннего самоопределения» [Максимов 2013: 53].

Согласно Е.А. Лукьяновой, фактически статус республик современной Российской Федерации подпадает под классическое определение государственной (политической) национально-территориальной автономии в унитарном государстве, означающей, что соответствующая территория имеет внешние признаки государства (законодательный и исполнительный орган власти, конституцию или основной закон), однако компетенция органов власти автономии четко определена в конституции государства. По ее мнению, Россия – условная или, если можно так сказать, символическая федерация (как Швейцария – условная конфедерация). «Федерация в России, скорее, дань уважения населяющим ее народам и некий баланси́р на случай “трудных времен”, современная Российская Федерация – огромное унитарно-регионалистское государство, «в котором в силу его многонациональности и сложности состава используется федеративная риторика для удовлетворения национальных амбиций региональных элит и возможности маневра в случае возникновения противоречий» [Лукьянова 2015: 14-15].

Итак, по нашему мнению, автономную область следует отнести к форме административно-политической автономии. Собственно примером административной автономии в советский период этнической группы можно указать Калмыцкий район Ростовской области, существовавший в 1929–1944 гг. (данный район прекратил существование только в 1944 г., тогда как калмыцкое население было выселено в декабре 1943 г.) [Аверьянов 2015; Максимов 2016а].

Относительно современного положения республик – субъектов Российской Федерации необходимо отметить, что, по мнению ряда российских ученых, их статус по сути не отличается от автономных республик в советский период, т.е. национально-государственной (политической) автономии.

Литература:

Авакьян С.А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. 640 с.

Аверьянов А.В. Национальная политика на Дону в 1930-е годы: на примере Калмыцкого района // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2015. № 4. С. 50–55.

Ахтаханов И.Р. Становление советских национальных автономий до образования СССР // Мир юридической науки. 2010. № 3. С. 30–35.

Железнов Б.Л. Конституционно-правовые институты автономных республик в советский период // Вестник экономики, права и социологии. 2008. № 4. С. 54–66.

Лебедев А.Н. Советские государствоведы о проблемах и перспективах развития советской федерации (1918–1985 гг.) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 6. С. 24–41.

Лукьянова Е.А. «Золотая середина» российского централизма, или еще раз об истоках федеративной природы России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 4–21.

Максимов К.Н. Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста: АУ РК «Издательский Дом «Герел», 2013. 464 с.

Максимов 2016а – *Максимов К.Н.* Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. 576 с.

Максимов 2016б – *Максимов К.Н.* Наркомнац РСФСР и нациестроительство в Калмыкии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 1. С. 59–66.

Максимов К.Н., Мацакова М.И. Конституирование национальной государственности Калмыкии в форме административной автономии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 3. С. 11–19.

Некрасов С.И. Автономия и национальный вопрос в советском государственном праве (1917– 1940 гг.) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 3. С. 106–126.

Султыгов А-Х.А. Большевизм и национальный вопрос // Вестник Российской нации. 2017. № 2. С. 8–84.

Шармоянц А.Н. Становление автономных областей как субъектов нормотворческой деятельности в советский период // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1 (67). № 3. С. 42–48.

УДК 94(47).084

СОВЕТСКОЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И ЗАКРЕПЛЕНИЕ ЕГО В КОНСТИТУЦИИ РСФСР 1925 ГОДА

Максимов Г.К.¹

¹ соискатель (г. Элиста).

E-mail: maksimovkn@kigiran.com

Аннотация: В статье рассматривается избирательное законодательство советской России в период нэпа, включающее в себя демократические принципы проведения выборов, хотя правовая база местных советов, построенная по классовому принципу, являлась, по сути, органом власти лишь трудового населения и выступала как орган государственной власти. Законодатель, лишая избирательных прав, ограничивал политические права значительной группы населения, тем самым лишая производительной силы новую экономическую политику.

Ключевые слова: история выборов, избирательное право, законодатель, советская Россия, нэп.

С окончанием Гражданской войны, ставшим поворотной вехой в государственном строительстве, укреплении его политической основы, властные структуры РСФСР приступили к стабилизации системы советов и их деятельности, обновлению составов местных советов, повышению их роли в реализации новой экономической политики, усилению партийного руководства ими. Партия большевиков в новых условиях ставила задачу, сохраняя за собой общее руководство советами, усилить их роль в практическом руководстве хозяйственной и культурной жизнью на местах. Но вместе с тем в резолюции XII съезда РКП(б) «По отчету ЦК РКП(б)» указывалось, что «главная ответственность за работу хозяйственных и общегосударственных органов лежит на РКП, ибо она одна исторически призвана быть действительным проводником диктатуры рабочего класса» [Ленин 1979: 245, 248, 258].

В связи с необходимостью реализации этих целей первостепенное значение приобретали вопросы совершенствования и создания правовой базы местных советов, подбора и укрепления их кадрами, увеличения их состава партийной прослойкой. В соответствии с конституционными принципами диктатуры пролетариата формировалась правовая база местных советов, построенных по классовому принципу, являвшихся

органами власти лишь трудового населения и выступавших как органы государственной власти, «проникнутые единым принципом власти», основанные на принципах демократического централизма.

Первым законодательным актом по укреплению и повышению роли местных советов в решении хозяйственных вопросов, принятым после Гражданской войны, явилось постановление IX Всероссийского съезда советов «О советском строительстве» (28 декабря 1921 г.). Съезд, продлив сроки полномочия местных советов, внес изменения в ст. 54 Конституции РСФСР 1918 г., в соответствующие решения предыдущих двух съездов относительно сроков проведения съездов и перевыборов местных советов. Законодатель установил, что все очередные съезды советов автономных республик и областей, губернские, уездные и волостные должны созываться один раз в год. В этот же срок производятся перевыборы городских, поселковых и сельских советов. В случае необходимости губернским исполкомам предоставлялось право созывать внеочередные съезды уездных советов, а уездным исполкомам – волостные съезды, на которых могли быть переизбраны их исполкомы.

Президиум ВЦИК наделялся правом созывать внеочередные съезды советов автономных республик и областей, губерний, а также производить перевыборы их исполкомов [Конституции 1940: 117–118].

В соответствии с поставленными задачами в условиях новой экономической политики XI (1922 г.) и XII (1923 г.) съездами РКП(б) качественного формирования составов, повышения эффективности работы местных советов, превращения их «в главный передаточный механизм от партии к крестьянским массам» ВЦИК и СНК РСФСР провели активную работу по формированию правовой базы всех звеньев представительных и исполнительных органов государственной власти. 5 марта 1922 г. ВЦИК утвердил положения о советах губернских, уездных и заштатных городов и поселков городского типа; об уездных съездах, советах и их исполнительных комитетах; о волостных съездах советов и волостных исполнительных комитетах, а также Положение о сельских советах [СУ РСФСР. 1922 г. № 10. Ст. 90–93].

При этом первоочередное внимание было обращено на совершенствование избирательной системы в соответствии с ее конституционными принципами. Таким документом явилась «Инструкция о перевыборах городских и сельских советов и о созыве волостных, уездных и губернских съездов советов», утвержденная ВЦИК 31 августа 1922 г. Обеспечение своевременного и правильного проведения выборов и съездов советов возлагалось на избирательные комиссии, формируемые соответствующими исполкомами советов, а председатели избиркомов утверждались вышестоящими избирательными комиссиями. Инструкция регламентировала порядок проведения избирательных собраний и выборов членов советов, а также созыва съездов советов.

Изменение общественно-политической обстановки, выдвижение новых задач потребовали внесения корректив в существующие законодательные и нормативные акты о местных советах и принятия новых законов, положений, инструкций. Одним из первых таких актов явилось «Положение об уездных съездах советов и исполнительных комитетах», утвержденное постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 28 июля 1924 г. В соответствии с данным Положением ВЦИК 11 августа того же года утвердил «Инструкцию о перевыборах городских и сельских советов и о созыве волостных (районных), уездных (окружных) и губернских (областных) съездов советов». ВЦИК установил не позднее 1 октября 1924 г. сформировать избирательные комиссии и провести перевыборную кампанию местных советов.

В Инструкции от 11 августа 1924 г. фактически были отражены основные положения Инструкции от 31 августа 1922 г., за исключением раздела о лицах, лишенных избирательного права. Этот раздел в новой Инструкции получил расширительное толкование. Содержание Инструкции ВЦИК от 11 августа 1924 г. легли в основу инструкций о перевыборах советов, принятых ВЦИК и ЦИК СССР в 1926 г. Они рассматриваются ниже.

Вслед за этими декретами Президиум ВЦИК 8 сентября 1924 г. утвердил циркуляр № АП849/17 «Об организационной работе по проведению перевыборной кампании по РСФСР», в котором рекомендовалось при проведении перевыборов руководствоваться Конституцией РСФСР 1918 г. (статьями 7, 23, 64–70) и Инструкцией о перевыборах от 11 августа 1924 г. Вся организационная работа по проведению перевыборной кампании возлагалась на Орготдел Президиума ВЦИК, ведение учета – на НКВД РСФСР, на местах – на административные отделы [НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 550. Л. 33, 35, 47].

В новых положениях 1924 г. о местных советах определялось, что съезды советов, созываемые 1 раз в год исполкомами соответствующих советов, сельские советы на своей территории являются высшими органами советской власти, а период между съездами – их исполкомы. В краевой съезд советов входили представители городских, поселковых (городского типа) советов, окружных съездов советов из расчета: от окружных съездов – 1 депутат на 25 тыс. жителей, от городских, поселковых советов – 1 депутат на 5 тыс. избирателей, от автономной области (если она входила в состав края) – 1 депутат на 12,5 тыс. жителей. За съездами автономных областей сохранялось право делегирования своего представителя на Всероссийский съезд советов.

Губернские (областные) съезды советов формировались из представителей городских, поселковых советов, уездных советов по нормам: от советов городов и поселков – 1 делегат на 2 тыс. избирателей, от уездных советов – 1 делегат на 10 тыс. человек населения; на окружные съезды

советов входили представители из расчета: от городских и поселковых советов – 1 делегат на 1 тыс. избирателей, от районных съездов (сельских советов) – 1 делегат на 5 тыс. человек населения.

Уездный съезд советов составлялся из представителей всех советов, имеющих на территории уезда, по нормам: от сельского совета – 1 депутат на 2 тыс. жителей, от городского совета – 1 депутат на 200 избирателей с тем, чтобы общее количество депутатов не превышало 300 делегатов; районные и волостные съезды советов – от всех советов, находящихся на их территории, 1 делегат на 300 человек населения, но свыше 150 делегатов на район или волость.

Выборы членов сельского и городского советов, делегатов на съезды вышестоящих советов производились на избирательных собраниях, созываемых избирательной комиссией или ее уполномоченным. В городах и поселках избирательные собрания проводились на предприятиях, организациях. Выборы депутата в сельские советы производились по отдельным селениям при наличии не менее 100 жителей, а при меньшем количестве объединяли ряд селений. Собрание открывал уполномоченный избиркома, и для ведения его работы избирался президиум в составе трех человек [Конституции 1940: 158–160, 167; НАРК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 59. Л. 26об.].

С образованием СССР Президиум ЦИК СССР, обобщив имевшееся законодательство по избирательному процессу и практику проведения перевыборных кампаний, принял 16 января 1925 г. «Инструкцию о перевыборах в советы». Президиум ЦИК СССР установил «в целях планомерного и своевременного производства выборов в сельские и городские советы, волостные (районные), уездные (окружные) и губернские (областные) съезды советов создавать сельские, волостные, уездные, губернские, городские избирательные комиссии». На избирательные комиссии возлагался контроль за соблюдением установленных правил и норм выборов [НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 699. Л. 10].

Губернская избирательная комиссия формировалась и утверждалась губисполкомом в составе 5 членов: 2 представителя от губисполкома и 1 представителя от губернского объединения профсоюзов и 2 крестьян – делегатов от местных крестьянских организаций (комитетов взаимопомощи и др.). Уездная избирательная комиссия также состояла из 5 человек: председателя, назначаемого губернской избиркомиссией, представителя от уездного исполкома, представителя от бюро профсоюзов и 2 крестьян (делегатов от местных крестьянских организаций).

В волостные избиркомиссии входили 3 человека: председатель, назначаемый уездной избиркомиссией, 1 – от волостного исполкома и 1 от – сельского совета; сельские избиркомиссии состояли из председателя, назначаемого волостной избиркомиссией, 1 представителя сельского совета и 1 представителя от избирателей села, избираемого на общем со-

брании; городские избиркомиссии формировались в составе 5 членов: председателя, назначаемого вышестоящей избиркомиссией, и представителей: 1 – от горсовета, 1 – от профсоюзов, 1 – от Красной армии, 1 – от делегатского собрания работниц.

На избирательные комиссии возлагались наблюдение за законностью и своевременностью проведения выборов, руководство работой нижестоящих избирательных комиссий, составление списков лиц, лишенных избирательных прав. Выборы членов советов происходили на избирательных собраниях, которые созывались избирательной комиссией или ее уполномоченным. Избирательные собрания открывал председатель или представитель избирательной комиссии, а собрание вел президиум, избранный в составе 3 человек. По решению собрания голосование могло быть по спискам или по отдельным кандидатурам, а вопрос о закрытом или открытом голосовании определялся избирательной комиссией. На съездах советов избирались мандатные комиссии. Избранными в члены советов считались лица, получившие простое большинство голосов [НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 699. Л. 10].

XII Всероссийский съезд советов в связи с вхождением РСФСР в состав СССР 11 мая 1925 г. внес изменения в Конституцию РСФСР 1918 г. и утвердил ее в новой редакции. С учетом накопленного опыта в 5 и 6 главах (статьи 49–75) Конституции РСФСР 1925 г. получили закрепление вопросы регламентации формирования, полномочий местных органов государственной власти. Сохранив многоступенчатые выборы, в отличие от предшествующей Конституции она установила, что «высшей в пределах данной территории – края, области, губернии, округа, уезда, района и волости – властью в границах своего ведения является съезд советов», в котором «принимают участие представители всех советов, находящихся на территории данной административной единицы» (ст. 49, 50).

В состав краевых, областных съезды советов включались представители городов и городских поселений, фабрик и заводов, расположенных вне городских поселений, и окружных советов, из расчета – от совета городов 1 делегат на 5 тыс. избирателей (была сохранена прежняя норма), от окружных съездов советов – 1 делегат на 25 тыс. человек населения. Ранее на областные съезды советов не предусматривалось представительство от окружных съездов советов, а лишь от городских советов и уездных съездов советов по этой же норме. Конституция РСФСР 1925 г. в связи с образованием в РСФСР крупных краев выделила краевой съезд советов высшим звеном в системе местных советов.

Губернские съезды советов формировались из представителей советов городов, городских поселений, фабрик и заводов, расположенных вне городских поселений, и уездных советов, по норме: от совета городов – 1 делегат на 2 тыс. избирателей и от уездных съездов сове-

тов – 1 делегат на 10 тыс. человек населения. В Конституции РСФСР 1918 г. губернские и окружные съезды советов формировались по этой же норме, но вместо уездных съездов советов в формировании их составов участвовали волостные съезды советов.

В связи с изменением административно-территориального устройства страны по Конституции РСФСР 1925 г. окружные съезды советов были выделены в самостоятельное звено и формировались: от советов городов – 1 делегат на 1 тыс. избирателей, от районных съездов советов – 1 делегат на 5 тыс. человек населения.

Уездные съезды советов составлялись из представителей: от советов городов – 1 делегат на 200 избирателей и от волостных съездов советов – 1 делегат на 1 тыс. человек населения, но не свыше 300 делегатов на съезд. Ранее составы уездных и районных съездов советов формировались по одинаковой норме только из представителей сельских советов по норме – 1 делегат на 1 тыс. жителей. По Конституции РСФСР 1925 г. районные и волостные съезды советов были выделены вместе в отдельную группу, составы которых формировались из представителей всех советов, находящихся на их территории, по расчету: 1 делегат на 300 человек населения, но не свыше 150 делегатов на район или волость. По Конституции РСФСР 1918 г. волостные съезды советов составлялись из представителей сельских советов, по расчету 1 депутат на каждые 10 членов совета (если членов совета было менее 10, посылали на волостной съезд советов 1 представителя).

Конституция РСФСР 1925 г. предоставила ВЦИК право изменять нормы представительства на съезды советов для отдельных местностей в зависимости от их особенностей. В Конституции РСФСР 1925 г. получили закрепление установленные IX Всероссийским съездом советов сроки созыва съездов советов – один раз в год, а также возможность созыва внеочередных съездов советов.

В связи с обращением ряда автономных республик и областей ВЦИК и СНК РСФСР постановлением от 11 января 1926 г. «Об изменении норм представительства при выборах в советы на съезды советов в автономных республиках и областях» установили следующие нормы представительства в Башкирской, Бурят-Монгольской, Дагестанской и Казахской АССР, Калмыцкой автономной области при выборах в сельские советы и соответствующие им советы – 1 депутат на 50 человек населения; в Калмыцкой и Ойротской автономных областях при выборах на волостные и соответствующие им съезды – 1 делегат на 100 человек населения; в Калмыцкой АО на улусные съезды советов – 1 делегат на 300 человек населения и от городских советов 1 делегат на 60 избирателей; Калмыцкой, Карачаево-Черкесской, Ойротской и Чеченской автономных областях при выборах на областные съезды советов – 1 делегат на 1000 человек населения и от городских советов 1 делегат на 200 избирателей.

В примечании указывалось, что сельские и соответствующие им советы селений, количество жителей в которых не достигает нормы, необходимой для избрания 1 делегата на волостной или иной соответствующий ему съезд советов, посылают на эти съезды по 1 делегату [НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 699. Л. 764].

В Конституции РСФСР 1925 г. было воспроизведено прежнее положение о том, что исполкомы советов, избираемые съездами советов, являются в период между съездами советов высшими органами советской власти на соответствующей территории. Количественный состав исполкомов и их президиумов устанавливался ВЦИК или его Президиумом. Исполкомы местных советов включались в единую систему исполнительных органов РСФСР на принципах демократического централизма.

В Конституции РСФСР 1925 г. были сохранены нормы выборов в городские и сельские советы, установленные предыдущей Конституцией. Городской совет формировался – 1 депутат от каждой тысячи человек населения, но в составе не менее 50 и не более тысячи членов; в селениях – 1 депутат на каждые 100 человек населения, но в числе не менее трех и не более 50 депутатов на каждый сельский совет [Конституции 1940: 27–28, 167–168].

Конституция РСФСР 1925 г. сохранила основные принципы избирательного права, установленные предыдущей Конституцией, прежде всего, возрастной ценз 18 лет. В отличие от предыдущей Конституции, она не предусмотрела возможность уменьшения местными советами возрастного ценза. В новой Конституции полностью было воспроизведено положение о трудовом цензе, ограничивавшим принципы всеобщего избирательного права. Согласно трудовому цензу, активным и пассивным избирательным правом наделялись все добывающие средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом, а также лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда. В первой Конституции здесь же перечислялись категории лиц, занятых производительным трудом. Всеми избирательными правами могли пользоваться красноармейцы и краснофлотцы.

Основной Закон РСФСР 1925 г. в статье 69 повторил перечень категорий субъектов, лишенных избирательных прав, перечисленных в статье 65 Конституции РСФСР 1918 г., за исключением пункта «Г», где после «монахи и духовные служители религиозных культов» добавлено «всех исповеданий и толков, для которых это занятие является профессией». Конституция установила, что не избирают и не могут быть избранными: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на не трудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; д) служащие и агенты бывшей полиции, отдельного корпуса жандармов и охранных

отделений, члены царствовавшего в России дома, а также лица, руководившие деятельностью полиции, жандармерии и карательных органов; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на установленный законом или судебным приговором срок [Конституции 1940: 169].

Несмотря на столь подробный в Конституции РСФСР 1925 г. перечень лиц, лишенных избирательных прав, в «Инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов», принятой ВЦИК 4 ноября 1926 г. в соответствии с Инструкцией Президиума ЦИК СССР «О выборах в советы» от 23 сентября 1926 г., этот список толковался значительно шире. В пункте 14 Инструкции указывалось, что при «составлении и проверке списков как избирателей, так и лиц, лишенных избирательных прав, избирательные комиссии должны иметь в виду, что Конституция РСФСР лишает отдельных лиц и отдельные группы населения избирательных прав, а именно:

а) лиц, прибегавших и прибегающих в настоящее время к наемному труду с целью извлечения прибыли;

б) лиц, живших и живущих в настоящее время на нетрудовые доходы, а также занимавшихся или занимающихся ныне торговлей;

в) прочих лиц, относящихся по своему классовому происхождению к моменту выборов, или по своей прошлой деятельности к категории лиц, лишенных избирательных прав, согласно ст. 69 Конституции РСФСР» [НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 764. Л. 3].

15. Из отдельных категории граждан, предусмотренных статьей 14 настоящей Инструкции, не могут пользоваться избирательными правами:

а) земледельцы, применяющие наемный труд, сезонный или постоянный в таком объеме, который расширяет их хозяйство за пределы трудового;

б) земледельцы, имеющие наряду с земледельческим хозяйством собственные или арендованные промысловые и промышленные заведения и предприятия (мельницу, крупорушку, маслобойку и т. п.), ведущиеся с применением постоянного или сезонного наемного труда;

в) земледельцы, занимающиеся наряду с земледельческим хозяйством скупкой и перепродажей скота, сельскохозяйственных продуктов в виде промысла;

г) лица, закабаляющие окружающее население путем систематического предоставления в пользование имеющихся у них сельхозмашин, рабочего скота и прочее, или постоянно занимающиеся снабжением населения кредитом (товарным или денежным на кабальных условиях);

д) кустари и ремесленники, прибегающие к найму постоянной рабочей силы;

е) владельцы предприятий промышленного типа, предприниматели и подрядчики, эксплуатирующие население путем сдачи тех или иных работ на дом;

ж) владельцы и арендаторы предприятий промышленного или фабрично-заводского типа;

з) частные торговцы и перекупщики;

и) частные торговцы и коммерческие посредники;

к) бывшие офицеры и военные чиновники белых армий, а также руководители контрреволюционных банд.

Примечание. Из перечисленных в настоящем пункте лиц могут пользоваться избирательными правами лишь те, в отношении которых имеются соответствующие акты правительств СССР, РСФСР, а равно те из бывших офицеров и военных чиновников белых армий, которые впоследствии состояли в рядах Красной армии и Красного флота и принимали участие в вооруженной защите советских республик, или которые в настоящее время находятся на действительной военной службе Красной армии и Красного флота.

л) все служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, члены царствовавшего дома, все лица, прямо или косвенно руководившие действиями полиции, жандармерии и карательных органов как при царском строе, так и при белых контрреволюционных правительствах, как-то: бывшие министры, их товарищи, директора департаментов, генерал-губернаторы, главноначальствующие при чрезвычайной охране, военные и гражданские губернаторы, вице-губернаторы, губернские предводители дворянства, чиновники для особых поручений, бывшие председатели и члены уголовных департаментов, прокуроры, товарищи прокуроров судебных палат, следователи по особо важным делам, председатели, члены следственных комиссий, действовавших на территории, занятой белыми контрреволюционными правительствами, члены губернских правлений, земские, крестьянские, уездные начальники, исправники, чины МВД и все служащие тюремного ведомства;

м) служители религиозных культов всех вероисповеданий и толков, как-то: монахи, послушники, священники, дьяконы, псаломщики, муллы, муэдзины, раввины, бии, казины, какторы, шаманы, баксы, ксендзы, пасторы, начеччики и лица других наименований, исполняющие соответствующие перечисленные обязанности, независимо от того, получают ли они за исполнение этих обязанностей вознаграждение;

н) лица административно-высланные, а также лица, в отношении которых состоялись судебные приговоры, лишаящие их, в виду связи с преступной средой, права проживания на месте своего прежнего жительства, поражение в правах приговорами судов.

Примечание. Лица, находящиеся в местах лишения свободы в качестве подследственных, состоящих под судом и отбывающих наказание по приговорам судов, не соединенным с лишением избирательных прав, не могут принимать участие в выборах на все время нахождения их в местах лишения свободы.

о) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными;

п) члены семей лиц, лишенных избирательных прав по пунктам «а», «б», «в», «г», «д» статьи 69 Конституции РСФСР и соответствующим им пунктам настоящей статьи, в тех случаях, когда они находятся в материальной зависимости от лиц, лишенных избирательных прав, и не имеют источников своего существования, самостоятельный общественно-полезный труд.

Примечание. Члены семей низших служащих, лишенных избирательных прав по пункту «д» ст. 69 Конституции РСФСР и пункту «д» настоящей статьи, избирательных прав не лишаются» [НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 764. Л. 3об., 4].

Всероссийская центральная избирательная комиссия в циркуляре № АП849.2/62 от 17 января 1927 г. разъясняла, что к категории низших служащих, лишенных избирательных прав по п. «д» статьи 69 Конституции РСФСР и по п. «л» Инструкции от 4 ноября 1926 г., следует отнести служащих в бывших полиции, корпусе жандармов и тюремном ведомстве курьеров, швейцаров, сторожей, переписчиков, машинисток, городских, стражников, а равно лиц, занимавших другие должности, соответствующие перечисленным [НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 764. Л. 230].

Согласно «Инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов», не могли быть лишены избирательных прав категории лиц, «если эти лица, не лишены избирательных прав по другим основаниям, предусмотренным ст. 69 Конституции РСФСР и настоящей Инструкцией:

а) крестьяне-земледельцы, применяющие в своем хозяйстве наемный труд одного постоянного рабочего при особых обстоятельствах, как-то: болезнь, мобилизация уход на трудовые сезонные заработки, избрание на общественную должность, требующую отрыва от хозяйства и т. п.;

б) земледельцы, нанимающие во время страдной поры временно не более 2 человек для уборки урожая;

в) лица, занимающиеся сельским хозяйством и сбывающие продукты своего труда на рынок;

г) кустари и ремесленники, ведущие трудовое хозяйство без применения наемного труда, а также пользующиеся в силу условий производства наемным трудом 1 взрослого работника или двух учеников;

д) привлеченные в свое время в ряды белых армий путем мобилизации рабочие, низшие служащие, трудовые крестьяне, казаки, кустари и ремесленники;

е) лица, получающие проценты с трудовых вкладов и облигаций государственных, коммунальных, кооперативных займов, при условии, если эти доходы не являются основным источником их существования;

ж) лица, в силу особых причин занимающиеся мелкой торговлей, как-то: инвалиды труда, торгующие по бесплатным патентам Наркомата соцобеспечения РСФСР, безработные рабочие и служащие (состоящие на учете посреднических бюро труда);

з) лица, которые по найму или выбору религиозных общин занимаются административно-хозяйственным и техническим обслуживанием зданий религиозных культов и религиозных обществ, как-то: сторожа, уборщики, звонари, певчие и т. п., а также лица, принявшие по договору церкви или церковные имущества, состоящие членами приходских советов и общин;

и) лица свободных профессий, занимающиеся общественно-полезным трудом, если они не эксплуатируют чужого труда с целью извлечения прибыли» [НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 764. Л. 4об.].

Однако законодатель допускал возможность восстановления в избирательных правах бывших служащих полиции, жандармерии, карательных органов, белых офицеров и т.п. (пункты «и», «к», «л» ст. 15 настоящей Инструкции) по особым постановлениям Президиума ВЦИК, если эти лица в настоящее время занимались производительным и общественно-полезным трудом и доказали свою лояльность по отношению к советской власти. Могли быть восстановлены по решению краевых, областных, губернских, автономных республик и областей избирательных комиссий с последующим утверждением исполкомами в избирательных правах также лица, относившиеся к классу эксплуататоров, религиозным служащим, если они в течение не менее 5 лет занимаются производительным, общественно-полезным трудом и доказали свою лояльность к советской власти [НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 764. Л. 4, 4об.].

Таким образом, Основной Закон РСФСР 1925 г. сохранил основные конституционные принципы избирательного права и избирательного процесса, заложенные в первой Конституции РСФСР, за исключением некоторых технологий и сроков выборов и проведения съездов советов. В соответствии с конституционными принципами в 1920-е годы формировалась правовая база местных советов. В связи с изменением в административно-территориальном устройстве страны новая Конституция регламентировала порядок формирования краевых и районных органов советской власти.

Инструкция ВЦИК от 4 ноября 1926 г., расширительно толкуя категорию «лишенцев» избирательного права, ограничивая политические права значительной группы населения, закрепляла в основе избирательного процесса классовый подход, ведущий к упрочению диктатуры пролетариата и его партии. Законодатель, лишая избирательных прав в ос-

новном производительной силы новой экономической политики, повел курс на ее свертывание.

Источники:

В.И. Ленин, КПСС о работе Советов. М.: Изд-во политической литературы, 1979. 744 с.

Конституции и конституционные акты РСФСР (1918 – 1937). Сборник документов. М.: Изд-во Ведомостей Верховного Совета РСФСР, 1940. 298 с.

Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК).

СУ РСФСР. 1922 г. – Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1922 г. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1950. 1932 с.

УДК 94(47).084

ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАЛМЫКИИ В БОРЬБЕ ЗА ЛИКВИДАЦИЮ НЕГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ (1920–1930-е гг.)

Сартикова Е.В.¹

¹ доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста).

E-mail: sartikova_evgeniya@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется деятельность партийной организации Калмыкии в борьбе за ликвидацию неграмотности населения в 1920–1930-е гг. Большевики впервые создали на государственном уровне программу преодоления массовой неграмотности населения и развернули широкое общественное движение по реализации разработанных планов. В улусных комитетах партии, на собраниях партийных ячеек часто обсуждались вопросы о борьбе с неграмотностью, принимались конкретные решения. В заключении автор делает вывод о том, что, несмотря на огромные трудности, партийные организации области сумели выработать формы и методы работы по ликвидации неграмотности населения, в результате чего в 1939 году грамотные люди в Калмыцкой АССР в возрасте от 9 лет и старше составляли 70,8 %, что в сравнении с 1926 г. (26,3 %) являлось принципиальным достижением.

Ключевые слова: партийная организация, Калмыкия, мероприятия по ликвидации неграмотности населения, областной отдел народного образования, политпросветучреждения, культштурм.

Закономерным результатом Великой российской революции явилось установление в 1918 г. советской власти в Калмыцкой степи. Несмотря на трудную обстановку тех лет, советские органы Калмыкии, руководимые большевиками, провели значительную работу по созданию организационно-политических предпосылок образования национальной автономии. В решении этой задачи первостепенное значение имели политика и практическая деятельность ЦК партии, Совнаркома РСФСР и В.И. Ленина.

Итоги национально-государственного строительства за 1918–1920 гг. подвел I Общекалмыцкий съезд Советов депутатов трудового калмыцкого народа, состоявшийся 2–9 июля 1920 года. Его историческое значение состояло в том, что он провозгласил государственность калмыцкого на-

рода в форме автономной области, приняв «Декларацию прав трудового калмыцкого народа» [Национально-государственное 1981: 24–27], зафиксировавшего правовое положение Калмыцкой автономной области, определившего систему органов государственной власти и управления, административно-территориальное устройство.

После образования Калмыцкой автономной области большевики немедленно приступили к организационному оформлению партийной организации. 12 декабря 1920 г. в Астрахани состоялось объединенное заседание коммунистов Калмыцкой области, сыгравшее роль уездной партийной конференции. В заседании участвовали представители объединенной партиячейки ЦИКа и военкомата, а также представители с мест – всего 46 человек [Очерки 1980: 47]. На первом заседании был избран уездной комитет РКП(б) в составе: Б.Г. Джирентеева, Аржанова, О.Л. Лиджиева-Рокчинского, С.-Г. Манджиева и Н.Х. Завертяева. Избранные члены выбрали президиум уездкома из трех человек, в который вошли: Б.Г. Джирентеев, С.-Г. Манджиев, Н.Х. Завертяев [НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 48].

Начало организационному оформлению Калмыцкой партийной организации положила I-я областная учредительная партийная конференция, которая проходила 18–20 февраля 1921 г. в пос. Калмыцкий Базар. В ней участвовало от местных партийных ячеек, представлявших около 300 коммунистов, 40 делегатов с решающим и 60 – с совещательным голосом [НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 8]. В центре внимания конференции стоял вопрос хозяйственного строительства в области. В докладе А.М. Амур-Санана по этому вопросу были отмечены две главнейшие задачи: восстановление животноводства и развитие земледелия в области. Обсуждение и принятие конференцией решений свидетельствовали о том, что партия приобретала черты не только политической организации, но и государственной с функциями, присущими государственным учреждениям исполнительно-распорядительного и контрольного характера. Поэтому партийная конференция значительное внимание уделила восстановлению экономики, развитию земледелия, предстоящей посевной кампании [Максимов 2002: 272].

Конференция выбрала Областной комитет партии в составе 11 членов (А.Г. Мещеряков, А.Ч. Чапчаев, Б.С. Акугинова, А.М. Амур-Санан, А.Г. Маслов, У.Л. Лавгаев, Г.М. Манкиров, Х.О. Отхонов, Кононенко, Сухов, Филинов) и 3 кандидатов в члены обкома (В.В. Толкунов, Б.М. Кожиев, Э.А. Кекеев). В контрольную комиссию избрали В.В. Толкунова, Э.А. Кекеева и А. Балванович, кандидатом Б. Мукаева. В ревизионную комиссию вошли Е. Сайков, Б.М. Кожиев, Н.Х. Завертяев и кандидатом С.-Г. Манджиев [НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 67]. Из 14 членов и кандидатов в члены обкома партии 9 человек (63 %) являлись членами Калмыцкого ЦИК, избранного I Общекалмыцким съездом Советов. Та-

ким образом, с момента образования партийные органы Калмыкии начали организационно сращиваться с органами государственной власти [Максимов 2002: 273]. Несмотря на малочисленность партийной организации, Калмыцкий обком партии по статусу был приравнен к областным с непосредственным подчинением ЦК РКП(б) на принципах демократического централизма и введен в структуру партийного управления [Максимов 2002: 273].

Развитие национальной государственности происходило под руководством областной партийной организации. С образованием Калмыцкой автономной области и формированием её государственных, политических и общественных организаций создавались условия для ускоренных темпов экономического, социально-культурного строительства. Важнейшее значение для подъема культурного уровня трудящихся имели мероприятия партийных и советских органов Калмыкии по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. До революции 1917 г. ей не уделялось должного внимания. Большевики впервые создали на государственном уровне программу преодоления массовой неграмотности и развернули широкое общественное движение по реализации разработанных планов. Ликбезовскую работу стремились делать комплексной: ликбез совмещался с пропагандой культурного быта, борьбой за равноправие женщины, а также с производственной пропагандой, с коллективизацией и т.д. При этом, разумеется, ликбезовские кампании несли на себе все родимые пятна большевистского подхода к решению социальных проблем. Ликбез был максимально идеологизирован (читать и писать учились по большевистским лозунгам). Достигнутые результаты не закреплялись переходом людей в стационарные школы. В результате через некоторое время возникли массовые рецидивы неграмотности. И, тем не менее, следовавшие одна за другой кампании ускоренного ликбеза позволили поднять уровень элементарной культуры взрослого населения [Сартикова 1995: 22].

Организующим толчком к работе по преодолению культурной отсталости народа стало издание 26 декабря 1919 года Декрета Совнаркома «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». В нем, в частности, подчеркивалось, что «в целях предоставления всему населению республики возможности сознательного участия в политической жизни страны Совет Народных Комиссаров постановил: «Все население республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязано обучаться на родном или русском языке по желанию» [Культурное 1983: 210, 211].

Для Калмыкии этот декрет имел особое значение – он побуждал к созданию необходимой инфраструктуры. В большинстве населенных пунктов области до революции не было школ и просветительных учреждений, что, несомненно, осложняло проведение эффективной борьбы

с неграмотностью. К тому же не хватало учителей не только для школ взрослых, но и для обычных школ. Задачу ликвидации неграмотности и малограмотности можно было решить двумя путями: организацией мероприятий по обучению взрослого населения и введением всеобщего начального обучения детей. Основной контингент, охваченный ликвидацией неграмотности, составляло взрослое население, пребывавшее в наиболее трудоспособном возрасте – от 16 до 45 лет [НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 51. Л. 138].

Работой по обучению грамоте нерусских народов руководил Отдел просвещения национальных меньшинств, специально созданный при Наркомате просвещения РСФСР. В феврале 1920 года было утверждено «Положение об организации дела просвещения народов нерусского языка», согласно которому на уездные отделы народного образования возлагалась обязанность «заботиться о просвещении всего населения обслуживаемой ими территории, независимо от национального состава». В целях координации всей работы по ликвидации неграмотности декретом Совнаркома РСФСР от 19 июля 1920 года была учреждена Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности (ВЧК л/б) [Куманев 1983: 309]. На местах её функции возлагались на органы народного образования.

В Калмыкии проведению этой работы в улусах мешали кочевой быт, отсутствие определенных пунктов осёдлости, дефицит учителей, владеющих калмыцким языком, низкий культурный уровень народных масс, полное бездорожье. Тем не менее, в регионе проводилась, по мере возможности, политико-просветительная работа: организовывались школы для взрослых и ликбезы при избах-читальнях, сельских клубах. Уже в 1921 г. действовала 21 школа для взрослых, а к концу 1923 г. было создано 56 школ для обучения грамоте взрослых и 36 ликбезов на общественных началах. Огромную роль в борьбе с неграмотностью сыграли созданные в те годы добровольные общества «Долой неграмотность» (ОДН).

На собраниях партийных ячеек, в улусных комитетах партии часто обсуждались вопросы о борьбе с неграмотностью, принимались конкретные решения. Каждому грамотному коммунисту и комсомольцу поручалось обучить грамоте не менее 10 человек. Позднее при обкоме РКП(б) был создан штаб по ликвидации неграмотности во главе с Х.М. Джалыковым [Очерки 1980].

Партийные и советские органы Калмыкии начали активно проводить мероприятия по ликвидации неграмотности приблизительно в конце февраля 1923 года после состоявшейся I Восточной методической конференции, на которой были выявлены недочеты, допущенные в ходе предыдущих этапов, приняты меры по упорядочению работы среди народностей Востока, а также намечены дальнейшие планы [ГАРФ. Ф. 296.

Оп. 1. Д. 81. Л. 1, 3]. В феврале 1923 г. была учреждена областная чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. Открылись 14 школ ликбеза, число которых постепенно возрастало. Обком РКП(б) в марте 1923 г. провел совместное совещание представителей облполитпросвета, обкома комсомола и областного отдела народного образования. В результате ряда согласованных мероприятий, осуществленных под руководством областной партийной организацией, за три года (1923–1926 гг.) 6 тыс. неграмотных получили начальное образование [Очерки 1980: 78]. Активизировали свою работу и комитеты РЛКСМ, руководимые областной партийной организацией. В декабре 1924 г. они провели Неделю ликвидации азбучной неграмотности. Следует признать, что идея ликвидации неграмотности находила горячий отклик у трудящихся, но темпы её проведения оставались все ещё очень медленными.

С осени 1923 г. мероприятия по ликвидации неграмотности среди взрослого населения стали набирать силу. Калмыцкий обком партии планировал завершить их к 1927 г. Однако это оказалось затруднительным делом, т.к. в Калмыкии не было букварей, предназначенных для обучения грамоте взрослых людей, учебников и учебных пособий на родном языке. Запланированные мероприятия проходили в наспех организуемых ликпунктах. Работники просветительных учреждений большое внимание уделяли «борьбе с реакционными пережитками прошлого в сознании людей, с религиозными суевериями, с вредными обычаями и нравами в быту» [Очерки 1970: 253]. На наш взгляд, ликбез был, скорее, поводом для расширения пропаганды идей и воззрений большевистской партии, чем самостоятельной целью. Так, библиотеки практиковали агитмассовые формы пропаганды: громкие читки по воскресеньям и в праздничные дни, выставки плакатов, лозунгов [НАРК. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 107. Л. 43]. В 1918–1921 гг. политпросветучреждения оказались нежизнеспособными: населению было не до получения знаний и культурных навыков, а государство лишилось возможности поддерживать эти организации. Остро ощущалась нехватка подготовленных работников, фонды библиотек не имели содержательной литературы.

Следует отметить, что с 1923 года растет сеть рабочих клубов, избчитален, библиотек, главной просветительной задачей которых становится закрепление в массах коммунистической идеологии. Но в отличие от первого послереволюционного этапа, когда инициатива исходила от местных органов, теперь к «культурно-просветительному строительству» призывал «центр». Толчок этому был дан на XII съезде РКП(б), уделившем большое внимание вопросам быта и культуры нерусских национальностей. Участники съезда партии приняли ряд решений по организации культурного возрождения малых народов, их политического просвещения. Всё это привело к тому, что в последующие годы работа в этом направлении заметно активизировалась [ГАРФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 81.

Л. 5; Д. 342. Л. 32об.–36; Д. 285. Л. 338–339]. Столкнувшись с острой нехваткой финансовых средств, областной отдел народного образования в 1924/25 учебном году смог организовать только 68 ликпунктов [НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 565. Л. 90].

Ликвидация неграмотности проводилась на русском языке; облоно не удалось организовать переход к преподаванию на калмыцком из-за отсутствия учебников. Работа по изданию букваря на калмыцком языке началась только в 1924 году. Предполагалось использовать его в ликпунктах, что методически не вполне отвечало требованиям, однако альтернативы не было. Учебой в ликпунктах в 1924/25 учебном году было охвачено 2 728 неграмотных, а в следующем – 2 702 человека, из них курс обучения окончили 1 360 человек (отсев составил около 50 %); в 1926/27 гг. обучались 1 138, окончили – 1 135; в 1927/28 гг. обучались 1 089 человек, окончили – 954 (отсев – 12,4 %) [ГАРФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 285. Л. 339]. Всего отсев за три года составил более 30 %. В 1930/31 учебном году к обучению в ликпунктах было привлечено 39 740 взрослых, в 1933 г. – 18 000 неграмотных и 24 850 малограмотных [НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 725. Л. 139].

Сдвиги были уже заметны, но достигнутое всё ещё не удовлетворяло реальным потребностям. В 1934/35 учебном году темпы кампании по ликвидации неграмотности несколько снизились, обучением было охвачено всего 2 365 неграмотных и 2 112 малограмотных. В 1935/36 учебном году планировалось привлечь в школы взрослых 17 250 неграмотных и 15 900 малограмотных [НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1825. Л. 43]. В 1936–1938 годах в них обучались уже около 37 000 неграмотных и малограмотных, а на 1 июня 1939 г. показатели охвата составляли 10 638 неграмотных и 11 532 малограмотных [НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1825. Л. 44].

По данным Всесоюзной переписи 1926 года общие показатели грамотности калмыков в КАО составили 9,6 % (в абсолютных числах – 10 261 человек) [Всесоюзная 1928: 56]. Из 107 026 калмыков, проживающих в области, считали себя грамотными всего 10 274 человека, а вместе с проживающими за пределами Калмыкии (у которых грамотность составила 17,2 %) – 14 096 человек. Несмотря на низкий критерий грамотности, грамотных калмыков было меньше, чем у других народов области [Всесоюзная 1928: 34].

Приобретение навыков чтения и письма в основном на русском языке объяснялось и техническими причинами, связанными с усвоением старокалмыцкой письменности. С 1926 г. в Калмыкии повсеместно был введен в употребление алфавит на основе русской графики. Комиссия по реформе калмыцкой письменности продолжала работать над усовершенствованием его нового (русифицированного) варианта с целью наилучшего отражения в нем специфических особенностей калмыцкого языка. Калмыки пользовались русским алфавитом с дополнительными

латинскими знаками до 1930 года, после чего был введен латинский алфавит [Сартикова 2008: 73]. Прежде чем областной комитет партии и Калмыцкий облисполком утвердили новый алфавит, он был подвергнут всестороннему исследованию рядом научных и общественных организаций и получил соответствующее одобрение научного Совета Всесоюзного Центрального комитета Новотюркского алфавита.

Девятый Калмыцкий областной съезд Советов обратился ко всем работникам культурного фронта, ко всей широкой общественности с призывом взяться за внедрение нового латинизированного алфавита, как за дело, имеющее огромное культурно-революционное значение для Калмыкии. Областной съезд Советов посчитал необходимым осуществление в первоочередном порядке следующих мероприятий: провести широкую разъяснительную работу среди населения о принятии нового алфавита; в месячный срок ликвидировать алфавитную неграмотность среди всех работников, занятых в сфере культуры, и всего руководящего состава общественных организаций; начиная с осени всю печать перевести на латинский алфавит; преподавание в учебных заведениях, на курсах и т. п. должно быть незамедлительно и в обязательном порядке также переведено на новый алфавит; массовую кампанию по ликвидации неграмотности, начиная с лета, проводить на латинском алфавите; начать издание плакатов, букварей, соответствующей учебной литературы на новом алфавите [Сборник 1971: 73].

Перипетии с алфавитом осложнили проведение кампании по ликвидации неграмотности среди калмыков на родном языке. Если в первые годы образования Калмыцкой автономной области успехи в ликвидации неграмотности были не столь значительны, то в конце 1920-х – 1930-е годы этой работе были заданы новые формы организации (культпоход, культштурм и т.п.). Так, в постановлении ЦК ВКП(б) от 17 мая 1929 года, которое так и называлось «Необходим решительный перелом в работе по ликвидации неграмотности» [В помощь 1929: 25–28], говорилось: «В дальнейшей работе по ликвидации неграмотности наряду со старыми, оправдавшими себя на практике приемами, должны быть широко использованы следующие формы работы, выявленные культпоходом: привлечение к работе по ликвидации неграмотности студенчества, учащихся старших классов школ 1 ступени, просвещенцев и других групп интеллигенции в городе и в деревне, наладив систематическое руководство их работой; организация групп содействия ликвидации неграмотности при городских и сельских Советах, общественные смотры работы школ, конференции неграмотных, шефство грамотных над неграмотными; сочетание ликвидации неграмотности со всеми формами массовой политико-просветительной работы – проведением бесед на общественно-политические темы, постановкой лекционной, экскурсионной, клубной работы, использованием газеты и книги для малограмотного, вовлечением неграмотных и малограмотных в общественную работу».

Идея преодоления культурной отсталости широких масс в стране «штурмом» была поддержана XVI съездом ВКП(б) (июнь 1930 г.). Опираясь на его решения, Калмыцкий обком и Нижневолжский крайком партии в марте 1931 г. приняли совместное постановление о проведении в Калмыкии культштурма, направленного на скорейшую ликвидацию неграмотности среди взрослых. Был создан краевой штаб культштурма, который возглавил заведующий отделом агитации и пропаганды Нижневолжского крайкома партии Г.И. Бройдо. Руководство Калмыцкого обкома партии (секретарь Х.М. Джалыков) также непосредственно участвовало в этой кампании. В ряды культармейцев вошли около 3 500 человек из числа учителей, учащихся старших классов, комсомольско-профсоюзного актива и 1 500 студентов [НАРК. Ф. Р-25. Оп. 4. Д. 554. Л. 8]. В калмыцкие улусы прибывали врачи, учителя и студенты, направленные партийными организациями Саратова, Волгограда и Астрахани. С 1 мая по 1 октября 1931 года индивидуально-групповым обучением грамоте в целом по области были охвачены 39 740 неграмотных и 13 500 малограмотных. Общие затраты на проведение культштурма составили около 2 млн. рублей, из которых только 263 000 (около 13 %) были выделены из бюджета [Очерки 1970: 255, 256].

Первые годы проведения культштурма дали следующие результаты: если за предыдущие три учебных года (1925/26 – 1926/27 – 1927/28) были обучены 3 449 человек, то только в 1928/29 учебном году обучение прошли 12 297 человек. К концу 1920-х годов ликбез стал носить комплексный характер. В отчете Президиума облисполкома указывалось: «Развертывается огромной важности поход дошкольный и за агроколхозную грамоту» [Отчет 1930: 48]. Однако не всегда и не везде выделялись приоритеты, и шумные кампании нередко оставались бесплодными.

Основная задача второго этапа культпохода заключалась в охвате учебой в 1929–1930-х годах – 25 000 человек, т. е. в 3–4 раза больше, чем за всё время существования Калмыцкой области [В помощь 1929: 23].

Культштурм проводился «методами соцсоревнования и ударничества» и был посвящен 10-летию образования Калмыцкой автономной области. К этой дате руководство Калмыкии отрапортовало, что обеспечена стопроцентная грамотность населения области. Однако скоро выяснилось, что победные релижи были основаны на приписках. И всё же следует признать, что проведение культштурма обеспечило рост сети ликпунктов, библиотек-передвижек, красных уголков. Определённая работа была проделана по распространению политической, агрозоотехнической, ветеринарной и санитарно-просветительной информации, активизировалась деятельность добровольных обществ. Но трудно не согласиться с тем, что «на этом участке Калмыцкая область имела целый ряд недостатков, главным образом, из-за нехватки подготовленных кадров из числа калмыцкого населения» [Десять лет 1931: 24].

В отчетах о результатах проведения «культпохода» и «культштурма» правда перемешана с вымыслом. Сообщалось, что культштурм стал уникальным рывком в ликвидации неграмотности. В качестве иллюстрации приводились следующие данные: в 1913 году грамотные составляли 2,3 % населения; в 1926 году – 9,6 %; в 1930 году – 45 %; в 1931 году – 92 %. В результате получалось, что было обучено 40 000 неграмотных, организована учеба 28 000 неграмотных, 5 000 человек охвачены учебой в школах повышенного типа. Достаточно сказать, что такие показатели не были достигнуты даже к началу 1940-х годов.

Результаты проведения культштурма могли быть гораздо существеннее, если бы работа велась более квалифицированно. Методы её осуществления, завышенные, нереальные планы, низкий уровень культуры самих культармейцев – все это привело к тому, что культштурм стал полем деятельности для самоучек. Разбросанность населения по степи, отсутствие крупных населенных пунктов и низкая заработная плата не позволяли найти хотя бы удовлетворительно подготовленных работников. Кадры «политпросветчиков» составляли случайные люди. Избачами являлись комсомольцы, в большинстве случаев секретари аймачных ячеек, часть которых не пользовалась авторитетом у взрослого населения, да и плохо разбиралась в характере работы. Таким образом, «просвещение масс» сводилось, в основном, к постановке партийными и советскими органами области преимущественно идеологических задач.

Преобразование в 1935 году Калмыцкой автономной области в Калмыцкую АССР дало новый толчок развитию процесса ликвидации неграмотности, её проведение теперь было поставлено уже на твердую материальную базу. В течение 1935 года были открыты 204 школы с постоянным штатом работников. В них обучалось 5 908 неграмотных и 4 461 человек малограмотных. Бюджетные ассигнования увеличились с 206 тыс. рублей в 1935 году до 475 тыс. рублей в 1936 году, на эти средства были развёрнуты 340 школ ликбеза и 10 школ повышенного типа. За счет колхозов и совхозов были открыты 630 школ. 5 040 неграмотных и малограмотных людей были охвачены индивидуально-групповым обучением, бесплатными учителями-общественниками [Материалы 1936: 99].

Таким образом, постепенно процесс ликвидации неграмотности стал приобретать более систематический и последовательный характер. Несмотря на огромные трудности, партийные организации области сумели выработать формы и методы работы по ликвидации неграмотности населения. В 1939 году грамотные люди в Калмыцкой АССР в возрасте от 9 лет и старше составляли 70,8 %, что в сравнении с 1926 г. (26,3 %) являлось принципиальным достижением [Всесоюзная 1992: 83–85].

Источники:

Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IX: РСФСР: Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М.: ЦСУ СССР, 1929. 228 с.

Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / Под ред. Ю.А. Полякова. М.: Наука, 1992. 254 с.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Культурное строительство в РСФСР. Сб. док. 1917–1920 гг. Т. 1. Ч. 1. М.: Советская Россия, 1983. 464 с.

Материалы к докладу А.П. Пюрбеева «О советском, хозяйственном и культурном строительстве Калмыцкой АССР». Элиста, 1936.

Национально-государственное строительство в Калмыцкой АССР (июль 1920 – июнь 1937 гг.). Сб. док. и материалов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. 366 с.

Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК).

Отчет Президиума Облисполкома калмыцкого трудового народа о своей деятельности за время с 1.11.28 по 1.01.30 гг. Элиста, 1930.

Сборник инструкций и директив по Всеобучу и ликбезу в Калмыцкой области на 1930–1931 гг. Элиста, 1931.

Литература:

В помощь просвещенцу Калмыкии. Сб. статей. № 1. Элиста, 1929. 91 с.

Десять лет Калмыцкой автономной области (1920–1930 гг.). Астрахань: Калмиздат, 1931. 135 с.

Куманев В.А. Культурный прогресс ранее отсталых народов СССР (развитие массового просвещения в 20-е годы) // Советская культура: история и современность. М., 1983. С. 309–322.

Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.

Очерки истории Калмыцкой АССР. Т. 2. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 432 с.

Очерки истории Калмыцкой организации КПСС. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 451 с.

Сартикова Е.В. Кампании по ликвидации неграмотности калмыцкого народа и их результаты // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 4. С. 71–76.

Сартикова Е.В. Роль народного образования в создании условий преодоления культурной отсталости калмыцкого народа (с начала XX в. до Второй мировой войны): автореф. дис. ... канд.ист.наук. М.: Институт российской истории, 1995. 25 с.

УДК 94(47).084

НАРОДНЫЕ ИЗБРАНИКИ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ: КАДРОВЫЙ СОСТАВ УЛАН-ХОЛЬСКОГО, ТРОИЦКОГО И ЗАПАДНОГО УЛУСНОГО СОВЕТОВ. 1939–1943 гг.

Согданова З.Г.¹, Оконов Б.А.²

¹ младший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста).

E-mail: garyaevaz@mail.ru

² младший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста).

E-mail: vostok80@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию кадрового состава улусных Советов депутатов трудящихся Калмыкии в годы Второй мировой войны. Депутаты улусных Советов трудящихся были самым многочисленным корпусом управленцев в республике, и от их работы зависели результаты решения важнейших задач в условиях войны. Данные фонда Р-131 Национального архива Республики Калмыкия позволяют представить показатели, характеризующие кадры (образование, возраст, партийность, социальное положение) и выявить некоторые тенденции, связанные с качественной характеристикой управленческих кадров.

Ключевые слова: Калмыцкая АССР, улус, Совет депутатов, Великая Отечественная война, государственные органы власти.

Согласно Конституции 1936 г. постоянно действующими органами местной власти и управления стали Советы депутатов трудящихся, являющиеся политической основой общества. На территории Калмыцкой АССР (далее – КАССР) с 1938 г. было 13 улусов. Улусные Советы избирались на два года на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Последние предвоенные выборы в улусные Советы депутатов трудящихся прошли в декабре 1939 г. В них приняли участие 6 672 избирателя, из 6 675 или 99,96 % от всего количества граждан, имеющих право голоса. С началом Великой Отечественной войны местные Советы, как и вся республика, приняли активное участие в борьбе с врагом. Как справедливо указывает И.В. Лиджиева: «Всенародный характер Великой

Отечественной войны предопределил важную роль Советов депутатов трудящихся как выборных органов местного самоуправления в перестройке всех сфер жизнедеятельности общества на военный лад. Советам пришлось действовать в самых разнообразных условиях – во фронтовой полосе, прифронтовой зоне, в тылу, что повлияло на изменение организационно-правовых форм их деятельности» [Лиджиева 2014: 184].

Депутаты улусных Советов трудящихся были самым многочисленным корпусом управленцев в республике, и от их работы зависели результаты решения важнейших задач в условиях войны. В тяжелой обстановке изменились не только содержание, формы и методы работы местных советов республики, но произошли и существенные изменения в их структуре. В первые месяцы войны Президиум Верховного Совета КАССР образовал при Элистинском городском Совете, при улусных, поселковых и сельских Советах оборонные постоянные комиссии, а в Совнаркоме КАССР был создан отдел мобилизации. В апреле 1943 г. при Совнаркоме и улусных исполкомах были образованы отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих [Максимов 2000: 154–155].

Депутаты улусных Советов, как и их сограждане, уходили на фронт или в партизаны, погибали. Так, из 25 депутатов Кетченеровского исполкома улусного совета выбыло 22, из 134 депутатов сельских советов – 97, из 24 депутатов Черноземельского исполкома улусного совета выбыло 18 человек. В результате Президиум Верховного Совета КАССР 17 июня 1942 г. постановил, что «заседания сессии улусных и сельских советов депутатов трудящихся являются законными, если на них присутствуют не менее половины наличного состава депутатов» [цит. по: Лиджиева 2014: 187].

Условия военного времени значительно затрудняли возможность своевременного созыва сессий даже в тех улусах, которые не подверглись временной оккупацией (с августа 1942 г. по январь 1943 г.) части территории республики. Например, на заседании Президиума Верховного Совета КАССР 3 сентября 1943 г. в ходе рассмотрения вопроса «О выполнении Постановления Президиума Верховного Совета КАССР от 6 мая 1943 г. «О положении организационно-массовой работы Советов, исполкомов Улан-Хольского улусного совета депутатов трудящихся» было отмечено, что «начиная с исполкома улусного совета депутатов трудящихся и кончая сельскими советами, грубо нарушается ст. 57 Конституции Калмыцкой АССР, не регулярно проводятся сессии. Исполком Улан-Хольского улусного Совета за 8 месяцев работы 1943 г. провел только одну сессию при наличии 12 депутатов, сельские советы, как например, Джильгитинский при наличии 9 депутатов, Хапчинский при наличии 17 депутатов и др. провели за 8 месяцев только по одной сессии. Депутаты и актив улусного и сельского советов не привлекаются

к работе Советов и не выступают с политическим докладами перед сельским населением, а депутаты не отчитываются перед своими избирателями» [цит. по: Лиджиева 2014: 185].

В декабре 1941 г. истек двухгодичный конституционный срок полномочий местных Советов депутатов трудящихся. Новые выборы были невозможны, поэтому пришлось неоднократно ставить вопрос о продлении сроков их деятельности. В результате улусные Советы депутатов трудящихся проработали до декабря 1943 г.

Данные фонда Р-131 Национального архива РК позволяют представить показатели, характеризующие депутатов местных Советов трудящихся (образование, возраст, партийность, социальное положение) и выявить некоторые тенденции, связанные с качественной характеристикой управленческих кадров. Для анализа нами были отобраны Советы трех улусов, которые представляются нам достаточно репрезентативными: Западный, Троицкий и Улан-Хольский (из западной, центральной и восточной части республики). В Западном улусе преобладали земледельческие хозяйства, в Троицком, примыкающем к Элисте – скотоводческие, в приморском Улан-Хольском улусе – рыболовецкие хозяйства, а также крупный скотоводческий совхоз № 109 «Улан-туг» [НАРК. Ф. Р-131. Оп. 1] .

Улан-Хольский улус

Заседание Первой сессии Улан-Хольского улусного Совета депутатов трудящихся Калмыцкой АССР состоялось в 18 час. 27 декабря 1939 года в здании партийного кабинета. В ней приняли участие 24 депутата из 25. Сессию открыл старейший депутат, председатель колхоза имени «Кирова» – Эрдни-Гаря Джогорович Чумудов. Им было предложено избрать постоянного председателя и секретаря сессии. Председателем единогласно был утвержден Манджи Агурович Мамышев, секретарем – Лиджи-Гаря Гаряевич Шоблуков.

Председателем сессии в повестку дня были предложены следующие вопросы:

- 1) Выборы председателя и секретаря сессии улусного Совета.
- 2) Выборы мандатной комиссии.
- 3) Выборы в улусный исполнительный комитет.
- 4) Образование отделов улусного исполнительного комитета и утверждение заведующих отделов.
- 5) Образование постоянных комиссий при исполкоме, утверждение состава комиссий.

По 25 избирательным округам по выборам в улусный Совет депутатов трудящихся Улан-Хольского улуса Калмыцкой АССР было избрано 25 депутатов, из них 23 калмыка и 2 русских.

Западный улус

Заседание Первой сессии Западного улусного Совета депутатов трудящихся Калмыцкой АССР состоялось 27–28 декабря 1939 года в поселке Башанта. В числе 25 депутатов лучшие производственники, стахановцы – участники Всесоюзной сельскохозяйственной ярмарки, А.Б. Тимашев, Б.Э. Эренценов, Б.С. Азотов, А.С. Буханцов. Также вошли лучшие представители интеллигенции, среди которых орденосцы Е.А. Михайлова, М.А. Авганова, П.Т. Хаптогинов. По национальному составу: 16 калмыков, 6 русских, 3 немца.

Троицкий улус

Заседание Первой сессии Троицкого улусного Совета депутатов трудящихся состоялось 27–28 декабря 1939 года в селе Троицкое. Из 25 избранных депутатов, на сессию явились 22, из них мужчин – 17, женщин – 5. По национальному составу: 15 калмыков, 7 русских.

Депутатам улусных Советов приходилось работать сложных условиях военной обстановки, при постоянном уменьшении состава депутатов: кто-то ушел на фронт или в партизаны, кто-то эвакуировался, кто-то умер во время оккупации. Так, численность депутатов Улан-Хольского улусного Совета снизилась с 24 человек в 1939 году до 4 человек в 1943 году (Рис. 1), в Троицком улусном Совете – с 25 человек в 1939 году до 4 человек в 1943 году (Рис.2).

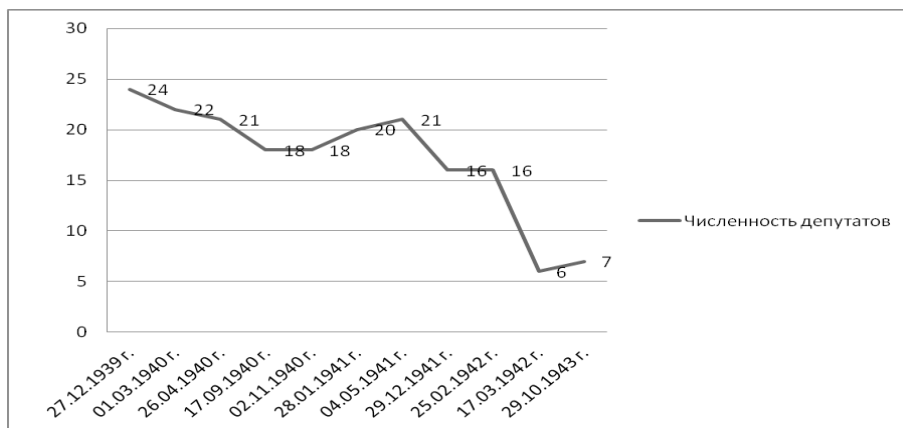

Рис. 1. Численность депутатов Улан-Хольского улусного Совета депутатов трудящихся в период с 27 декабря 1939 года по 29 октября 1943 года.

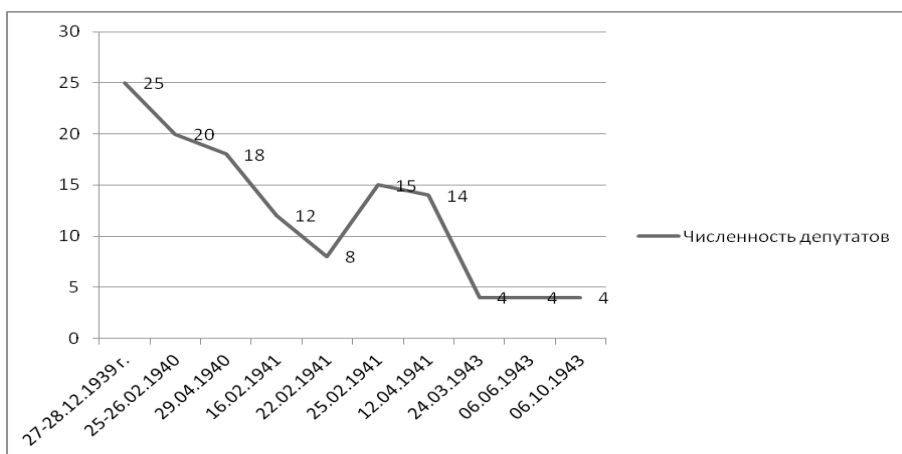

Рис. 2. Численность депутатов Троицкого улусного Совета депутатов трудящихся в период с 27 декабря 1939 года по 6 октября 1943 года.

Важным фактором, влияющим на эффективность работы улусных Советов, являлся профессиональный уровень работников. В значительной степени он зависел от их образования и возраста. Статистические данные фонда Р-131 НАРК рисуют достаточно показательную картину (рис. 3, 4).

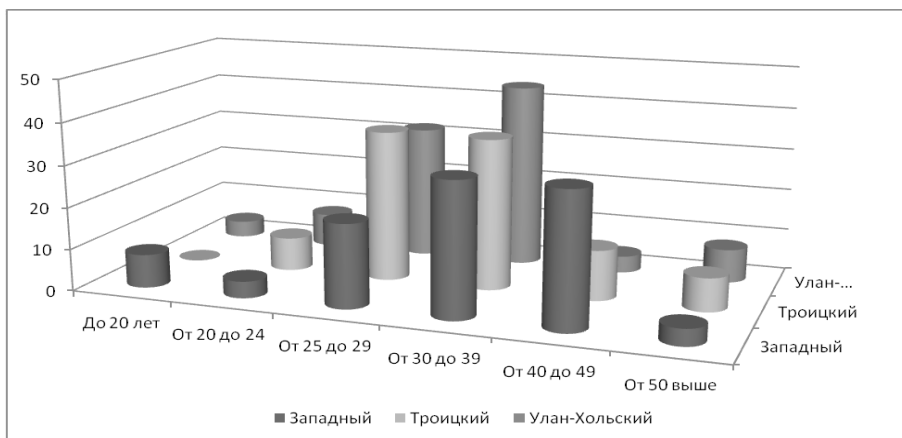

Рис. 3. Численность депутатов Западного, Троицкого и Улан-Хольского улусов по возрастным группам (в %)

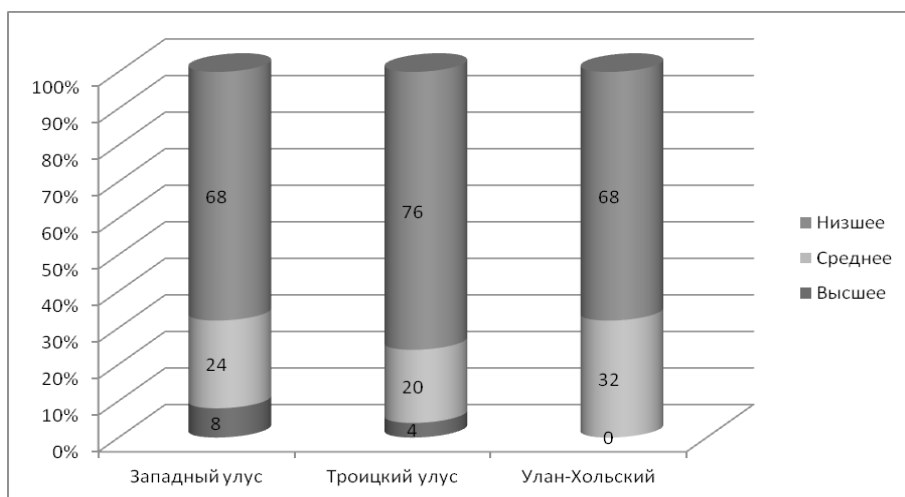

Рис. 4. Численность депутатов Западного, Троицкого и Улан-Хольского уездов по образованию.

Приведенные данные свидетельствуют, что образовательный уровень работников советских органов был невысоким: большинство членов улусных Советов трудящихся работников имели низшее образование. Ситуация компенсировалась тем, что в депутаты избирались в своей массе граждане среднего возраста (от 25 до 50 лет), с достаточным жизненным опытом.

Социальный состав членов улусных Советов показывает, что основную массу среди них составляли служащие (от 60,0% в Западном уезде и до 76,0% в Троицком уезде) и колхозники (рабочие) (Рис.5.).

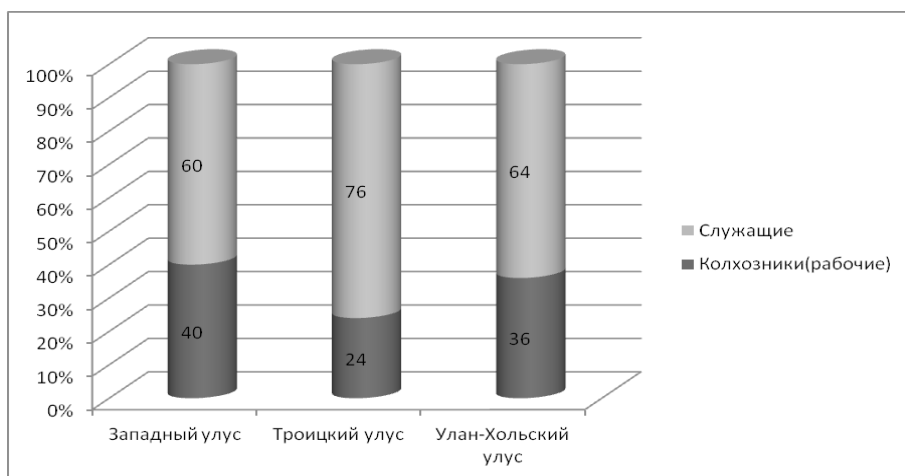

Рис.5. Численность депутатов Западного, Троицкого и Улан-Хольского уездов по социальному положению.

Архивные данные показывают, что в составе Советов большинство депутатов состояло в партии или были кандидатами в члены ВКП(б).

Представляется, что служащие – депутаты улусных Советов практически все состояли в партии, а среди колхозников (рабочих) значительную часть составляли беспартийные (Рис.6.).

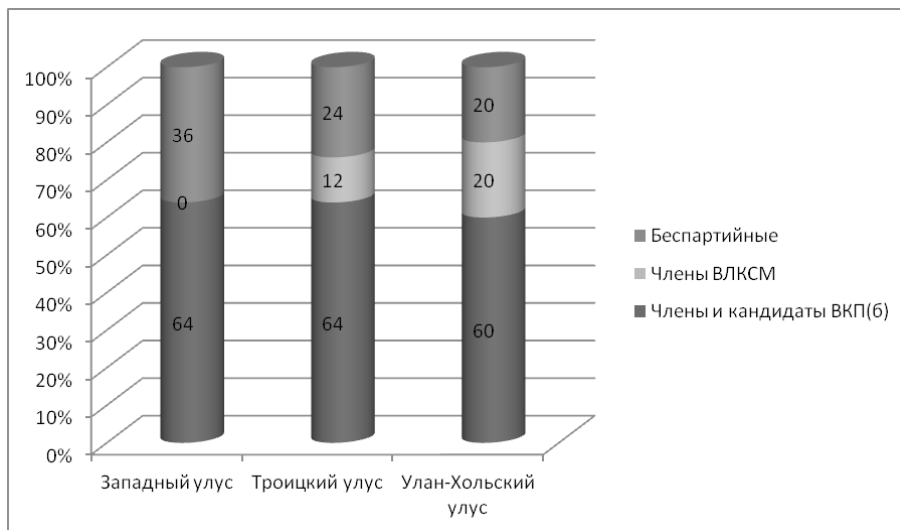

Рис.6. Численность депутатов Западного, Троицкого и Улан-Хольского улусов по партийности.

Неудивительно, что в сложившихся условиях «широкий спектр направлений, относящихся к компетенции Советов, при дефиците кадров, а также необходимости оперативного решения стоящих перед Советами задач приводил к тому, что вопросы, требовавшие коллегиального рассмотрения на сессиях, зачастую решались исполкомами и отделами, а многие функции исполкомов выполнялись единолично их руководителями» [Лиджиева 2014: 186].

Таким образом, в условиях военной обстановки, несмотря на значительное уменьшение состава депутатов, депутатам улусных Советов удавалось провести необходимую мобилизационную и организационную работу, хотя они не были готовы в достаточной степени выполнить возложенные на них функции, решать поставленные перед ними задачи в силу низкого образовательного уровня, но это компенсировалось их возрастом, достаточным жизненным опытом.

Источники:

Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература:

Лиджиева И.В. Местные Советы Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны // Боевые действия на территории Калмыкии в период Великой Отечественной войны: неизвестные страницы и новые подходы. Сборник научных статей. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С.181–195.

Максимов К.Н. История национальной государственности Калмыкии (нач. XVII–XX вв.). М.: Профиздат, 2000. 312 с.

ОТХОД ЧАСТЕЙ 110-Й ОККД ПОСЛЕ БОЕВ НА ДОНУ В ИЮЛЕ 1942 г.

Заярный С.А.¹, Очиров У. Б.²

¹ независимый исследователь (г. Москва)

E-mail: zajarnyj@mail.ru

² доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста).

E-mail: ochirovub@kigiran.com

Аннотация. Статья посвящена анализу и разоблачению мифа о том, что в боях с превосходящими силами противника 110-я отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия якобы «проявила неустойчивость и разбежалась». Доказывается, что национальное соединение в течение нескольких дней упорно сражалось с превосходящими силами противника (моторизованными дивизиями «Великая Германия» и 16-й с артиллерийскими и саперными частями усиления 1-й танковой армии), а затем по приказу командования отошла. В ходе отступления, из-за взаимоисключающих приказов фронтового командования в быстроменяющейся обстановке от 110-й дивизии отделились несколько групп, которые вошли в состав других соединений. Сама дивизия после выхода к Моздоку продолжила вести боевые действия. Приводятся расчеты количества потерь и отсоединившихся групп, которые показывают, что численность одиночных бойцов, оставших от своего соединения и принявших решение вернуться домой, ничтожна мала.

Ключевые слова: Красная армия, кавалерия, национальные части, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., 110-я отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. являлась и является поныне одной из наиболее активно изучаемых тем в советской и российской историографии. Тем не менее, в ее истории сложилось огромное количество разного рода мифов, искажающих или неправильно отражающих истинный ход событий. Одним из таких мифов, с которым авторы статьи и их коллеги борются много лет, является утверждение о том, что 110-я отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия (далее – ОККД) «проявила неустойчивость», «ушла в банды», а то и вовсе «ушла к немцам».

Данный миф зародился почти сразу после отхода 110-й ОККД с Дона. Источник его происхождения указан в письмах первого секретаря Калмыцкого обкома П.В. Лаврентьева и председателя Совнаркома Калмыц-

кой АССР Н.Л. Гаряева, которые с возмущением писали об этом заместителю наркома обороны Е.А. Щаденко и другим руководящим лицам наркомата обороны: «Между тем с 110 К.Д. в сентябре–октябре месяцах распространились различные провокационные разговоры, якобы дивизия разбрелась и занимается бандитизмом. Например, штаб 51-й армии официально сообщил Военному совету Северной группы Закавказья о том, что будто бы полковник Хомутников с личным составом около 2000 человек ушел в неизвестное направление в банду. Чем руководствуется штаб 51-й армии нам неизвестно» [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 86. Л. 132].

Среди бумаг Нальджи Гаряева, хранящихся в НАРК, есть и черновые варианты этого письма, который автор неоднократно и кардинально переделывал, вычеркивая или дописывая своей рукой целые абзацы или даже страницы. В одном из них после слов «нам неизвестно» было дописано: «Видимо штаб этой армии сообщил об этом Наркомату обороны, так как 9.10.1942 года из Наркомата обороны по телефону просили у командующего 28 армии генерал-лейтенанта Герасименко по тому же вопросу» [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 86. Л. 139]. Таким образом, по мнению П.В. Лаврентьева и Н.Л. Гаряева источником этого мифа стал штаб 51-й армии, в состав которой 110-я ОККД входила с 12 июня по 23 июля 1942 г. Основой слухов стали немецкие листовки, обильно сбрасываемые на потерявшие управление войска бывшего Юго-Западного, Южного и Северо-Кавказского фронтов, бегущие к Сталинграду и предгорьям Кавказа.

В черновиках писем П.В. Лаврентьева и Н.Л. Гаряева подчеркивается, что после распространения слухов о «разбежавшейся» 110-й кавдивизии, отношение военного командования к калмыкам заметно ухудшилось, появилось недоверие к ним, проявляемое по национальному признаку. А при выселении населения из 25-километровой прифронтовой полосы 28-й армии, несмотря на предварительные договоренности от 15 октября о начале операции только после обмолота и вывоза убранного хлеба и вывозе всего населения к 10 ноября, в Юстинском улусе выселение произошло 20 октября 1942 г., причем вывезли только калмыков, оставив представителей других национальностей на месте [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 86. Л. 120, 129].

В.Б. Убушаев в одной из работ о депортации калмыков, ссылаясь на слова В.М. Молотова, сказанные ему в личной беседе в 1974 г., указал в качестве источников мифа о «разбежавшейся» 110-й ОККД «донесения командования 37-ой и 51-ой армий» [Убушаев 2007: 152]. Мало того, по мнению В.Б. Убушаева, именно заявление на заседании Государственного комитета обороны (далее – ГКО) Г.К. Жукова о том, что 110-я кавдивизия «разбежалась», со ссылкой на донесения вышеуказанных объединений, имело ключевое значение при принятии решения о высылке всего калмыцкого народа на спецпоселение [Убушаев 2007: 152–153].

В другой работе В.Б. Убушаев привел фрагмент воспоминаний управляющего делами Совнаркома Калмыцкой АССР С.-Г.М. Манджиева. Накануне депортации (начавшейся в ночь с 27 на 28 декабря), вечером 27 декабря 1943 г. в кабинете первого секретаря Калмыцкого обкома был собран «руководящий партийно-советский состав республики», на котором генерал И.А. Серов сообщил о высылке всего калмыцкого народа. Заместитель председателя Совнаркома Калмыцкого АССР Д. Гахаев задал вопрос о причинах депортации калмыцкого народа «в целом». Комиссар госбезопасности 2-го ранга и зам. наркома НКВД СССР очевидно знал, что количество бандитов и «бандпроявлений» в Калмыкии было в десятки раз меньше, чем в других регионах, поэтому повторять слова Указа о бандитизме и прочих «грехах», переписанного под копирку из другого аналогичного акта, он постеснялся и дал ответ, исходя из собственной информированности (с этого места фрагмент процитирую полностью. – У.О.). «На этот вопрос, помню, Серов сказал: «Ваша дивизия целиком разбежалась и ушла к немцам». Затем, некоторое время помолчав, вдруг сказал, махнув рукой: «И этот ваш Городовиков». Совершенно было непонятно, что он имел под этим ввиду» [цит. по: Убушаев 1991: 18–19].

Таким образом, вопрос чисто военного характера о то ли «разбежавшейся», то ли уже «ушедшей к немцам» дивизии приобрел уже важнейшее политическое значение. В июле 1944 г. начальник отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР комиссар госбезопасности 2-го ранга А.М. Леонтьев подал многостраничную справку о борьбе с бандитизмом за три года войны. Фрагмент, посвященный Калмыкии, он также начал со 110-й ОККД. «Находившаяся на фронте в районе Ростова-на-Дону 110 калмыцкая национальная кавалерийская дивизия проявила неустойчивость. В частях дивизии началось массовое дезертирство. Дезертиры группами, в некоторых случаях со своими командирами, возвращались домой и среди населения распускали всевозможные пораженческие слухи. С приближением фронта к Калмыкии... из дезертиров 110-й дивизии они создали крупные банды, которые своими действиями сорвали эвакуацию скота из Калмыкии... немецкое командование сформировало из бандитско-дезертирского элемента калмыцкий кавалерийский легион, состоящий из 14 эскадронов» [НКВД–МВД 2008: 525]. Из этого следует, что 110-я ОККД не просто разбежалась, а еще и послужила основой для коллаборационистского формирования.

Исходя из вышеизложенного, миф о «разбежавшейся» 110-й ОККД – это уже не просто частный военный эпизод, а важнейшее событие, имевшее далеко идущие последствия для всего калмыцкого народа и для советской национальной политики в целом. Поэтому разберем процесс отступления 110-й ОККД после боев на Дону подробно.

В начале несколько слов о самой дивизии. 110-я ОККД – это национальное кавалерийское соединение, созданное по Постановлению ГКО № 894сс от 13 ноября 1941 г. в числе 20 кавалерийских дивизий и 15 стрелковых бригад в ряде союзных и автономных республик Средней Азии, Северного Кавказа, Нижнего Поволжья и Приуралья.

К национальным соединениям у командования Красной армии к тому времени уже сложилось достаточно скептическое отношение. Значительная часть призывников, особенно из числа ранее не служивших, плохо владела или не владела вовсе русским языком, команды командиров и лекции политруков понимала плохо. Еще большие проблемы возникали, когда в соединении оказывались большие группы представителей нескольких национальностей, говорящих на неродственных языках. В одном из таких случаев Кавказский фронт был вынужден произвести «частичную взаимную переброску по национальному признаку с охватом до 3 600 человек» [Битва 2016: 229].

При формировании национальных кавдивизий в ноябре 1941 г. этот фактор был учтен. К личному составу этих соединений предъявлялись достаточно жесткие требования: партийно-комсомольская прослойка должна была достигать 25 %, возраст бойцов – не более 40 лет, а в строевых частях – не более 35 лет, «отбор личного состава произвести особо тщательно, дивизии комплектовать исключительно проверенными стойкими и преданными Советской власти гражданами» [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1018. Л. 21]. Пунктом 2 Постановления ГКО № 894сс предписывалось: «Начальствующим составом обеспечить по возможности также из местных национальностей, недостающих пополнить русскими» [Постановление]. Это позволяло преодолеть языковой барьер между командным и рядовым составом, что создавало условия для более эффективного управления национальными частями и соединениями. Для национальных соединений офицеров-калмыков искали по всем фронтам: полковник В.А. Хомутников, подполковник Б.Б. Городовиков (он партизанил в немецком тылу и вовремя найти его не удалось), майоры М.Т. Бимбаев, М.С. Шарапов, капитаны (затем майоры) И.А. Теврюков, Л.Ц. Санджиев, капитан А.К. Темиров, батальонные комиссары С.Н. Гаряев и Н.Л. Иванов, военврач 3-го ранга О.В. Мергасов и др. В результате 110-я ОККД на 2/3 была укомплектована калмыками, большая часть остальных военнослужащих являлась их земляками и понимала калмыцкий язык и обычаи. В марте 1942 г. 110-я ОККД передала в запасную бригаду 1 тыс. своих бойцов из числа наиболее малообученных, а взамен отобрала из расформировываемой 111-й ОККД 1368 лучших воинов. К маю 1942 г. дивизия прошла полный курс обучения, хотя вооружение полностью было получено лишь накануне боев в июле 1942 г.

Таким образом, 110-ю кавдивизию можно классифицировать как укомплектованное и вооруженное по штату соединение, обученное (хотя

и необстрелянное), имевшее отборный личный состав, который хорошо знал своих командиров и доверял им. На 10 июля в ее составе числилось 4 579 человек личного состава и 4 825 лошадей [В годы 2003: 89].

Кавдивизия состояла из следующих частей и подразделений: управление (80 чел., здесь и далее цифры приведены согласно действующим на тот момент штатам); 273, 292, 311-й кавалерийские полки (по 1160 чел. в каждом); 99-й отд. конно-артиллерийский дивизион (497 чел.); 99-й артиллерийский парк (143 чел.); 81-й отд. полуэскадрон связи (53 чел.); 110-й отд. эскадрон химзащиты (64 чел., незадолго до начала боев был обращен на формирование заградэскадрона); 82-й продовольственный транспорт (56 чел.); 94-й медико-санитарный эскадрон (50 чел.); 374-й ветеринарный лазарет (25 чел.); военную прокуратуру (4 чел.а); особый отдел НКВД (16 чел.); взвод особого отдела НКВД (36 чел.); 360-я полевая почтовая станция, с апреля – ППС1925 (5 чел.); 1028-я полевая касса Госбанка (по штату – 3 чел.а).

В июле 1942 г. 110-я ОККД занимала оборону на участке шириной 58 км по берегу Дона от устья реки Сал до устья реки Маныч и защищала переправы в станицах Раздорской, Мелиховской и Багаевской. Такая ширина превышала уставные плотности обороны в несколько раз даже для стрелковых дивизий. Командование и 51-й, и 37-й армии понимало, что кавдивизия не предназначена для обороны на таком протяженном участке, и неоднократно пыталось заменить ее на стрелковые дивизии, отступавшие с северного берега Дона. Однако их состояние было таково (в трех дивизиях людей было почти вдвое меньше, чем в 110-й кд, и они совсем не имели артиллерии), что смена каждый раз откладывалась [Заярный 2016]. В результате кавалеристам пришлось занять очаговую оборону с большими промежутками между ними. На стороне советских войск было лишь широкое течение Дона, но для немецких дивизий с их мощным понтонно-мостовым парком это не было значительным препятствием.

Начиная с 16 июля люфтваффе подвергла сильным бомбардировкам позиции 110-й ОККД, особенно в районе Багаевской, где оборонялся 292-й кавполк. 18 июля разведотряд Калмыцкой дивизии принял свой первый бой, а с 21 июля бои закипели по всему фронту соединения. Противник 110-й ОККД достался крайне серьезный – моторизованная дивизия «Гроссдейчланд» («Великая Германия») – элитное и старейшее соединение вермахта, созданное на базе потсдамской гвардии и многократно отличившееся в ходе Второй мировой войны. Эта дивизия имела великолепный личный состав, отобранный из лучших солдат со всего рейха, хорошо обученный и имеющий богатейший боевой опыт, и сильное вооружение, включая танковый батальон и батальон штурмовых орудий. На завершающей стадии сражения «Гроссдейчланда» и 110-й ОККД немцы были усилены 16-й моторизованной дивизией (будущей «Виндхунд»).

После неудач в районе Багаевской и Мелиховской «Великая Германия» сконцентрировала свои усилия в районе Раздорской, где смогла захватить плацдарм и несколько дней расширяла его. 25 июля противник, который сумел переправить бронетехнику на южный берег Дона под прикрытием сильного артиллерийско-минометного огня, авиации и дымов, начал обходить позиции 110-й ОККД с правого фланга и сконцентрировал в ее тылу крупную группу танков. Эскадроны дивизии, сдерживающие наступление немцев в пойме реки Дон и разбросанные на огромном пространстве, получили приказ командования дивизии начать отход за Маныч. Так как движение немецкой бронетехники было возможно только по дорогам, одна из которых уже была захвачена немцами в тылу дивизии и оборонялась другими дивизиями 37-й армии, а другая проходила в полосе обороны дивизии через хутора Карповка, Ажинов, Кудинов, решено было максимально его задержать. Прикрытие отхода было поручено 292-му кавполку (без одного эскадрона), оборонявшему хутор Карповка, а конно-артиллерийский дивизион и специальные подразделения дивизии удерживали хутор Ажинов. Для руководства боем в Карповке в расположение 292-го кавполка прибыл зам. командира дивизии В.А. Хомутников, расстановку сил обороны хутора Ажинов осуществлял начальник штаба дивизии А.А. Раабь, общее руководство боем принял на себя комиссар дивизии С.Ф. Заярный. В ходе тяжелейшего боя 26 июля, продолжавшегося с раннего утра и до 17.00 у хуторов Ажинов и Карповка, ценой огромных потерь удалось задержать танковую группировку фашистов до выхода основных сил 110-й ОККД за Маныч [Заярный, рукопись].

Каковы же были потери 110-й ОККД во время боев на Дону 15–26 июля 1942 г., в ходе которых ряд подразделений были почти полностью уничтожены, как например, пулеметный эскадрон 292-го кавполка, прикрывавший его отход из Карповки. По оценке В.А. Хомутникова, выведшего основную часть соединения на Кавказ, дивизия в этих боях потеряла 600 чел. – убитыми, 700 – ранеными, около 200 – пропавшими без вести [ЦАМО. Ф. 110 кд. Оп. 13380. Д. 55. Л. 122]. Иногда встречается вариант, где вместо 200 пропавших без вести указаны около 100 – пленными, 100 – утонувшими при переправе (т.е. всего потери составили 1,5 тыс. чел.). Зам. начальника политотдела 110-й ОККД Н.Л. Иванов оценил потери дивизии до отхода передовых подразделений на левый берег к исходу 22 июля так: «свыше 400 и получили ранения около 600 бойцов и командиров частей нашей дивизии», а в период с 23 по 26 июля «Наши потери составили убитыми до 600 человек, ранеными около 800 и пленными до 100 человек» [НА КалмНИЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 94. Л. 8–10]. То есть общие потери должны были составить более 1000 чел. – убитыми, 1400 – ранеными, 100 – пленными (т.е. всего 2,5 тыс. чел.). Судя по справке «Об укомплектованности боевых частей Донской оператив-

ной группы СКФ на 1 августа 1942 года», согласно которой 110-я ОККД имела 2 979 бойцов и командиров, сохранившими 2 061 винтовок, 9 полковых и дивизионных 76-мм пушек и 5 противотанковых 45-мм пушек [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 9. Л. 739–740], ближе к действительности была оценка Хомутникова.

Бои на Дону были, действительно, очень тяжелыми и упорными, что подтверждают и немецкие источники. Например, в журнале боевых действий дивизии «Великая Германия» в сводке за период с 23 июля по 1 августа 1942 г. при оценке противника написано следующее: «В обороне установлены, в основном, подразделения 110 кд. В борьбе с пехотной дивизией «Великая Германия» по меньшей мере в течение 60 часов она показала внушительную боевую мощь, о чем свидетельствуют до 1180 пленных, большие кровавые потери. Только в Ажинове было насчитано 200 вражеских трупов... Черкесы и калмыки сражались азартно и часто очень жестко. Они считают, что Германия хочет подчинить себе и лишить их народ самостоятельности. От немецкой пропаганды они все еще полностью независимы» [NARA, T315, roll 2282, 169, 172–173]. Недоумение вызывают утверждения о 1180 пленных, которые совершенно не вписываются ни в какие расчеты. Мало того, в документах 1-й танковой армии сообщается, что 26 июля в бою за Ажинов, Кудинов и Карповку было взято в плен до 100 бойцов [NARA, T313, roll 29, 524], что вполне коррелируется с оценками наших офицеров.

Разгадка цифры «1180 пленных» кроется, по всей видимости, в двух факторах. Во-первых, слово «калмыки» в сводке «Великой Германии» с 23 июля по 1 августа многократно употребляется со словом «черкесь». Однако никаких черкесов в 110-й ОККД не было. Их было много в составе 115-й Кабардино-Балкарской кавдивизии, находившейся от Раздорской в десятках километров на восток и разгромленной 29 июля в боях у Батлаевской и Большой Мартыновки в результате неожиданного наступления 3 и 23-й танковых дивизий. Мало того, наиболее многочисленной группой пленных (1365 чел.) в сводке «Великой Германии» указаны воины 156-й стрелковой дивизии, которые до конца июля находились за пределами полосы наступления «великогерманцев». Очевидно, что они, при отходе отрезанные от переправ через Маныч, попали в плен, когда немцы занимались зачисткой тылов донской поймы между Салом и Манычем. Точно так же в плен к «Великой Германии» могли попасть и воины 115-й Кабардино-Балкарской кавдивизии, которые в сводке оказались учтены за 110-й ОККД.

Во-вторых, огромное количество раненых, особенно в Карповско-Ажиновском бою, вывезти было невозможно. Скорее всего, часть раненых 110-й ОККД, уже исключенных из списков соединения как «санитарные потери», попала в плен в период до 1 августа.

При отступлении 110-й ОККД, осуществленном в экстремальных условиях, сложилась неразбериха, в дивизию поступали противоречивые приказы. В результате этого 292-й кавполк (без 4-го эскадрона) под командованием С.И. Ориночко и 3 и 4-й эскадроны 311-го кавполка под командованием А.К. Темирова имели приказ отходить к Майкопу и не получили нового приказа об отходе на восток. Выполняя приказ, 3 августа группа Темирова (250–300 чел.) и 5 августа полк Ориночко (300 чел.) прибыли в Майкоп, где участвовали в его защите, и позже были включены в состав 5-го Донского и 4-го Кубанского гв. казачьих корпусов соответственно [В боях 1969: 92–93].

Кроме того, на завершающей стадии сражения из описания боев вдруг исчезло управление 311-го кавполка под командованием капитана М.П. Василенко и его 1-й эскадрон. Загадку его исчезновения удалось разгадать недавно, когда авторы прочитали письма бывшего начальника разведывательного отдела отдельного кавкорпуса А.И. Надточия (до этого являвшегося начальником штаба 292-го кавполка и пом. начальника оперативного отделения штаба 110-й ОККД). В них Надточий рассказывает, что в боях в Большой Мартыновке, где был разгромлен кавкорпус Б.А. Погребова, принимал участие и 311-й кавполк М.П. Василенко [НА КалмНЦ РАН. Письма Надточия]. Очевидно, что управление 311-го кавполка вместе с 1-м эскадронами, находившиеся на правом фланге, были отрезаны 25 июля немецкими танками и отступили на соединение с кавкорпусом, в состав которого ранее входила 110-я ОККД.

Основное ядро 110-й ОККД после новых боев на Маныче отходило в арьергарде 37-й армии на восток, а затем в районе Башанты повернуло на юг, к Ворошиловску (Ставрополю) и Моздоку [В годы 2003: 131–135]. В конце июля, выехав на доклад с небольшой группой офицеров в штаб 37-й армии, начдив В.П. Панин отстал от дивизии и вернулся в нее с группой бойцов, собранных при отходе, уже на Кавказе. Кроме того, от 110-й ОККД по разного рода обстоятельствам отделились усиленный эскадрон 292-го кавполка младшего лейтенанта Б.Ц. Арбакова (оставленный в прикрытии на Маныче, понесший потери, а затем через территорию Калмыкии вышедший в распоряжение сил только что сформированной 28-й армии), группа батальонного комиссара И.И. Белкина (состоящая из части штаба, артпарка, продтранспорта, военной прокуратуры, военного трибунала, особого отдела, подразделений 311-го кавполка, через прикумские степи вышла в район Кучергановки, где также была подчинена 28-й армии), группа старшего политрука Д.И. Евграшева (оставленное в прикрытии у Ворошиловска после выполнения задания вошла в состав другого соединения). Во время отхода основное ядро 110-й ОККД, которое возглавил В.А. Хомутников, было усилено примерно тремя сотнями бойцов из 15-го запасного кавполка, среди которых числилось большое количество бывших воинов 111-й ОККД.

По данным на 8 сентября 1942 г. в составе основного ядра 110-й ОККД, которое после выхода на Кавказ провело ряд боев, в том числе на территории Калмыкии с 16-й моторизованной дивизией, и понесло определенные потери, числилось 1254 чел. [ЦАМО. Ф. 110 кд. Оп. 1. Д. 1. Л. 16]. В составе других групп, отделившихся от соединения, находились: в группе Белкина – около 500 чел., в эскадроне Арбакова – 60 чел. [ЦАМО. Ф. 110 кд. Оп. 1. Д. 2. Л. 9], в полку Ориночко – 300 чел., в группе Темирова – 250–300 чел., в группе Евграшева – 300 чел. Остается неизвестной численность эскадрона 311-го полка, погибшего у Большой Мартыновки, но вряд ли она превышала 150 чел. Есть свидетельства об участии небольших групп и отдельных бойцов дивизии в обороне Элисты, в составе 51 и 28-й армий Юго-Восточного фронта. В состав 110-й ОККД вернулась только группа Белкина.

В общей сложности численность основного ядра и отдельных групп с учетом потерь после боев на Дону и пополнения из 15-го запасного кавполка составляет примерно 2,8–2,9 тыс. чел. Количество одиночных бойцов, которые гипотетически могли вернуться домой и имели теоретическую возможность для создания пресловутых банд и эскадронов для фашистского легиона, составляет по максимальной оценке одну–две сотни человек. Конечно, одиночные бойцы, «безлошадные» и отставшие от части, решившие после этого вернуться домой, были.

Например, вот судьба одного из них (его фамилию родственники просили не называть). Когда он вернулся домой, то оказалось, что родное село оккупировано немцами. «Окруженец» пережил дома четыре месяца оккупации, а после освобождения села явился в военкомат, но был арестован как дезертир. В ходе отправки в Астрахань сумел выпрыгнуть из грузовика и сбежал. «В камышах» собрал банду дезертиров. Работники НКВД уговорили их сдать в обмен на прощение при условии отсутствия тяжких преступлений, на что те без особых раздумий согласились. Всех «легализованных» вернули домой. В октябре 1943 г., во время очередного призыва бывший «окруженец» снова явился в военкомат, но не был принят по «политико-моральным соображениям». В декабре 1943 г. во время высылки калмыков он был арестован повторно и приговорен к расстрелу. Как видно, он не служил немцам и всеми силами пытался вернуться в Красную армию, но обстоятельства сложились против него. Были и другие примеры. Например, Б.М. Мангаев вернулся в родное село, не подвергшееся оккупации, после отдыха явился в военкомат и получил назначение в 3-й гв. кавкорпус, с которым провоевал до Дня Победы и был награжден орденом Славы 3-й степ. и медалью «За отвагу» [Очиров 2016: 225]. Этот пример отнюдь не единичный.

Таким образом, очевидно, что утверждения о дезертирстве всей 110-й ОККД или большей ее части совершенно не соответствуют действительности и должны быть опровергнуты как лживый исторический миф.

Источники:

National Archives and Records Administration (NARA).

Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК).

Научный архив Калмыцкого научного центра РАН (НА КалмНЦ РАН).

НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике. М.: Объединенная редакция МВД, 2008. 369 с.

Постановление ГКО-894сс от 13 ноября 1941 г. «О формировании национальных войсковых соединений». URL: <http://www.soldat.ru/doc/gko/text/0894.html>.

Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО).

Литература:

Битва за Крым 1941–1944 гг. / А. Исаев, Н. Глухарев, О. Романько, Д. Хазанов. М.: Эксмо, Яуза, 206. 896 с.

В боях за Дон: воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. и науч. ред. М.Л. Кичиков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. 180 с.

В годы суровых испытаний: боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / авт.: А.И. Заднепрук, А.С. Заярный, М.И. Гучинов, Н.У. Илишкин, М.Т. Бимбаев. 3-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 335 с.

Заярный С.А. Новые данные о боевых действиях 110-й ОККД на Дону // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2016. № 2. С. 24–46.

Заярный С.А. Оборона советских войск в нижнем течении Дона летом 1942 года (От «Блау» до «Эдельвейса») (рукопись). URL: <http://don1942.ru/oborona-sovetskikh-vojsk-v-nizhnem-techenii-dona-letom-1942-goda>.

Очиров У.Б. База данных калмыков – кавалеров ордена Славы: опыт составления и статистический анализ // *Русская старина*. 2016. № 3 (19). С. 218-239.

Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение. Элиста: Санан, 1991. 96 с.

Убушаев В.Б., Убушаев К.В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1957 гг. Элиста: КалмГУ, 2007. 496 с.

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Работа выполнена в рамках реализации государственного задания по проведению фундаментальных исследований на 2016 г. № 0260-2014-0006 «Историко-культурное наследие юга России в условиях модернизации».

Кринко Е. Ф.¹

¹ доктор исторических наук, директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук (г. Ростов-н/Дону).

E-mail: krinko@mail.ru

Аннотация. Целью данной статьи является рассмотрение, на основе анализа различных источников, проблемы национально-государственных преобразований в СССР в годы Великой Отечественной войны. В заключении автор приходит к выводу о том, что национально-государственные преобразования в СССР в годы Великой Отечественной войны, как и в предшествующие десятилетия, отражали стремление власти перекраивать карту страны в соответствии с определенными целями и задачами, нередко носившими конъюнктурный характер.

Ключевые слова: национально-государственное устройство, административные преобразования, административные границы, Великая Отечественная война, выселение народов.

Национально-государственные преобразования в СССР во время Великой Отечественной войны относятся к широко разрабатываемым направлениям исследований в современной историографии [см.: Кринко, Хлынина 2009: 182–202 и др.]. Среди огромного массива публикаций по данной теме видное место занимают труды доктора исторических наук, профессора К.Н. Максимова. В первую очередь надо отметить его докторскую диссертацию и ряд монографий, посвященных формированию национальной государственности калмыков [Максимов 1984; 1995; 2000; 2002; 2010 и др.]. Юбилею выдающегося калмыцкого ученого и посвящена данная статья.

В первое пореволюционное десятилетие национально-государственное устройство в СССР представляло собой иерархическую систему, основанную на дифференцированном подходе к различным этническим общностям. Те из них, которых считались наиболее развитыми, наделя-

лись тем или иным политико-правовым статусом: союзной республики, автономной республики или области, национального округа, района или сельсовета. Общие принципы национально-государственного устройства и его структура закреплялись в Конституции СССР и конституциях союзных республик. Однако уже во второй половине 1930-х гг. в национальной политике СССР стал отчетливо проявляться курс на унификацию, отражавший общие тенденции к ужесточению советского режима.

В годы Великой Отечественной войны национально-государственное устройство СССР подверглось значительным преобразованиям. Прежде всего, эти преобразования были связаны с депортациями ряда народов СССР и упразднением их национальных автономий. Первыми по времени с начала войны пострадали немцы, выселение которых носило превентивный характер. 26 августа 1941 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о переселении немцев из АССР Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей, а 7 сентября 1941 г. – Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об административном устройстве территории бывшей Республики Немцев Поволжья». По данному указу в состав Саратовской области были включены 15 кантонов (районов) АССР Немцев Поволжья: Бальцерский, Золотовский, Каменский, Терновский, Кукуцкий, Зельманский, Красноярский, Маркштадтский, Унтервальденский, Федоровский, Гнаденфлюрский, Краснокутский, Лизандергейский, Мариентальский и Экгеймский, а также г. Энгельс и поселок Красный текстильщик; в состав Сталинградской области – 7 кантонов: Франкский, Эрленбахский, Добринский, Палласовский, Гмелинский, Старо-Полтавский, Иловатский [Сборник законов 1956: 41].

После освобождения советских территорий от противника в 1943–1944 гг. ряд народов страны был подвергнут принудительным выселениям в качестве наказаний за «предательство» [Кринко 2013: 17–25]. 12 октября 1943 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о выселении карачаевского народа в Казахскую и Киргизскую ССР и ликвидации Карачаевской АО. Ее территория была разделена на несколько частей. Учкуланский и часть Микояновского района с бывшим центром автономии – городом Микоян-Шахар (в настоящее время – Карачаевск) – отошли к Грузинской ССР. Здесь они составили Клухорский район, Микоян-Шахар был переименован в Клухори. Усть-Джегутинский (с остальной частью Микояновского), Мало-Карачаевский (переименованный в Кисловодский) и Зеленчукский (включая часть Преграденского района со станицей Преградной) районы вошли напрямую в Ставропольский край. Большая часть Преграденского района была передана в Мостовской район Краснодарского края [ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 14. Д. 61. Л. 1].

Однако новые границы создавали чересполосицу, неудобную для руководства. Включенная в состав Зеленчукского района часть бывшего Преграденского района со станицей Преградной могла связываться с

районным центром только через станицу Сторожевую Кировского района Черкесской АО. Поэтому исполком Ставропольского края включил данную территорию с населенными пунктами Круглый, Щелканка, Ново-Урупский, Пантелеймоновское, а также Архызские летние пастбища в Кировский район Черкесской АО. Административные границы Зеленчукского района остались прежними [ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 14. Д. 61. Л. 5]. Решением Ставропольского крайисполкома 31 декабря 1943 г. населенные пункты Крым, Холодный Родник и Ильич, а также часть Ессентукской прирезки площадью до 11 тыс. га Усть-Джегутинского района были переданы Черкесскому району Черкесской АО. Остальная часть Ессентукской прирезки площадью до 3 тыс. га вошла в Суворовский район. Карачаевская МТС была переименована в Холодно-Родниковскую и передана в Черкесскую АО. В состав Кисловодского сельского района были включены нагорные летние пастбища Усть-Джегутинского района [ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 14. Д. 61. Л. 4].

Через полтора месяца участь карачаевцев разделили калмыки. 27 декабря 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ о ликвидации Калмыцкой АССР, выселении калмыков и образовании в составе РСФСР Астраханской области с центром в городе Астрахань. В состав Астраханской области были включены Долбанский, Кетченеровский, Лаганский, Приволжский, Троицкий, Улан-Хольский, Черноземельский и Юстинский районы и город Элиста бывшей Калмыцкой АССР. Одновременно ликвидировался Астраханский округ Сталинградской области с передачей Владимирского, Володарского, Енотаевского, Икрянинского, Камызякского, Красноярского, Наримановского, Харабалинского районов и города Астрахань в состав Астраханской области. Малодербетовский и Сарпинский районы Калмыцкой АССР включались в состав Сталинградской области. Западный (Башанта) и Яшалтинский – в состав Ростовской области, Приютненский – Ставропольского края [ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 200. Л. 151–152].

Выселению подверглись и калмыки, проживавшие в Ростовской области. Входящий в ее состав Калмыцкий район был ликвидирован по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 9 марта 1944 г. Батлаевский, Потаповский, Ново-Николаевский и Московский (за исключением хутора Татникова) сельские советы Калмыцкого района были включены в состав Мартыновского района, Денисовский сельский совет и хутор Татников – в состав Пролетарского района. Граббевский, Ковалевский, Кутейниковский, Стояновский, Труд-Крестьянский сельские советы и станицу Иловайскую включили в состав Зимовниковского, а Иловайский сельский совет за исключением станицы Иловайской – Романовского районов [ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 14. Д. 114. Л. 26]. 25 мая 1944 г. город Элиста получил новое название – Степной [ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 14. Д. 115. Л. 137].

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» был принят 7 марта 1944 г., уже после выселения двух вайнахских народов, состоявшегося 23 февраля того же года. Территория упраздненной Чечено-Ингушской АССР была разделена на четыре части. Центральные районы образовали Грозненский округ в составе Ставропольского края. Он включал город Грозный, ставший его центром, районы бывшей Чечено-Ингушской АССР: Атагинский, Ачхой-Мартановский, Грозненский, Надтеречный, Старо-Юртовский, Урус-Мартановский, Шалинский, Шатоевский – в прежних границах, Гудермесский (за исключением восточной части), Сунженский район (за исключением западной части), Галанчожский и Галашкинский (за исключением южной части), северо-западная часть Курчалоевского района. К Дагестанской АССР были присоединены Веденский, Ножай-Юртовский, Саясановский, Чеберлоевский – в прежних границах, Курчалоевский и Шароевский районы (за исключением северо-западной части) и восточная часть Гудермесского района. В состав Северо-Осетинской АССР вошли город Малгобек, Ачалукский, Назрановский и Пседахский – полностью, Пригородный район (за исключением его южной части), западная часть Сунженского района [ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 103. Л. 2–3]. За несколько дней перед этим по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 1 марта 1944 г. в состав Северо-Осетинской АССР были включены город Моздок и Моздокский район Ставропольского края. Чтобы обеспечить связь Моздокского района с остальной территорией Северо-Осетинской АССР, в него также включили восточную часть Курпского района Кабардино-Балкарской АССР. Грузинской ССР передали высокогорье бывшей Чечено-Ингушской АССР: Итум-Калинский, западную часть Шароевского, южную часть Галанчожского, Галашкинского и Пригородного районов. Кроме того, Грузинской ССР передавалась юго-восточная часть Гизельдонского района Северо-Осетинской АССР. В связи с этим были внесены соответствующие изменения в государственную границу между РСФСР и Грузинской ССР [ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 103. Л. 3-4].

Однако Грозненский округ просуществовал крайне недолго. Уже 22 марта 1944 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о создании Грозненской области [ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 93]. Помимо Грозненского округа в нее из состава Ставропольского края были переданы Кизлярский округ, населенный преимущественно ногайцами, кумыками и терскими казаками, а также Наурский район, основу населения которого составляли терские казаки.

Весной 1944 г. пришла очередь родственных карачаевцам балкарцев. Как и в случае с чеченцами и ингушами, уже после депортации, состоявшейся 5 марта, «задним числом», 8 апреля был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении балкарцев, проживавших в

Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР». Юго-западную часть Эльбрусского и Нагорного районов передали в состав Верхне-Сванетского района Грузинской ССР [ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 102. Л. 1-2]. В конце апреля бюро Кабардинского обкома ВКП(б) утвердило новые границы Лескенского, Советского (Хуламо-Безенгиевского), Нальчикского, Чегемского, Эльбрусского и Нагорного районов [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 395. Л. 156]. Данные изменения закрепил Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 мая 1944 г., утвердивший представление Президиума Верховного Совета Кабардинской АССР о перенесении районных центров, сохранив за районами прежние наименования: Нагорного – из селения Каменномостское в селение Сармаково, Урванского – из селения Старый Черек в рабочий поселок Докшукино, Чегемского – из селения Нижний Чегем в селение Чегем 1-й. Хуламо-Безенгиевский район был переименован в Советский, его районный центр селение Кашкатау – в Советское. Черекский район ликвидировался, его территория по правому берегу реки Черек была включена в состав Лескенского района, по левому берегу – в состав Советского [«По решению...» 2003: 509–510].

Новые административные преобразования сопровождались и другими топонимическими изменениями. В связи с выселением балкарцев селение Хасанья стало поселком Пригородным, селение Яникой – Ново-Каменкой, селение Гунделен – Комсомольским, селение Лашкута – Заречным, селение Былым – поселком Угольным, Бабугентский клепочный завод – Черекским клепочным заводом, соответственно, поселок при заводе получил наименование Черекского [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 395. Л. 156]. Указы Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 апреля и 22 мая утвердили предложения Северо-Осетинского обкома партии о замене чеченской и ингушской топонимики в районах, вошедших в состав Северо-Осетинской АССР (см. таблицу).

Переименование населенных пунктов упраздненной Чечено-Ингушской АССР, вошедших в состав Северо-Осетинской АССР
[ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 115. Л. 70, 114]

	<i>Прежнее название</i>	<i>Новое название</i>
район	Пригородный	Пригородный
селение	Галгай	Нижне-Камбилеевское
селение	Новый Джерах	Верхне-Камбилеевское
селение	Шолхи	Карца
селение	Яндиево	Дачное
селение	Гадаборшево	Куртат
селение	Ангушт	Тарское
селение	Барбадом	Лесное
селение	Таузень-Юрт	Комгарон

селения	Нижне-Шолджи, Нижние Шолхи	Пограничное
селение	Базоркино	Чермен
селение	Цараев	Нижне-Донгарон
хутор	Годзиев	Верхне-Донгарон
хутор	Льянов	Детский
селение	Длинная Долина	Терк
район	Пседахский	Аланский
селение	Кескем (1-й)	Советское
селение	Кескем (2-й)	Хурыкау
селение	Сагопш	Ногцард
район	Ачалукский	Нартковский
селение	Верхне-Ачалуки	Верхне-Ацалык
селение	Средне-Ачалуки	Средне-Ацалык
селение	Нижне-Ачалуки	Нижне-Ацалык
селение	Даллаково	Даллакау
район	Назрановский	Коста-Хетагуровский
селение	Назрань	Коста-Хетагурово
селение	Барсуки	Хорджин
селение	Гамурзиево	Рухс
селение	Альтиево	Баркаджин
селение	Сурхахи	Мамисон
селение	Экажево	Ново-Ардонское
селение	Насыр-Корт	Ново-Дигорское
селение	Али-Юрт	Нарон
селение	Плиево	Ахсар
селение	Гази-Юрт	Заречное
селение	Яндырка	Райдзаст

Позже остальных, 18 мая 1944 г., были депортированы крымские татары. А 14 декабря Указом Президиума Верховного Совета РСФСР были переименованы 11 районов и районных центров Крымской АССР: Ак-Мечетский район – в Черноморский, село Ак-Мечеть – в Черноморское, Ак-Шейхский район – в Раздольненский, село Ак-Шейх – в Раздольное, Биюк-Онларский район – в Октябрьский, село Биюк-Онлар – в Октябрьское, Ичкинский район – в Советский, рабочий поселок Ички – в Советский, Карасубазарский район – в Белогорский, город Карасубазар – в Белогорск, Колайский район – в Азовский, село Колай – в Азовское, Лариндорфский район – в Первомайский, село Джурчи – в Первомайское, Маяк-Салынский район – в Приморский, село Маяк-Салынь – в Приморское, Сейтлерский район – в Нижнегорский, рабочий поселок Сейтлер – в Нижнегорский, Тельманский район – в Красногвардейский, село Курман-Кемельчи – в Красногвардейское, Фрайдорфский район – в Новоселовский, село Фрайдорф – в Новоселовское [Бугай 2002: 121].

Уже по окончании войны, 30 июня 1945 г., был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, по которому Крымскую АССР преобразовали в Крымскую область в составе РСФСР [Сборник законов 1956: 46]. Еще позже это решение было оформлено и в российском законодательстве: 25 июля 1946 г. был принят Закон РСФСР «Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область». 25 февраля 1947 г. соответствующие изменения были внесены и в Конституцию СССР.

В годы войны произошло дальнейшее сокращение количества национальных районов и сельсоветов, начавшееся со второй половины 1930-х гг. В связи с нацистской оккупацией прекратили свое существование упраздненные еще до войны еврейские национальные районы на территории УССР. 25 августа 1943 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о перенесении районного центра Армянского района Краснодарского края из селения Шаумян в селение Черниговское, при сохранении за районом прежнего наименования [ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 14. Д. 66. Л. 170]. А 27 мая 1945 г. Шапсугский район был переименован в Лазаревский район Краснодарского края, также перестав быть национальным районом.

В то же время в Дагестанской АССР по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 5 октября 1943 г. вследствие разукрупнения Хасавюртовского района был создан новый моноэтничный чеченский Ауховский район с центром в селении Ярыксу-Аух. В его состав были переданы сельсоветы: Акташ-Ауховский (селение Акташ-Аух), Алты-Мирза-Юртовский (селение Алты-Мирза-Юрт), Банай-Аульский (селения Банай-Аул, Банай-Юрт, Ямансу), Бильтаульский (селение Бильт-Аул), Кишень-Ауховский (селение Кишень-Аух), Минай-Тугайский (селения Минай-Тугай, Зандах, Даури, Барцхой), Юрт-Ауховский (селение Юрт-Аух) и Ярыксу-Ауховский (селение Ярыксу-Аух). Однако Ауховский район просуществовал недолго. Чеченцы-аккинцы были выселены вместе с другими вайнахами, а его территорию заселили лакцами. В феврале 1944 г. район был переименован в Бериевский, а в мае – в Новолакский. Чеченские названия селений заменены: Алты-Мурза-Юрт было переименовано в Ново-Чуртах, Бильт-аул – в Тухчар, Минай-Тогай – в Гамиях, селения Даури и Зандах объединились под общим наименованием Дучи, Барцхой – в Ницовкра, Ярыксу-Аух – в Ново-Лакское, Кишень-Аух – в Чапаевку, Банай-Аул – в Берия-Аул, Банай-Юрт – в Ахар, Ямансу – в Шушия, Акташ-аух – в Сталин-аул, Юрт-аух – в Калинин-аул. Заселенные аварцами Сталинаульский и Калининаульский сельские советы были переданы в административное подчинение граничащего с ними аварского Казбековского района. Районный центр Бериевского района был переведен из Новолакского, где для этого не было материальных возможностей, в Берия-Аул.

Характерной чертой того времени было произвольное изменение не только административных границ – между районами, но и считавшихся государственными границ между союзными республиками. Так, 15 октября 1944 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о передаче территории Дарьино-Ермаковского сельского совета Красногвардейского района Ростовской области в состав Украинской ССР [ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 14. Д. 101. Л. 4].

В конце Великой Отечественной войны территория СССР выросла за счет появления еще одной национальной автономии. 17 августа 1944 г. Тувинская Народная Республика обратилась с ходатайством принять ее в состав СССР на правах автономной области в РСФСР. Президиум Верховного Совета СССР 11 октября 1944 г. удовлетворил ходатайство и предложил Верховному Совету РСФСР принять Туву в состав РСФСР на правах автономной области. Через три дня был принят соответствующий указ Президиума Верховного Совета РСФСР.

В преддверии создания ООН И.В. Сталин, стремясь увеличить советское представительство, пошел на формальное расширение полномочий союзных республик. 27 января 1944 г. состоялся пленум ЦК ВКП(б), на котором были приняты решения о преобразовании наркоматов обороны и иностранных дел из общесоюзных в союзно-республиканские [ЦК ВКП(б) 2009: 791–799]. На следующий день Верховный Совет СССР принял законы «Об образовании воинских формирований союзных республик» и «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних отношений». Во всех союзных республиках были учреждены наркоматы иностранных дел, а в Украинской ССР еще и наркомат обороны. Наркомом обороны УССР и одновременно командующим Киевским военным округом стал генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко. Белорусская и Украинская ССР участвовали в создании ООН. Однако никаких собственных республиканских воинских формирований в них так и не было создано, В.Ф. Герасименко в октябре 1945 г. назначили заместителем командующего Прибалтийским военным округом, а весной 1946 г. ликвидировали и министерство обороны УССР.

Таким образом, национально-государственные преобразования в СССР в годы Великой Отечественной войны, как и в предшествующие десятилетия, отражали стремление власти перекраивать карту страны в соответствии с определенными целями и задачами, нередко носившими конъюнктурный характер. Новые границы порой кроились и перекраивались произвольно, не учитывали этнического состава населения, неминуемо порождая территориальные споры, а в дальнейшем и конфликты [Хлынина, Кринко, Урушадзе 2012: 239]. Решения о ликвидации отдельных автономий юридически оформлялись уже после их фактической ликвидации, в основном, указами Президиума Верховного Совета СССР, который не имел на это необходимых полномочий.

АССР Немцев Поволжья юридически вообще не была ликвидирована [Скучаева 2008: 23–24].

Тем не менее, советское руководство в условиях военного времени не отказалось от самих принципов и основных форм национально-государственного устройства СССР. Отдельные национальные республики и области существенно выиграли в территориальном отношении в ходе национально-государственных преобразований, вследствие как ликвидации других субъектов, так и передачи им территорий, населенных русскими (терскими казаками), ногайцами, кумыками и другими народами, не имевшими собственных национально-государственных образований. В первую очередь, это Грузинская ССР и Северо-Осетинская АССР, территория которой увеличилась почти в 1,5 раза. Наказание одних и поощрение других народов и их национально-государственных образований, считавшихся более лояльных к советскому строю, не меняли его основных принципов.

Источники:

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

«По решению Правительства Союза ССР...». Нальчик: Эль-Фа, 2003. 895 с.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета (1938–1956). М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1956. 500 с.

ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М.: РОССПЭН, 2009. 1095 с.

Литература:

Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма: Документы, факты, комментарии. М.: Инсан, 2002. 238 с.

Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 304 с.

Кринко Е.Ф. Депортация народов и административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в 1943–1944 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 3. С. 17–25.

Максимов К.Н. Советская национальная государственность в условиях развитого социализма: на материалах Калмыцкой АССР. Дисс... д-ра ист. наук. М., 1984. 413 с.

Максимов К.Н. Калмыкия – субъект Российской Федерации. М.: Республика, 1995. 320 с.

Максимов К.Н. История национальной государственности Калмыкии (нач. XVII–XX вв.). М.: Профиздат, 2000. 312 с.

Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.

Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2010. 406 с.

Скучаева О.Е. «Немецкий вопрос» в Поволжье (1941–1993 гг.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Саратов, 2008. 28 с.

Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 272 с.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДА И СЕЛА ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 2000-е гг. (на примере г. Грозный и с. Старые Атаги)

Осмаев А.Д.¹

¹ доктор исторических наук, заместитель директора по науке Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук (г. Грозный).

E-mail: osmaev@mail.ru

Аннотация. Целью данной статьи является реконструкция на основе полевых материалов автора и законодательных источников повседневной жизни населения Чеченской республики в период послевоенного восстановления в 2000-е годы на примере г. Грозного и с. Старые Атаги. В заключении автор приходит к выводу о том, что военные действия, различные спецоперации, борьба политических группировок за власть, налаживание мирной жизни и поствоенное восстановление оказали серьёзное влияние на повседневную жизнь городских и сельских жителей, образ их действий и мыслей.

Ключевые слова: повседневность, Чеченская республика, г. Грозный, с. Старые Атаги, послевоенное восстановление.

Политические события в Чеченской Республике конца XX – начала XXI вв., в отличие от проблем повседневной жизни населения, стали предметом изучения как российских, так и зарубежных исследователей. Военные действия, начавшиеся в сентябре 1999 г. и названные контртеррористической операцией, послевоенное восстановление со всеми его проблемами отразились на повседневной жизни жителей Грозного и сел республики независимо от их национальности.

Страшным испытанием для грозненцев стали военные действия 1999–2000 гг. Горожанам, спасавшимся от бомб и ракет в убежищах, приходилось пить дождевую воду, большие трудности были с приготовлением пищи. Бои за город, начавшиеся 25 декабря 1999 г., продолжались и в первые месяцы 2000 г. Российские военные воевали с боевиками, по выражению генерал-полковника В. Манилова, «на длинной дистанции»: разрушали город артиллерией и авиацией квартал за кварталом. Занятые районы Грозного «зачищались» подразделениями внутренних войск и милиции. Эти «зачистки» в поселках Алды и Катаяма в феврале 2000 г. превратились в карательные акции, в ходе которых были убиты десятки мирных горожан.

6 февраля 2000 г. было объявлено об установлении контроля федеральных сил над Грозным, который представлял собой груды развалин. К концу месяца в городе было уже 50 блокпостов. Блокпосты чаще всего становились объектами для нападений боевиков, часто они сами начинали, особенно ночью, бесцельную стрельбу, которая перерастала в канонаду. Горожане привыкли к этому шуму как к неизбежному злу. По периметру города также были выставлены блокпосты, проезд через них как в город, так и из города был сопряжен с большими трудностями, дотошные проверки документов отнимали много времени. Кроме того, Грозный часто блокировался введением режима «стоп-колеса», что резко поднимало плату за въезд.

В поселке Мичурина на юго-востоке Грозного не осталось ни одного целого дома, район площади «Минутка» был превращен в свалку строительного мусора. Более-менее сохранились здания в Старопромысловском районе, 1–6-м микрорайонах, в Ипподромном. Мэром города был назначен С.А. Махчаев, который в сентябре 2000 г. в одном из интервью сообщил, что он – «мэр развалин», «города, который никому не нужен, кроме тех, кто в нем находится» [Новая 2000]. В самом городе часты были случаи грабежей, подрыва и поджога домов, оставшихся после обстрелов [Коммерсантъ 2000.].

В.В. Путин, прилетевший в Чечню на Су-27 20 марта 2000 г., поставил задачу восстановления Грозного, и в апреле военные разрешили въезд в город со стороны поселка Черноречья тем, кто имел грозненскую прописку. Очередь автомобилей растянулась на несколько километров. Надолго символом города стали оконные рамы, обтянутые полиэтиленовой пленкой вместо стекол, из которой торчала труба «буржуйки» или «чеченской печи» – родственницы «буржуйки», на которой только и можно было готовить еду. Заготовка дров в городе была большой проблемой: для этого приходилось ездить по всему городу, разбирая развалины и рискуя подорваться на mine. Использовалась собственная разбитая мебель, сломанные рамы окон, двери и т.д.

Воду тоже приходилось добывать с трудом, часто ее нужно было везти или нести несколько километров, а затем тащить по лестницам на свой этаж. Когда же по городу стали ездить водовозные машины, жители запасали воду в ванне, ведрах, а для подъема на верхние этажи использовали электронасосы с подсоединенными шлангами. Питьевую воду привозила гуманитарная организация ЮНИСЕФ. Ее работники на каждой улице, где жило более 50 человек, ставили специальные резиновые емкости, которые регулярно наполняли водой и чистили каждый месяц.

После возобновления подачи газа наиболее предприимчивые и обеспеченные горожане отсоединяли свою квартирную отопительную систему от общей, на балконе ставили котел, который можно было топить газом, а когда газ прекрывали, то и дровами. Газ также использовали

для освещения и отопления жилищ, офисов. В комнате становилось достаточно тепло, но не хватало кислорода, так как газ горел открыто, что приводило к головной боли и усталости.

Электричество, как и в селах, и в других городах, добывали при помощи генераторов, которые покупали вскладчину или платили владельцу крупного генератора за пользование. Народные умельцы чаще всего переводили генератор на газ, так как за него не надо было платить.

Средоточием жизни в Грозном стал Центральный рынок, где можно было купить продукты и промтовары, аудио- и видео-кассеты с песнями, эпизодами военных действий. Поход на Центральный рынок часто мог закончиться и для военного, и для мирного жителя смертельным исходом. На рынке практически еженедельно военные и милиция проводили облавы, задерживали молодых людей, грабили торговцев, но с еще большей периодичностью здесь убивали военных и сотрудников чеченской милиции. Несмотря на это, он функционировал, разрастаясь и захватывая близлежащие улицы и кварталы, но в 2008 г. проблему решили радикально: Центральный рынок был разрушен, а торговцы переехали на новый рынок «Беркат», занявший часть территории завода «Красный молот».

Разбором развалин Грозного была занята значительная часть городского и сельского населения Чечни. Целые бригады разбирали кирпич, который пользовался спросом. Под покровительством различных чинов под снос шли здания, которые вполне можно было восстановить. Даже в мае 2004 г. В.В. Путин, пролетая над городом на вертолете, заметил, что это «ужасно» [Известия 2004].

В 2000–2003 гг. ездить по улицам Грозного было небезопасно. Военная техника часто и, по убеждению жителей, неслучайно, наезжала на гражданский автотранспорт. В начале 2000-х гг. молодой человек, имеющий на запястье часы «Casio», также мог нажить себе большие неприятности: их использовали боевики для подрыва фугасов. Часто на блокпостах даже проверяли, переведены ли часы на «летнее время»: дело в том, что при А. Масхадове в Чечне часы не переводили, и это служило «доказательством» принадлежности к боевикам – а между тем часы не переводили и люди очень далекие от войны, они соблюдали время мусульманской молитвы. Жизнь в городе фактически замирала задолго до наступления сумерек.

В конце 1999 – начале 2000 гг., особенно при Н. Кошмане, серьезно обсуждался вопрос о переносе столицы республики: восстановление Грозного посчитали невозможным [Независимая 1999]. Но уже в апреле в полуразрушенных зданиях – без окон, дверей, отопления и света – начали работать, благодаря настойчивости их ректоров (Б.А. Хазбулатова, И.А. Керимова, А.Д. Хамзаева) вузы республики, что вселило надежду в грозненцев. Большинство студентов жили в селах и были вынуждены

добираться в город через несколько блокпостов, ежедневно рискуя жизнью и здоровьем. Родители и сами студенты договаривались с водителями частных автобусов, чтобы студентов возили на занятия и с занятий. Такой способ оказался жизнеспособным, и по сегодняшний день большинство студентов так и ездят на занятия. Вызван он был еще и тем, что общежития вузов, техникумов, училищ были разрушены. Но даже будь они целы в 2000–2003 гг., никто не рискнул бы организовать проживание молодых людей в общежитиях.

После же назначения 12 июня 2000 г. А.А. Кадырова главой администрации им было твердо заявлено, что столицей Чеченской Республики останется Грозный. Становление мирной жизни в Грозном шло с большим трудом, но, несмотря на теракты, перестрелки, боестолкновения и «зачистки», грозненцы восстанавливали свой город и боролись за его жизнь.

Первый светофор в Грозном после военных действий 1999–2000 гг. был установлен в начале 2004 г., рядом с разрушенным Домом печати. На короткое время он стал достопримечательностью города: многие специально ехали или шли, чтобы воочию увидеть это свидетельство налаживания долгожданной мирной жизни.

В конце 2004 г. начался интенсивный процесс восстановления Грозного благодаря усилиям тогда еще вице-преьера Р.А. Кадырова, а в 2005–2006 гг. город превратился в одну большую стройплощадку.

По мере восстановления города обострилась проблема автомобильных пробок: машин с каждым месяцем становилось все больше. Если в начале 2000-х гг. горожанам приходилось ездить на разбитых «Газелях» и «РАФиках», старых автобусах, то на смену им теперь пришли новые микроавтобусы «Форд», почти полностью обновлен таксопарк столицы. В отличие от прошлых лет редкостью на улицах стала и военная техника.

Продукты горожане теперь в основном покупают на рынке «Беркат», на небольших рынках, которые есть в каждом районе города, а также в многочисленных больших и малых магазинах. Рядом с рынком больше всего уличных продавцов валюты. Наибольшей популярностью по-прежнему пользуется доллар, и продают его чуть дешевле, чем в филиале Россельхозбанка.

Важное место в чеченской кухне занимает мясо. В конце зимы на рынке появляется знаменитая черемша, и над рынком стоит ее острый запах. Значительное количество грозненцев ездят для покупки продуктов и промтоваров в дагестанский город Хасавюрт.

Одной из самых злободневных проблем горожан в начале 2000-х гг. было отстаивание права собственности на свои квартиры, поскольку за последние годы документы сгорали или терялись, что давало основание различным мошенникам, подделав документы, занимать квартиры или оспаривать их.

Повседневным явлением в жизни города стали субботники, республиканские и городские власти объявляют то «месячник», то «трехме-

сячник» по наведению порядка, и учащиеся школ, вузов, техникумов, трудовые коллективы по субботам занимаются уборкой закрепленных за ними территорий.

С проведением досуга вне дома у грозненцев до сих пор есть немалые проблемы. Кроме центральных и республиканских телеканалов (телеканал «Грозный» транслируется и через спутник) большой популярностью пользуется «Грозненское радио». Широкое распространение получили спутниковые антенны, горожане активно пользуются Интернетом. А мобильные телефоны сегодня – неременный атрибут и старого и малого, хотя свободно пользоваться ими в Чеченской Республике разрешили только с августа 2004 г. Сим-карты тогда покупали с «боем», занимая очереди еще ночью, а абонентская плата была чуть ли не самой высокой в России.

Несмотря на переименования улиц, смену властей в республике и городе, названия городских районов на сегодняшний день (Ленинский, Заводской, Старопромысловский, Октябрьский) остаются неизменными, и людям старшего возраста непривычно бывает слышать, например, словосочетание «имам Ленинского района». В памяти горожан до сих пор сохранились неофициальные названия некоторых районов города: Бароновка, Башировка, Индюшка, Собачевка, Сахалин, Шанхай и другие.

До 1990-х гг. в названиях улиц Грозного, его площадей, учреждений не было ничего, за редким исключением, национального. После 1991 г. и августа 1996 г. началась волна переименований в Грозном и по всей республике. Так, проспект В. Ленина стал проспектом А. Авторханова, площадь Орджоникидзе – имама Шамиля, улица Коммунистическая – М.Д. Шерипова [Сборник 1994] и т.д., а теперь они носят другие названия.

Ныне в восстанавливаемом Грозном преобладают «экзотические» названия кафе, ресторанов, магазинов: «Плаза», «Самурай», «Ее глаза», «Paradise», «Pizza-house», «Таганка», «Рублевка», «Dorizi», «Сладко-ежка», «Невада», «Япона-хата», «Якудза», «Элегант», «Ламберти». Изредка встречаются и чеченские названия. Новый рынок в центре города назван по-чеченски «Беркат» («Изобилие»), а разрушенный звался «Сабита» (Женское имя. – *А.О.*) и т.д.

До конца 2004 г. в Грозном и республике строились в основном автозаправки, техстанции, кафе. Сейчас преобладают автомойки, так как затрат на них немного, а автомобилей в Грозном с каждым днем становится все больше и за их рулем все чаще можно увидеть девушек и молодых женщин. Женщинам в Чеченской Республике за короткий период пришлось пережить две войны, разруху, жизнь в палаточных лагерях, ежесекундное беспокойство за своих братьев, отцов, мужей, сыновей. Но все эти тяготы не сломили их. В первые годы после окончания крупномасштабных боев, во время всеобщей безработицы, именно женщины

добывали необходимые для проживания средства: торговали на рынках, пекли хлеб, ездили через десятки постов, чтобы спасти оставшееся имущество, сделать какой-то ремонт, потому что для мужчин выход из дома мог закончиться смертью.

В Грозном немного женщин занимают ключевые посты, но мало кто сомневается в их значимой роли в семье, нынешнем чеченском обществе. В учебных заведениях, на работе девушкам и женщинам необходимо быть в платке и придерживаться «дресс-кода», соответствующего национальным традициям и религиозным предписаниям, но это отнюдь не означает, что они не могут сделать карьеру или с ними не считаются как со специалистами.

Единственным памятником, а в Грозном их было немного, в котором были увековечены представители чеченцев и ингушей, был памятник на площади Дружбы народов: плечом к плечу стояли чеченец А. Шерипов, белорус Н.Ф. Гикало, ингуш Г. Ахриев – борцы за установление советской власти в Чечено-Ингушетии. Он стал первым из восстановленных в начале 2000-х гг. памятников в Грозном.

В Грозном не было (и нет) мусульманского кладбища, чеченцы хоронят умерших и чаще всего проводят похоронный обряд в родном селе, где практически у всех живут близкие или дальние родственники. В период военных действий погибших или умерших грозненцев в основном хоронили на кладбище с. Пригородное. Похоронный обряд – один из самых консервативных, но и в него война внесла свои коррективы. Могилы везде, до военных действий 1994–1996 гг., рыли вручную, в зависимости от грунта, 3 или 5–11 человек, а с началом военных действий, когда приходилось хоронить каждый день по несколько человек, а рабочих рук не хватало – начали использовать экскаватор. Теперь это стало обыденным явлением. Во время наиболее интенсивных военных действий погибших в Грозном хоронили во дворах, а потом перезахоронили на кладбищах родных сел.

С 1944 по 1987 гг. в республике, не говоря уже о Грозном, не было ни одной действующей мечети. С конца 1980-х гг. население уже не встречало препятствий в отправлении религиозных обрядов, начато было массовое строительство мечетей или приспособление зданий под них. Сегодня в центре Грозного построена мечеть «Сердце Чечни» на 10 тыс. человек. В каждом районе, микрорайонах, большинстве кварталов построены или восстановлены мечети; значительное число их прихожан составляет молодежь. В учебных корпусах вузов и колледжей есть комнаты для молитв (для мужчин и женщин), как и практически на всех предприятиях, в больших офисах.

Село Старые Атаги расположено в 20 километрах к югу от г. Грозный по трассе Грозный – Итум-Кале на левом берегу реки Аргун. Естественно, как и другие крупные равнинные села, оно отличается от гор-

ных сел, которые мы в данной статье не рассматриваем. По переписи 2010 г. в с. Старые Атаги проживает 10 884 жителей, из них мужчин – 5 190, женщин – 5 694, но это данные по тем, кто зарегистрирован в селе, фактически же в селе, которое сильно разрослось даже за последние пять лет, живёт более 17 тысяч человек [Численность]. В селе три средние общеобразовательные школы, занимающиеся в две смены, участковая больница, которую сильно задел процесс сокращения медработников, детский сад, территориальный отдел милиции, администрация села, некогда знаменитый совхоз, а ныне госхоз «Атагинский», который не в силах обработать и пятой части из своих 5 тыс. га, и недавно открытая пожарная часть. Восстановлен Дом культуры им. М. Эсамбаева без его некогда великолепной библиотеки и летнего кинотеатра, здесь организованы секции дзюдо и борьбы, учат национальным танцам.

Жители села работают в Грозном, на стройках, различных предприятиях, но большинство трудоспособных староатагинцев – безработные, многие из них стоят на учете в органах социального обеспечения и получают пособие. Сельчанами зарегистрированы более 100 мелких предприятий, в настоящее время работают несколько десятков цехов по производству пластиковых окон, 3 карьера, небольшой таксопарк, 6 автозаправок, торговый центр «Атагинский», 3 больших универсальных магазина и множество мелких, 4 торговых предприятия строительных материалов, 4 техстанции, 5 автомоек, несколько шашлычных, однако, проблемы безработицы это не решает. Около 10 человек в селе занимаются кузовными работами – это так называемые «костоправы», кроме них на дому работают несколько человек по ремонту мебели, мастера-сварщики выполняют работу по установке отопления, сделают красивые ворота и забор с украшениями из железа. Раньше летом молодые люди собирали камень для строительства в реке Аргун, перегораживая её при помощи техники. Собранный камень у них закупали водители самосвалов и перепродавали в Грозном на рынке строительных материалов, но сейчас они этим не занимаются.

Традиции взаимопомощи ещё сохраняются, но они постепенно вымываются из жизни новыми экономическими отношениями и необходимостью привлечения к делу профессиональных строителей. Значительная часть староатагинцев работала когда-то в совхозе (ныне госхоз) «Атагинский» на постоянной и сезонной работе, но с 1990-х гг. хозяйство начало приходить в упадок, большая часть земли не обрабатывается из-за нехватки денег и семян, здания молочно-товарных ферм разрушены, а скот распродан и зарезан ещё до военных действий 1994 г. Частные предприниматели мало занимаются земледелием в силу необходимости приложения большого количества средств и труда, что отнюдь не гарантирует прибыль. Чаще всего староатагинцы берут в аренду у госхоза землю для заготовки сена – разнотравья, некоторые засевают люцерной,

суданкой или кукурузой. В недавнем прошлом редкой была семья, которая не держала одну-две коровы, теперь же редки семьи, которые держат скотину. Связано это с тем, что всё для содержания скота необходимо закупать, а это может позволить только человек, имеющий работу и приличную зарплату – если корова раньше была кормилицей, то сейчас приходится кормить её. К тому же эмансипация давно затронула чеченское село, и современные хозяйки предпочитают закупать молоко, сыр, сметану, чем обременять себя содержанием коровы, тем более, что это каждодневный тяжелый труд. Всё это привело к резкому сокращению поголовья скота [ПМА: Ш. Ибрагимов]. В настоящее время растёт количество семей, которые ничем не засевают даже приусадебный участок.

Центральная улица носит имя Героя Советского Союза Х. Нурадилова, именем писателя А.-Х. Хамидова названа улица, на которой он жил, большинство же названы без затей: Солнечная, Тихая, Нагорная, Подгорная, Аргунская, Аргунская, Калинина, Полевая, Почтовая, Шоссейная, Береговая, Садовая, есть даже Безымянная.

В 1998 г. построена крупная джума-мечеть (на более чем тысячу человек), кроме неё есть несколько квартальных мечетей – джамаат-мечеть, которые не пустуют. Особенно много прихожан здесь бывает по пятницам и в месяц рамадан на вечерней молитве. Строительство мечетей осуществлялось за счет пожертвований всех сельчан, хотя львиную долю расходов брал на себя кто-либо из атагинцев, имеющих серьёзный бизнес, чаще всего, оставаясь инкогнито, в соответствии с традициями ислама. Имам мечети занимает довольно высокое место в сельской иерархии и активно участвует во всех процессах, происходящих в селе. Авторитет его первоначально обеспечивается занимаемой должностью, а впоследствии личными качествами, среди которых не последнее место занимает искусство дипломата, поскольку ему приходится выступать посредником во многих щекотливых делах, связанных с улаживанием различного рода конфликтов: от семейных до межтайповых и межсельских. В период боевых действий и зачисток имаму староатагинской мечети приходилось искать общий язык с военными вместе с главой администрации села и старейшинами. К сожалению, в последнее время институт старейшин чаще используется для легитимизации решений власти, реальных рычагов влияния у старейшин нет но в повседневной жизни, решении её проблем их авторитет довольно высок.

В селе представлены все крупные вирды – суфийские религиозные братства, существующие в республике. В селе 2 кладбища – одно старое, где практически не хоронят умерших, если место там не было зарезервировано задолго до наших дней и новое, на котором хоронят с 1993 г. Две войны и связанные с ними стрессы унесли жизни многих староатагинцев, и новое кладбище уже пришлось расширить. В период 1994–1996 гг. в результате обстрелов, авианалетов, боестолкновений были

убиты 114 староатагинцев и 14 пропали без вести, а в ходе «контртеррористической операции» погибли около 180 человек и около 40 пропали без вести [ПМА: В. Гадаев]. На могилах большинства погибших в бою родственники установили высокие металлические шесты (по-чеченски – холлам) – знак, что похороненный здесь погиб в газавате.

В «первую» и «вторую» войны на кладбище села хоронили не только атагинцев, но и умерших в больнице от ран, убитых на дороге в ходе авиа и артобстрелов. Были дни, когда приходилось хоронить десять человек, не хватало людей для рытья могил (грунт на кладбище очень трудный), и тогда для этой цели использовали экскаватор. Практика эта прижилась, теперь чаще всего могилу роет экскаватор, а 2–3 человека приводят её в соответствующий вид. Из-за сильного обстрела невозможно было хоронить убитых и умерших на новом кладбище, тогда хоронили на старом, предварительно закопав в углу останки похороненного ранее. В целях безопасности приходилось умерших хоронить и ночью, используя свет от фонарей «летучая мышь».

В период 1994–1996 гг. не было ни одного случая убийства боевиками мирных жителей, а во «вторую кампанию» такие убийства стали обычным явлением: расстреливали и сельских авторитетов, и заместителей главы администрации, и работников милиции. В 1994–1996 гг. в селе военными не было проведено ни одной зачистки, правда, атагинцам несколько раз пришлось участвовать в компании «по сдаче оружия», с 2000 по 2004 гг. «зачисток» или спецопераций было проведено более 30, большинство из них сопровождалось грабежами, издевательствами, арестами невинных, убийством мирных жителей. Мирные жители жили как между молотом и наковальней: за нападением боевиков или подрывом техники следовала акция военных, в ходе которой страдали чаще всего непричастные к войне. Воюющие стороны меньше всего заботились о мирных жителях, в результате, среди них и было большое количество пострадавших.

Военные действия стимулировали рост религиозности, которая в чеченском обществе была и так достаточно высокой. И тогда, и сейчас в мечети можно увидеть большое количество бородатых молодых людей, абсолютное большинство из них соблюдает пять обязанностей мусульманина, не курят, не употребляют спиртного, чем отличаются от представителей среднего возраста, чьё становление пришлось на советские времена.

За последние годы сильно изменился облик домов атагинцев, в строительстве используются новые материалы, заборы строят из «итальянского» или «нестеровского» кирпича, как и сами дома, или железных листов. В селе сейчас с трудом можно найти дом, построенный из самана. Крыши домов кроют металлопрофилем, металлочерепицей, деревянные окна заменяют пластиковыми, в дом проводят воду, газ проведен ещё в

начале 1990-х годов, при отделке комнат используются новые материалы. В период активных боевых действий подача газа была прекращена, электричество было отключено, и староатагинцам приходилось выходить из положения разными способами. Заготовка дров за пределами села была связана с риском для жизни, поэтому пришлось вырубать лесополосы близ села и деревья на своих приусадебных участках. Для освещения жилья использовали автомобильные аккумуляторы, советские или японские генераторы на одну-две семьи или большие передвижные электростанции, за подключение к которым платили их хозяевам. Часто генераторы становились добычей военных, которые «зачищали» село, вместе с генераторами жители лишались телевизоров, видеомагнитофонов, автомагнитофонов и других вещей, на которые военные требовали «паспорта».

Традиционным во дворе остается навес, который служит для дневной жизни в жаркое время года, похоронный обряд мужчин в любое время года и свадьбы в жаркое время также проходят под ним. И раньше, и теперь для многих строительство дома является главной целью жизни – неудивительно поэтому, что при большом проценте безработицы атагинцы, как и другие чеченцы, умудряются строиться и ремонтировать свои дома, отказывая при этом себе во многом.

Все крупные события в жизни сельчанина связаны с исламом: рождение, женитьба, развод и примирение, болезнь и смерть – все эти и другие события освящаются с участием человека более или менее знающего каноны ислама. Жизнь сельского жителя жестко регламентирована предписаниями религии, адатов, страхом «потерять лицо», вопросом «что скажут люди?». В последнее время людей, принимающих во внимание только предписания ислама, становится, на наш взгляд, всё больше.

Досуг староатагинцев однообразен: телевизор, посиделки с друзьями вечером, традиционно собираются мужчины одного или соседних кварталов в месте, где стоят скамейки, обмениваются новостями. У женщин времени свободного гораздо меньше, на улицах они, естественно, не собираются. Большая часть отдыха для них – перемена занятий и просмотр телепередач. Свадьбы, как известно, явление не частое, хотя они остаются практически единственной возможностью традиционного развлечения с музыкой, танцами. В настоящее время вошло моду приглашать на них профессиональных артистов и проводить в специально построенных залах (в Старых Атагах их два). Практически исчезла традиция проводить вечеринки (синкьерам) в честь приезда гостя или гостьи, другим поводам, что давало молодым людям возможность общаться. С развитием новых средств коммуникации последние, правда, не страдают недостатком общения: можно позвонить на мобильный телефон, послать сообщение, договориться о встрече. Поэтому редкостью стали традиционные встречи «у родника», нет необходимости офици-

ально приглашать девушку к её соседям или родственникам, чтобы заявить о намерении ухаживать за ней. Многие девушки учатся и после школы, работают, что также даёт гораздо больше возможностей для общения. Староатагинцы активно пользуются сетью Интернет, спутниковые телеантенны давно не редкость в селе. Много молодых ребят учится в вузах и других учебных заведениях Грозного, каждое утро студентов возят в город 3 автобуса.

Последнее десятилетие, в которое населению Чеченской Республики пришлось пережить военные действия, различные спецоперации, борьбу политических группировок за власть, налаживание мирной жизни и поствоенное восстановление, оказали серьёзное влияние на повседневную жизнь городских и сельских жителей, образ их действий и мыслей.

Источники:

Известия. 2004. 15 мая.

Коммерсантъ. 2000. 19 янв.

Независимая газета. 1999. 19 нояб.

Новая газета. 2000. 11 сент.

Полевые материалы автора (ПМА). Информант Гадаев В., 1947 г.р., записан в с. Старые Атаги Грозненского района Чеченской Республики в июне 2010 г.

Полевые материалы автора (ПМА). Информант Ибрагимов Ш., 1949 г.р., записан в с. Старые Атаги Грозненского района Чеченской Республики в июле 2017 г.

Сборник указов и распоряжений президента Чеченской Республики с 28 мая 1993 года по 30 апреля 1994 года. Кн. 2. Грозный: Чечениздат, 1994. С. 138–142.

Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, районов, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-05.pdf

УДК 94(47).083

ТРОННОЕ КРЕСЛО ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЁДОРОВНЫ – ДАР ОТ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА

Сангаджиева Д.В.¹

¹ член Ассоциации искусствоведов России (г. Элиста)

E-mail: nelya2003@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния народных традиций в декоративном искусстве на примере светского предмета мебели – дара императрице Александре Федоровне от представителей калмыцкого казачества и духовенства. Обобщен новый материал по исследуемой теме, вводятся в научный оборот имена буддийских художников.

Статья раскрывает содержание художественной композиции шедевра декоративно-прикладного искусства Калмыкии, которое в настоящее время является частью собрания коллекции Омского областного музея изобразительных искусств имени М.А. Врубеля. В результате анализа автор приходит к выводу, что декор кресла во многих деталях соответствует стилистике произведений буддийского изобразительного искусства, авторство принадлежит хурульным художникам Калмыкии.

Ключевые слова: Торан, шарабха, vamaṇa, наги, макары, ваджра, зурчур, Киирб Бадаков, бакши Шургучи Нимгиров.

В истории изобразительного искусства Калмыкии XIX и начала XX вв. существует тема, затрагивающая исторические связи императорского дома Романовых с калмыками – представителями донского казачества и буддийского духовенства. Одним из ярких примеров сотрудничества двух сторон можно отметить знаменательное событие – вручение даров императору Николаю II и императрице Александре Федоровне делегацией донских калмыков в Петербурге в 1908 году в честь 300-летия добровольного вхождения калмыков в состав России.

25 ноября 1908 года (по старому стилю), во вторник, в 11 часов утра, в Царском селе Николай II принимал депутацию донских калмыков «для поднесения Его Императорскому Величеству двух кресел и серебряного изображения буддийского храма» [ГАРФ. Ф. 516. Оп. 2. Д. 236. Л. 71].

Депутацию возглавлял бакша донских калмыков Менко Борманжинов¹, его сопровождали хурульные бакши Тепкин, Немгиров, Манцинов,

¹ В источниках встречаются варианты написания его фамилии «Барманжинов», «Барманджинов».

а также станичные атаманы: станицы Граббевской – сотник Батырев, станицы Денисовской – коллежский регистратор Тепшинов, станицы Иловайской – вахмистр Теврюков. При приеме делегации присутствовали гофмаршал граф Бенкендорф, дворцовый комендант Дедюлин, флигель-адъютанты Дрентельн и князь Долгоруков. Прием состоялся в малой библиотеке Александровского дворца. «Депутация имела счастье поднести 2 тронных кресла и серебряную модель буддийского храма» [ГАРФ. Ф. 516. Оп. 2. Д. 236. Л. 72]. Момент передачи подарков был запечатлен на фотографии К. Булла, которая была опубликована в журнале «Нева» № 50 за 1908 год. В литературе упоминалось, что во время этого визита лама Менько Борманжинов также подарил императору Николаю II «мандалу Ваджрабхайравы», которая в 1912 году была лично пожертвована императором в Русский музей (ныне – Российский этнографический музей; колл. № 2150), где хранится среди экспонатов этнографического отдела [Федорова 1999: 118–119; Бакаева 2005].

Долгое время судьба подаренных кресел и модели храма была малоизвестна широкому кругу исследователей. В настоящее время одно тронное кресло из двух находится в Омском областном музее изобразительных искусств имени М.А. Врубеля. Историю бытования этого предмета, до поступления в художественный музей г. Омска, можно проследить по архивным документам камер-фурьерского журнала, находящимся в Российском государственном историческом архиве.

Предметы находились в Александровском дворце Царского Села до тех пор, пока не началась передача имущества дворцов-музеев в Государственный музейный фонд. После начала революции 1917 года и до отправления царской семьи в Тобольск внутреннее убранство Александровского дворца оставалось неизменным. Затем начался учет имущества дворца, наиболее ценные в художественном отношении предметы были отправлены в Москву. С весны 1918 года началась подготовка парадных залов для открытия музея.

К началу 1923 года «на б. Свитской половине собраны все предметы, поднесенные Николаю II и его семейству, и устраивается выставка их, характеризующая русское кустарное и фабричное производство во всех областях в лучших своих экземплярах» [Спирина 1998: 58–59].

В 1927 году из Ленинградского отделения Государственного музейного фонда с ошибочным примечанием: «работа китайских мастеров» было передано одно кресло в Художественный отдел при Западно-Сибирском краевом музее (ныне Омский областного музей изобразительных искусств имени М.А. Врубеля). Второе тронное кресло, переданное в 1927 году из Государственного музейного фонда, перешло в ведение Восточно-Сибирской торговой палаты.

Экспонат Омского областного музея изобразительных искусств имени М.А. Врубеля сохранился со значительными утратами фанеровки и

малых серебряных накладок [Глазов 2011: 217]. В 1930-е годы коллекция художественного отдела Омского музея была своеобразным реквизитом для оформления интерьеров различных государственных учреждений. Это касалось и «кресла черного с серебряными накладками»: оно в 1933 году выдавалось в городской театр для оформления постановки пьесы, стоимость его на случай утраты была определена в 500 рублей [Спирина 2005: 177]. На оборотной стороне спинки тронного кресла, на прямоугольной металлической пластине выгравирована памятная надпись: «*Поднесено Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице Александре Фёдоровне депутацией от калмыцкого народа Донской области во главе с Бакиюю Донских калмыков 25 ноября 1908 года в Царском Селе*» [Спирина 2005: 176].

Исследователей всегда интересовало авторство и происхождение этого произведения, вопрос атрибуции остается актуальным, так как историки имеют различное мнение по вопросу о создателях столь необычного для российского зрителя предмета мебели. Учитывая ответственность и важность вопроса изучения истории искусства Калмыкии, смею заявить, что экспонат из музея в Омске имеет отношение к творчеству калмыцких буддийских художников.

Глубокие знания и разнообразные умения художников могли возникнуть только при непосредственном контакте с представителями существовавшей тогда калмыцкой школы буддийского изобразительного искусства. Художники (*зурачнр*), проходившие обучение в буддийских монастырях (*хурулах*), кроме общего курса буддийской философии, особенностей обряда, должны были знать все особенности иконометрии и иконографии, смысловое значение символики и атрибутов божеств буддийского пантеона. Обучение в монастырях с наставниками предполагало ежедневную духовную практику, в том числе беседы, диспуты, изучение философских и иконометрических трактатов, основ архитектуры, каллиграфии, технологии живописи и скульптуры. Считалось, что деятельность художников осуществлялась под покровительством Манчжуши (Манджуши) (калм. *Манзушир*), бодхисатвы мудрости, с помощью которой постигается истинная природа вещей.

Признанными центрами иконописания и изготовления «*бурханов*» – статуй будд – в калмыцкой степи были монастыри, среди которых С.Г. Батырева выделяет *Дунду хурул* и *Ики-хурул* Малодербетовского улуса, *Большой Барунов хурул* Багацохуровского улуса и духовную академию *Чөөрэ-хурул* [Батырева 2005: 85]. Известный монголовед А.М. Позднеев в своей докладной записке министру П.А. Столыпину упоминает замечательного мастера Оргочко Джамбаева, работавшего при Ульдючиновском хуруле [Батырева 2005: 81]. Сохранились сведения о малодербетовском хурульном живописце Дорджи, о созданных им изображениях четырех Белых Тар, которые были переданы настоя-

телем Бааза-бакши в дар музею Российской Академии художеств [Руднев 1905: 14]. Среди донских калмыков *бакии* Нимгиров из Батлаевской станицы был известен как отличный *зурач* [Батырева 2005: 89]. В урочище Хотна худук Багацохуровского улуса в конце XIX века были сосредоточены производственные ресурсы серебряных дел мастеров. В списке наиболее популярных в ту пору мастеров выделялся незаурядными способностями Балдык Декчаев [Трошин 1967: 28]. Чуть больше сведений сохранилось о Киирбе (Кирб) Бадминовиче Бадакове (1891–1946), который родился в станице Эркетеневской (Эркетинской) области войска Донского (ныне Дубовский район, Ростовская область), где служил в Эркетеневском хуруле художником [Васькин 2014: 208–209]. В 1908 году в составе большой группы хурульных художников молодой монах Киирб Бадаков участвовал в работе над созданием деревянных кресел с серебряным накладным рельефным декором – подарком для царственных особ [Церенов 2013]. Таким образом, можно утверждать, что в калмыцкой среде имелось достаточно ресурсов и творческих сил в лице хурульных художников.

Рассматривая основные элементы декора и конструктивную основу этих кресел, необходимо отметить, что стилистически они восходят к традициям буддийской пластики, соответствуют общепринятому канону для культовых предметов декоративно-прикладного искусства.

Спинка трона является подобием *торана* (др.-инд. *torana* – ворота), это своеобразная поддерживающая арочная конструкция, наполненная образами просветленных существ. В основании серебряной рельефной части спинки трона, слева и справа, объемно выступают изображения симметрично стоящих в почтительном поклоне двух слонов. Слон – символ могущественных созданий, олицетворяющих выносливость, самоконтроль, терпение, доброту и мощь Будды [Бир 2011: 87]. На своих спинах они держат символическую драгоценность, исполняющую желания, а выше, над слонами расположены мифологические существа *шарабха* (санскр. *Śarabha*), в индийской мифологии животные, напоминающие своей наружностью антилоп. В зависимости от местных художественных традиций эти гибридные создания могут принимать различный вид: их сравнивают с верблюдом, ланью, но чаще всего относят к разряду оленей.

Над рельефными изображениями антилоп – шарабха – симметрично возвышаются две мужские фигуры (санскр. *vamana*), символ колоссальной силы. В тибетской и монгольской традиции нередко вместо этих мужских фигур пространство заполнялось образами молодых богинь – *деви* [Бир 2011: 96]. Традиционно эти персонажи поддерживают изогнутую и украшенную драгоценностями конструкцию торана, но в работе калмыцких художников они трансформировались в мужественные образы, держащие драгоценные подношения. В данном случае

древнеиндийская традиция иконографии претерпела изменения, внесённые народными мастерами.

Центральное место в оформлении серебряной накладки спинки трона отведено изображению герба Российской империи. Герб располагается в том месте, где обычно буддийские авторы изображают образ *Гаруды* (др.-инд. *Garuda*). Функцию божества-хранителя, одного из символов просветленного ума, преграждающего дорогу демонам, в декоре спинки трона замещает изображение герба, который органично вписался в общую буддийскую систему построения композиции. Двуглавый орел симметрично окружен *нагами* (др.-инд. *nāga*) мифическими образами, сущность которых – охранная защитная функция, они также являются символом сокровенной мудрости. Наги живут в подводных дворцах, властвуя как над земными, так и над небесными водами. Поэтому у них верхняя часть тела человеческая, а ниже поясицы тело продолжается змеиным хвостом. Пять маленьких змей образуют зонты над их головами. Считается, что Будда преподавал *махаяну* нагам и впоследствии философ *Нагарджуна* добыл у царя нагов тексты сутры «Праджняпарамиты» [Мялль II 1982: 195; Рерих 2001: 198].

Следующими персонажами, расположенными ниже нагов, являются водные чудовища, создания с рыбьими хвостами – *макары* (др.-инд. *makara*). Макара – мифологический образ фантастического морского животного, в целом символизирует жизнь и природу во всех её состояниях-стихиях. Символика составных элементов макары (хвост, голова и т.д.) получает развитие в его мифологических связях с божествами плодородия, жизненной силы и воды [Топоров 1982: 90]. Макары вместе с нагами являются важными композиционными элементами арочных сводов тронов просветленных существ в буддийской иконографии торана [Бир 2011: 72].

Главные символические персонажи в декоре верхней части спинки трона – двуглавый орел, наги, макары – расположены на фоне орнаментального пространства из стилизованных облаков, характерных для буддийской иконографии. Пространство между силуэтами облаков покрыто слоем позолоты. Нижний уровень облаков переходит в стилизованные элементы растительного орнамента.

Ступенчатое основание трона симметрично декорировано многочисленными серебряными накладками с изображениями *ваджры* (санскр. *vajra* «алмаз», «молния») – символ прочности и неуничтожимости, атрибут многих будд, бодхисатв и идамов [Мялль I 1982: 208]. На поверхности основания трона центральное место уделено рельефным накладкам, образам мифических *снежных львов*. Львы – священные традиционные парные стражи, главная функция которых – поддержка трона просветленного существа и средство его передвижения. В буддизме снежные львы выступают как воплощенная храбрость, благородство и

постоянство. Они приносят удачу и счастье [Иванов, Топоров 1982: 41]. Изображения стилизованных лепестков *лотосов* и ритмически расположенных растительных орнаментальных элементов являются важной связующей частью всей композиции основания трона. Присутствие в композиции декора трона защитных символов в сочетании с благоприятными символами буддизма рассматривается калмыцкими монахами и народными мастерами как добрые благословенные пожелания процветания царской династии.

Пропорции трона идентичны размерам традиционного кресла, предназначенного для высокого духовного лица: высота – 152 см, длина – 83,5 см, ширина – 70,5 см [Глазов 2013: 12]. Аналогичные предметы мебели присутствуют во многих буддийских храмах. Таким образом, каноническая иконография буддийских образов стала доминантой в конструктивной основе силуэтной формы и в декоре подарочных светских предметов мебели.

Народные мастера в создании тронных кресел использовали следующие отделочные материалы: дерево и шпон различных пород, серебро, золото, бархат. Среди способов их обработки отмечаются резьба и лакировка по дереву, литье, чеканка, гравировка серебра, золочение.

В 2010–2012 годах силами музейных специалистов была произведена комплексная реставрация: восстановлена и укреплена сложная конструкция кресла, была очищена двенадцатикилограммовая серебряная накладка, подлокотники из черного дерева в виде фигурок слонов и уникальная бархатная обивка. В 2013 году тронное кресло императрицы Александры Федоровны было представлено публике в экспозиции выставки «Неизвестные сокровища Романовых».

Сотрудники музея обнаружили на серебряной накладке клеймо – *Мастер ЯФ*. Возможно, это сокращенные инициалы имени одного из донских мастеров, кто также мог быть причастен к работе над этим проектом, или мастера – ювелира, подтверждавшего 84 пробу серебра. В оформлении тронных кресел использовалось высококачественное серебро, это доказывается наличием клейма Донского пробирного округа 1899–1908 годов с инициалами пробирного мастера Федора Коновалова [Спирина 2005: 178].

Наличие этих инициалов не противоречит общей концепции символического дара Романовым от калмыцкого народа, одновременно подтверждает, что тронные кресла – это коллективная работа, объединенная усилиями многочисленных хурульных художников. Бакши Нимгиров (Немгиров) из Батлаевской станицы, присутствовавший на церемонии подношения подарков в Царском селе, – один из вероятных руководителей творческой группы буддийских художников – авторов и исполнителей данного произведения искусства. Монахи-художники не подписывали свои произведения, основываясь на своем буддийском мировоззре-

нии, т.к. исторически сложившаяся традиция была связана с образами художников-монахов, чьи способности, умения и знания посвящались Учению. Большинство шедевров буддийской живописи, скульптуры и декоративно-прикладного искусства известны современному зрителю как произведения неизвестных мастеров.

Факт изучения этого произведения искусства и сохранения его в музейном фонде является ярким подтверждением правоты высказываний художника Киирба Бадакова о том, что калмыцкие мастера были искусными ювелирами и резчиками по дереву [ПМА: Васькин].

В настоящее время тронное кресло императрицы Александры Федоровны можно увидеть в Омском областном музее изобразительных искусств имени М.А. Врубеля, в отдельной стеклянной витрине, в экспозиции выставочного проекта «12 стульев из дворца, или В поисках сокровищ русской аристократии». Проект был осуществлен в рамках программы «Меняющийся музей в меняющемся мире». Научные сотрудники Омского музея сожалеют о том, что до нынешнего момента не удалось отыскать местонахождение второго кресла – трона. Поиски в фондах музеев Новосибирска, Иркутска, Красноярска остались без результата.

Необходимость точной атрибуции тронного кресла сохраняется до сегодняшнего момента, потому что существуют различные данные выставочных каталогов многочисленных музейных проектов, где записано место происхождения этого произведения – Китай или зафиксированное под сомнением – Россия (?), или Мастер Я.Ф.

Учитывая сравнительно небольшое число сохранившихся дореволюционных произведений декоративно-прикладного искусства Калмыкии, тронное кресло императрицы Александры Федоровны работы калмыцких мастеров является настоящим шедевром и объектом дальнейшего исследования историков и искусствоведов.

Источники:

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Полевые материалы автора. Информант Г.С. Васькин, 1925 г.р., записано в г Элиста, Республика Калмыкия в июнь 2006 г.

Литература:

Бакаева Э.П. История одного визита // Восточная коллекция. 2005. № 4(23). С. 14–16.

Батырева С.Г. Старокалмыцкое искусство XVII – начала XX вв. Опыт историко-культурной реконструкции. М.: Наука, 2005. 144 с.

Бир Р. Энциклопедия тибетских символов и орнаментов / пер. с англ. Л. Бубенковой. М.: Ориенталия, 2011. 428 с.

Васькин В.С. Зов родного края. Элиста, 2014. 250 с.

Глазов И.А. Декоративно-прикладное искусство // Омский областной Музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля. Альбом. Омск: ООМИИ им. М.А. Врубеля, 2011. 264 с.

Глазов И.А. Неизвестные сокровища Романовых. Каталог коллекции. Омск: ООМИИ им. М.А. Врубеля, 2013. 48 с.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Лев // Мифы народов мира. Т. II. М., 1982. 720 с

Мяль Л.Э. Ваджра // Мифы народов мира. Т. I. М., 1982. 720 с

Мяль Л.Э. Наги // Мифы народов мира. Т. II. М., 1982. 720 с.

Рерих Ю.Н. Тибетская живопись / пер. с англ. А.Л. Барковой. М.: Международный центр Рерихов, 2001. 216 с.

Руднев А.Д. Заметки о технике буддийской иконографии у современных зурачинов Урги, Забайкалья и Астраханской губернии. Сборник МАЭ. [Т. I]. Вып. V. СПб., 1905. 15 с.

Спирина И.В. Царское Село – Омск. Исторические судьбы коллекций // Четвертая Царскосельская научная конференция. Александровский дворец. История. Владельцы. Коллекции. СПб., 1998. 59 с.

Спирина И.В. Тронное кресло: история, архивы, гипотезы // Декабрьские диалоги. Вып. 7. Материалы Всероссийской научной конференции памяти Ф.Б. Милехина. ООМИИ им. М.А. Врубеля. Омск: Наука, 2005. 290 с.

Топоров В.Н. Макара // Мифы народов мира. Т. II. М., 1982. 720 с.

Трошин И.И. О калмыцком народном искусстве. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1967. 67 с.

Федорова М.В. История комплектования калмыцких коллекций Российского этнографического музея // Международный симпозиум, посвященный 400-летию со дня рождения основателя ойратской письменности «тодо бичиг» («ясное письмо») Зая-пандиты и 390-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России. Тезисы докладов и сообщений. Часть 2. Элиста: КИГИ РАН, 1999. С. 118–119.

Церенов В.З. Бессмертное творение Кирба Бадакова // Аргументы Калмыкии. 2013. 23 августа. № 25–28.

УДК 94(47)

ОТ НОМАДА К ГОРОЖАНИНУ: ПРЕОБРАЖЕНИЕ РОССИЙСКИХ КАЛМЫКОВ

Четырова Л.Б.¹

¹доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королева (г. Самара).

E-mail: chetyrova@gmail.com

Аннотация: В статье осуществляется попытка проследить особенности трансформаций, происходивших в процессе перехода калмыков-кочевников в оседлых жителей городов и сел.

Ключевые слова: ойраты, калмыки, кочевники, отходничество, оседлое население, трансформации.

Войдя в начале XVII в. состав Московского государства (ставшего основной расширявшейся территории Российской империи), ойратские группы, большую часть которых составляли торгуты, оказались в совершенно иных условиях, чем оставшиеся в Центральной Азии ойраты. В течение первого столетия своего пребывания в пределах Русского государства торгуты и дербеты (ойратские группы, составившие впоследствии основу калмыков) нашли себе место в полосе южного фронта – пограничной зоне, в которой осуществлялись разнообразные события, участниками которых были самые разные акторы. К ним относились представители русской власти (с ее войсками); оседло живущие этнические группы Урало-Поволжья; кочевники, прежде всего ногайцы и казахи (в русских источниках называвшиеся киргиз-кайсаками) и, наконец, пришедшие сюда ойраты.

В тот период для русской администрации и подданных Московского государства калмыки, если говорить в терминах феноменологии чужого, имели статус «Чужака». «Чужак» – это тот, чей социокультурный опыт определяется через отсутствие и несовпадение в чем-то общем. Или, говоря иначе, «чужое» – это то, что всегда отсутствует и полагается, как отсутствующее. А это означает, что с «Чужаком» нельзя разделить ни прошлое, ни настоящее, ни будущее. «Чужак» отрицает любую возможность установления с ним каких-либо отношений [Пахолова 2015: 92–93].

Со временем, начиная с середины XVII в., возникают отношения символического обмена между ойрат-калмыками и русскими. А это означало трансформацию «Чужака» в «Другого» и постепенное превраще-

ние в «Своего». Поворотным моментом в этом процессе стала реализация созданного Петром Великим имперского проекта, в котором калмыки приняли самое деятельное участие. Создавая государство-империю, инициаторы и исполнители проекта сформировали тем самым матрицу, в которой в дальнейшем происходило форматирование всех больших и малых этносов будущей Российской империи.

Цель моего доклада заключается в том, чтобы проследить, как происходило преобразование кочевников (ойратов или калмыков) и их превращение в оседлых жителей городов и сел.

Создавая государство-империю путем «мягкой колонизации» и присоединяя к Московскому государству земли, населенные народами различных рас, имеющих самые разные верования, языки и традиции, его устроители понимали необходимость формирования общеимперской идентичности. Нужно было интегрировать народы разных культур в единое тело империи. Важнейшим средством интеграции и формирования общеимперской идентичности в глазах власти выступало вероисповедание, а не язык и культура. Христианизация инородцев в российской национальной и религиозной политике XIX – начала XX вв. рассматривалась как важнейший элемент аккультурации и русификации.

В Калмыцком ханстве в период его управления харизматичным Аюкой-ханом христианизация осуществлялась мягким способом с учетом интересов калмыцкой элиты. Иным способом в тот период христианизация не могла быть осуществлена, учитывая наличие у Калмыцкого ханства сильного и боеспособного войска.

Начавшаяся после кончины Аюки-хана длительная междоусобица ослабила роль Калмыцкого ханства как игрока в политическом пространстве империи. Кроме того, помогая имперской власти укреплять раздвигающиеся границы империи, т.е. способствуя миграции кочевников с исконно занимаемых ими земель, калмыки тем самым подрывали основы своего собственного бытия кочевников. Обретенные империей земли, например, на Кубани, заселялись русским земледельческим населением. Постепенно сокращалась территория кочевания самих ойрат-калмыков. Если в начале XVII в. они кочевали на обширных территориях от Самары до Северного Прикаспия и от Урала до Дона, то ко времени правления Убаши-хана территория кочевания заметно уменьшилась. Кроме того, что сокращалась территория кочевания, под угрозой оказалось само существование калмыцкой автономии, право на которую было отвоевано в результате сложных игр политических элит русского государства и калмыков. Болезненно переживаемая еще ханом Дондук-Даши постепенная утрата автономии ханства в конце концов побудила его сына Убаши-хана решиться на дерзкий с точки зрения имперской власти поступок – выход из состава империи и возвращение в места былой славы ойратов – Джунгарию. С этого момента пути ойратов, оставшихся в

России, и ойратов, пришедших в Цинский Китай, разошлись. Две части ойрат-калмыцкого народа, существуя в совершенно различных культурных, экономических и политических условиях, со временем стали отличными друг от друга этническими группами. Имперская матрица, в которой происходило форматирование калмыков в России, отличалась от той, в которой происходило форматирование синьцзянских ойратов.

Собственно говоря, калмыки как современный этнос сложились из оставшихся в России этнических групп торгутов, дербетов, хошутов и других ойратских групп. На мой взгляд, начало процесса формирования калмыцкого этноса – самоликвидация Калмыцкого ханства, а завершение – создание советской калмыцкой автономии. В этом процессе первоначально играли значимую роль три фактора. Во-первых, политико-управленческий. Самоликвидация Калмыцкого ханства в результате ухода Убаши-хана с подданными в Китай означала полное разрушение сложившейся в ханстве системы управления. Созданная имперской властью новая структура управления калмыками оставила им лишь малую часть прежних управленческих функций. Калмыками стали управлять русские чиновники. Во-вторых, экономический фактор – аграрное развитие территорий, занимаемых калмыками, и связанное с ним наступление русского крестьянства на калмыцкие земли привели к обнищанию калмыков и широкому распространению среди них отходничества. В-третьих, фактор межкультурной коммуникации. Все чаще сталкиваясь с русской культурой, калмыки, в особенности донские, став казаками и, перейдя к оседлому образу жизни, усваивали ее нормы, коды, практики.

Остановимся более подробно на этих факторах.

Управление калмыками в Калмыцкой степи после 1771 года осуществляли чиновники имперской администрации, а порядок поддерживали урядники [Бирюков 1911: 496, 512–514]. Калмыками стали управлять не-калмыки. Далее, опасаясь возможного побега калмыков в Джунгарию, имперская власть отнюдь не была заинтересована в том, чтобы в степи находились вооруженные калмыки. Будучи вооруженными, они могли в любой момент стать иррегулярным войском и повернуть свое оружие туда, куда они сочли бы нужным. Это относилось к астраханским калмыкам. Донские калмыки, приписанные к Войску Донскому, а, значит, вошедшие в его структуру, находились под более жестким контролем.

Астраханские калмыки оказались в иной ситуации. До 1860 года все калмыцкие улусы (за исключением нескольких локальных групп калмыков) находились в ведении Астраханской губернии. В 1860 году Большедербетовский улус и южная часть Малодербетовского улуса были переданы в ведение Ставропольской губернии [Бирюков 1911: 514–516]. После войны 1812 года и заграничных походов, в которых астраханские калмыки показали себя как воины с самой лучшей стороны, они более не привлекались к несению военной службы. Очень небольшое их число не-

сло кордонную службу в Астраханском казачьем войске [Бирюков 1911: 490, 513]. Вместе с утратой оружия калмыки постепенно утрачивали воинский этос. Воин переставал быть таковым...

Увеличение на Нижней Волге, Дону, Прикаспии численности русского населения, нуждавшегося в сельскохозяйственных угодьях, приводило к сокращению калмыцких земель. Переселенцы захватывали калмыцкие земли. Потребность в земле переселенцев удовлетворялась отчасти сдачей калмыками земли в аренду. Но, сдавая свои земли в аренду, часто на невыгодных условиях, калмыки разорвались.

Скотоводство всегда было рискованным типом хозяйственной деятельности. Природные катаклизмы, эпизоотии периодически разоряли калмыков. Это стало причиной массового найма калмыков на сезонные работы в рыбной и соледобывающей промышленности. По мнению К.И. Костенкова, калмыки стали наниматься на рыбные промыслы после 1798 г., когда массовая гибель скота заставила их искать новые источники существования. Единственно возможным способом прокормить семью был найм к русским предпринимателям на рыбные и солеломные промыслы. По его подсчетам, в 1868 году число калмыков, занятых на рыбных промыслах, составляло до 10 тысяч. Общее число калмыков, занятых в рыбной и соледобывающей промышленности, прокладке фарватера, составляло 20 тыс. человек или 2/3 всех трудоспособных калмыков. Он заключает, что калмыки составляли «главную рабочую силу в здешнем крае» [Костенков 1868: 141–147]. В 1842 г. 8258 калмыков были заняты в рыбной промышленности, а 1307 человек – на добыче соли. Статистические данные говорят о том, что в 1892 г. на 13 рыбных промыслах было занято 7639 калмыков [Очиров 2008: 203]. Сезонность характера работ позволяла калмыкам-отходникам сочетать скотоводство с наймом на работы. Доход, который калмыки получали в результате найма, был невелик. Так, в 1843 г. 9720 калмыков, нанявшихся на рыбные промыслы и солеломные работы, заработали 60 тысяч рублей, а в 1844 г. – 85 тысяч рублей [Бюлер 1846: 98].

Отходничество вело к росту контактов калмыков с русскими и знакомству с городской культурой. Несомненно, влияние русского окружения на калмыков было позитивным в части обретения ими приемов домоводства, усвоения гигиенических практик. Однако нельзя забывать о негативном влиянии городской культуры и приобретаемых в результате пороков – пьянства, азартных игр и т.п.

Карточная игра и пьянство становились со временем бичом для некоторых калмыков. Игра в карты приводила не только к разорению, но и к дракам, воровству, грабёжам. В обязанности попечителей входило следить за тем, чтобы калмыки не пристрастились бы к игре. В результате некоторые калмыки-отходники, славившиеся своей выносливостью и трудолюбием, вместо того, чтобы поднять уровень благосостояния в

семье, разорялись еще больше. Анализируя этот феномен, В. Батыров пишет, что карточная игра и ее негативные следствия являются знаком глубинных изменений, происходивших в калмыцком обществе – рушился патриархальный уклад жизни, а с ним те ценности, которыми калмыки руководствовались. Ментальность калмыков менялась. В сознании калмыков ценность имущества не была высокой, что объясняется, по мнению В. Батырова, рискованностью экстенсивного скотоводства. Скот – главное калмыцкое богатство – можно потерять в одночасье из-за природных катаклизмов. Калмыцкая пословица очень хорошо выражает этот риск: «Богатство – до первого бурана, богатырь – до первой пули» [Батыров 2014: 166–187]. Исследователь считает, что подобное отношение к имуществу и богатству не противоречило принципам буддизма. Важнейший принцип буддизма – непостоянство всего сущего – формировал ту рамку, через которую калмык смотрел на перипетии своей жизни. С той же легкостью, с которой калмык принимал утрату скота / богатства от бурана, калмык-отходник взирал на карточный проигрыш и потерю денег.

На мой взгляд, карточная игра была знаком маргинализации среди представителей калмыцкого общества, которые занимались отходничеством. Всякая же маргинализация характеризуется сломом прежней структуры ценностей, формированием новой и, в конечном итоге, ведет к изменению ментальности. Публицист В.И. Немирович-Данченко, придерживавшийся революционно-демократических взглядов, писал о калмыках следующее: «Смелые и вольнолюбивые калмыки обратились в жалких париев, обобранных нойонами, ограбленных гелюнами, и раздавленных, насколько это возможно, русскими властями. Тип калмыка теперь – это общий тип приниженного раба. Говоря с вами, он робко опускает глаза. Ежится как-то, словно старается и ростом стать ниже. Он как бы постоянно чувствует себя виноватым» [Немирович-Данченко 1877: 336].

Тысячелетняя история кочевников-калмыков отпечаталась в их теле – в форме ног, строении тела в целом. Сетуя на тяжелую жизнь калмыков, Огородников с большой симпатией пишет о них: «Жизнь их очень тяжела... А всмотритесь в этого коренастого, с выгнутыми от езды ногами, калмыка – вот с кого олицетворить бы дикую силу, истязаемую плетью мачехи-судьбы!.. Он здесь в городе ежится, не смел, а посмотрите на него в степи, когда он вихрем мчится на диком коне, – вам кажется, что он прирос к нему!» [Огородников 1878: 42–43]. Калмык и его конь представляли собой единое целое. Слезая с коня, калмык, как отмечали многие этнографы, двигался пешком не очень уверенно. Многие писавшие о калмыках, характеризуя их, указывают на смирение, неприхотливость и привычку к лишениям. «Сошедшие с коня», неуверенно стоящие на земле, попав в иную среду, не владеющие хорошо русским

языком, почитающие власть в любых ее проявлениях калмыки производили впечатление робких и приниженных людей. Кроме того, для калмыков-буддистов ложь и злословие были одними из 10 грехов. Следуя в своем поведении нормам буддийской морали, калмыки выглядели в глазах других простодушными, доверчивыми людьми, которых легко обмануть. Таким был образ калмыка, приходящего наниматься на работы в русские города и поселения.

Маргинализация калмыков размывала их традиционный уклад жизни, влияла на социальную структуру калмыцкого общества, вносила изменения в привычные социальные институты – институт семьи, например. В конечном итоге менялась структура ценностей калмыков-отходников, менялся их менталитет.

Имперская Россия была не в состоянии осуществить полномасштабную модернизацию общества. Если взять астраханских калмыков, то политика имперской администрации, с одной стороны, способствовала консервации их кочевого образа жизни. С другой, вела их к маргинализации и люмпенизации. Нельзя сказать, что имперская власть не предпринимала никаких шагов, пытаясь модернизировать жизнь кочевников, однако особого успеха ее действия не имели.

Радикальные изменения в российском обществе наступили после Великой Российской революции, столетие которой отмечается в 2017 году. Созданная большевиками машина модернизации оказалась весьма эффективной. В короткие сроки было проведено обобществление средств производства, созданы промышленность и социалистическое сельское хозяйство, успешно реализована культурная революция, преобразившая духовную жизнь калмыцкого общества. Наконец-то была ликвидирована неграмотность, и со временем калмыки стали одной из самых образованных наций России, опережая по показателю наличия высшего образования многие другие российские народы.

Успешно проведенное национально-государственное строительство, важную роль в которой играла политика коренизации, предоставило калмыкам государственность – советскую социалистическую автономную республику. Калмыки вновь стали управлять калмыками. Самое же главное, процессы маргинализации и люмпенизации калмыцкого населения, начавшиеся в позднеимперский период, остановились.

Калмыки перешли к оседлому образу жизни. Правда, отказу калмыков от кочевого образа жизни предшествовал крах скотоводческой экономики. В результате двух революций и гражданской войны калмыки потеряли до двух третей скота. Перед советской властью встал вопрос о вымирании калмыков. Потеряв скот – свое богатство, калмыки уже не могли вести прежний кочевой образ жизни. Все это облегчило советской власти успешно реализовать политику «обоседления» – переход к оседлому образу жизни калмыков. По данным областного статистического

бюро, в 1926 году 63 % хозяйств были скотоводческими, 19 % – ловецкими, 18% – земледельческими. Для нормальной жизни на семью скотовода-калмыка требовалось от 15 до 30 голов скота. Но таких хозяйств среди калмыков было всего 6 % [Лебединский 1927: 134]. В остальных хозяйствах – по 2–3 коровы и пять овец. Выжить в этой ситуации калмыки могли, лишь сменив скотоводческий образ жизни на оседлый. В 1926 году была разработана программа по «обоседлению» – переводу на оседлый образ жизни. В соответствии с этой программой, к 1930–31 году в Приволжском улусе 661 кибиток подлежали «обоседлению», т.е. переводу на оседлый образ жизни. В 1926 году таких семей было 15, каждая из которых получила по 925 рублей на обоседление [Первое 1926: 269].

В ранний советский период главной целью большевиков была модернизация общества, преобразование всех его сторон на рациональных основах. Большевики хотели построить справедливое общество, свободное от эксплуатации, где все были бы равны независимо от классовой и сословной принадлежности, а братство народов стало бы реальностью. Материально-техническую базу этого общества составляет промышленность, политическую форму – государство диктатуры пролетариата. Для того, чтобы реализовать цели строительства социализма, нужен был новый человек – грамотный, принявший и усвоивший новую идеологию. Иначе говоря, в строительстве основ социализма выделяются три главных направления: модернизация экономики, партийно-государственное строительство, культурная революция.

Как и всякое общество модерна, советское общество было дисциплинарным. Однако в советском обществе дисциплинарные практики осуществлялись тоталитарными методами. Государство контролировало все стороны жизни граждан. Малейшие признаки нелояльности граждан запускали карательный механизм, действовавший с небывалой жестокостью. Тому пример – депортация калмыков в Сибирь, послужившая также назиданием и уроком для других советских народов. Так формировались послушание и дисциплина граждан советского общества. Другими словами, сформировав новую социалистическую нацию, способную функционировать в рационально устроенном советском обществе, тоталитарное государство контролировало и жестко пресекало любые отступления от заведенного им порядка.

Советская часть истории Калмыкии, судьба калмыцкого народа наглядно демонстрируют все положительные и негативные эффекты советской модернизации, проводимой тоталитарным государством.

Подводя итоги, следует сказать, что четырехсотлетний опыт пребывания ойрат-калмыков на российских землях является опытом преобразования кочевников-калмыков в оседлых жителей городов и сел. Добровольно войдя в состав Российского государства и переживая все его трансформации: царскую империю, советскую империю наций, постсоветское государство, – калмыки находились в ситуации непрерывных

изменений. Если взять современных калмыков-торгутов, например, то с точки зрения физической антропологии, вероятно, можно найти у них еще общее с теми, кто пришел когда-то на Волгу с Хо-Урлюком. Но с точки зрения социальной антропологии существует дистанция огромного размера не только между ними, но и синьцзянскими торгутами.

Литература:

Батыров В.В. Очерки истории традиционной культуры калмыков последней трети XVIII – первой половины XIX вв. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С.166–187.

Бирюков И.А. История Астраханского казачьего войска. В 3 томах. Часть III. Изд-во: Саратов, тип. лит. П. С. Феокритова, 1911. Т.1. 745 с. Т.2. 1051 с. Т.3. 2269 с.

Бюлер Ф. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт // Отечественные записки. 1846. Т. 47. С. 98.

Костенков К.И. Калмыцкая степь Астраханской губернии. По исследованиям Кумо-Маньчской экспедиции. СПб.: Издание Министерства государственных имуществ, 1868. С. 141–147.

Лебединский А. К вопросу о вымирании калмыков // Калмыцкая степь. 1927. № 1–2. С. 133-134.

Немирович-Данченко В.И. По Волге. (Очерки и впечатления летней поездки). СПб.: Л.И.Тузов, 1877. XII, 404 с.

Огородников П. На пути в Персию. Прикаспийские провинции ее. СПб.: Тип. М.И. Попова, 1878. С. 42–43.

Очиров А.В. Развитие торговли, ремесла, рыболовства и соледобычи в Калмыцкой степи после 1892 г. // Известия Алтайского университета. 2008. Вып. 3–4. С. 203–204.

Пахолова И.В. От «чужака» к «другому»: проблема взаимодействия сообществ в феноменологии «чужого» // Аспирантский вестник Поволжья. 2015. № 7–8. С. 90–94.

Первое областное совещание земельных работников // Калмыцкая степь. 1926. № 2–3 (4–5). С. 269.

УДК 8(091)

БЕЛОРУССКО-КАЛМЫЦКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ: ФИЛИПП ПЕСТРАК И МАКСИМ ТАНК В СЕНТЯБРЕ 1940 г.

Ханинова Р.М.¹

¹кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела монгольской филологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста).

E-mail: khaninova@bk.ru

Аннотация: В статье рассматриваются белорусско-калмыцкие литературные контакты – участие поэтов Филиппа Пестрака и Максима Танка в праздновании 500-летия эпоса «Джангар» в сентябре 1940 г. в Элисте.

Ключевые слова: белорусско-калмыцкие литературные контакты, 500-летие эпоса «Джангар», сентябрь 1940 г.

Белорусско-калмыцкие литературные связи имеют давнюю историю. Одна из этих страниц связана с двумя именами белорусских писателей – Филиппа Пестрака и Максима Танка, приглашенными на юбилей калмыцкого эпоса «Джангар».

В сентябре 1940 г. советская страна отмечала 500-летие калмыцкого героического эпоса «Джангар». К этому юбилею эпос был издан на калмыцком языке и в русском переводе Семена Липкина.

Юбилейные торжества состоялись в Элисте – столице Калмыцкой АССР. 6 сентября в Калмыцком государственном театре прошло торжественное заседание, в котором приняли участие государственные и партийные деятели, представители творческих союзов и общественности республики, а также гости. В рамках юбилейных торжеств с 7 по 9 сентября в летнем театре Элисты был проведен выездной VIII пленум Правления Союза писателей СССР.

Писатели совершили несколько экскурсионных поездок по республике, на городском ипподроме увидели скачки, джигитовку, национальную борьбу, встретились с читателями. Как писала газета «Ленинский путь», «на джангаровские торжества в Элисту приехали крупнейшие писатели и поэты страны, представители братских республик. <...> Среди прибывших делегатов тт. А.А. Фадеев – ответственный секретарь Президиума Союза советских писателей СССР, председатель всесоюзного юбилейного комитета по празднованию “Джангара”,

П.А. Павленко – дважды орденоседец, участник боев с белофиннами, писательница-орденоседец А. Караваева, известный писатель-орденоседец А. Новиков-Прибой, писатель-орденоседец В.Б. Шкловский, профессор, литературовед-критик В.Я. Кирпотин, академик Ю.М. Соколов, писатели А.С. Яковлев, В.Г. Лидин, С.Г. Гехт, Лев Пасынков, Н.Н. Шпанов, Когин, поэт-орденоседец И.Л. Сельвинский, орденоседец-поэтесса Вера Инбер, поэтесса В.К. Звягинцева, поэт И.Л. Френкель, литераторы К.Л. Зелинский, А. Эрлих, детский писатель Б. Ивантер, редактор альманаха “Дружба народов” А.Д. Деев, переводчик “Джангара” Семен Липкин и др.

От литературной общественности города Ленинграда участвует группа поэтов и писателей, в числе которой тт. Чивилихин, Шефнер, Гитович, Лозин, Бармин, Решетов и др.

Для участия на юбилейных торжествах прибыли и писатели братских республик. Из западных областей Белоруссии поэты – Филипп Пестрак и Максим Танк. <...>» [Участники 1940: 3].

Филипп Семенович Пестрак (1903–1978) публиковался как Пилип Пестрак, был одним из активных деятелей национально-освободительного движения в Западной Белоруссии, позднее лауреат Государственной литературной премии БССР имени Якуба Коласа (1964), Заслуженный деятель БССР (1968). В 1939 г. он был принят в Союз писателей СССР.

Калмыцкий писатель Аксен Сусеев (1905–1995) представил одного из белорусских гостей на странице газеты «Ленинский путь» 6 сентября 1940 г. «Филипп Семенович Пестрак – член Полномочной Комиссии Народного Собрания Западной Белоруссии, ныне депутат Верховного Совета СССР, приехал к нам, в Калмыкию, из города Гродно. В период господства польских панов Филиппу Семеновичу пришлось работать в глубоком подполье, в числе беззаветно преданных сынов белорусского народа бороться во имя освобождения своей родины от ига польских панов. Незабываемый поход нашей доблестной Красной Армии принес народам Западной Белоруссии и Западной Украины свободу и счастье, освободил т. Пестрака из польских тюремных заключений.

Народ любит этого человека. Он был послан в Москву как член Полномочной Комиссии Народного Собрания. Он вез просьбу народов Западной Белоруссии принять их в великую семью народов СССР. После выполнения этого поручения народ избирает его депутатом великого социалистического парламента.

И вот этот депутат, революционер, писатель Филипп Семенович Пестрак приехал к нам на народные торжества. Это говорит о том, что наш героический эпос “Джангар” стал достоянием всех народов СССР.

– “Джангар” читают и любят у нас в Белоруссии, – говорит т. Пестрак, – “Джангар” считается у нас, как одно из величайших творений ми-

ровой поэзии всех культур, всех времен и всех народов мира. “Джангар” нисколько не уступает “Илиаде” и “Одиссее” Гомера. “Джангар” – это яркое создание культуры калмыцкого народа» [Сусеев 1940: 3].

Ф.С. Пестрак, как и другие гости, смог увидеть и услышать калмыцкое народное искусство, когда 5 сентября в Калмыцком государственном театре был дан концерт коллективов колхозной художественной самодеятельности Долбанского и Черноземельского улусов [Концерт 1940: 3].

На заседаниях пленума Правления Союза писателей СССР прозвучали доклады академика Ю. Соколова, профессора В. Кирпотина, выступление поэта Семена Липкина о своей работе над переводом народной эпopeи, отрывки из эпоса в исполнении джангарчи Мукебена Басангова и джангарчи Давы Шавалиева.

«С переводами стихов “Джангариады” на языки братских народов выступили на пленуме грузинский поэт Карло Коладзе, армянский поэт Мкртыч Корюн и украинский поэт Е. Фомин» [Вчера 1940: 2].

Под впечатлением знакомства со степной республикой, ее народом и культурой белорусский писатель Ф. Пестрак сравнил трудный путь родной литературы с новым временем, выразил восхищение национальным эпосом калмыков. Его заметка в газете «Ленинский путь» была озаглавлена «Чудное творение».

«Тяжел и тернист был путь белорусской литературы в бывшей Западной Белоруссии.

Народные массы в борьбе с панским произволом выделяли из своей среды народных поэтов-самородков. В тяжелых условиях создалась и литературно оформилась небольшая группа литераторов. Все они поэты, хоть некоторые из них могут писать и прозой, на что в Западной Белоруссии не было возможности, ибо все литературные силы преследовались панским режимом, бросались в тюрьмы на долгие годы. Понятно, что при таких условиях проза развиваться не могла. Поэт творил на ходу, бросая в народ наболевшие строфы.

Одним из таких поэтов являюсь я. Половина моих стихов и, нужно сказать, лучших стихов написана в тюрьме, без бумаги, без пера, без чернил. Они писались, как мы когда-то говорили в тюрьмах, “сердцем на мозгах”.

До 1931 года существовали в тюрьме кое-какие права, завоеванные политзаключенными при помощи рабочего класса. Были тетради, письменные принадлежности, книги, но потом было все отобрано, и положение ухудшалось с каждым годом, с каждым днем.

Я в памяти вынес из тюрьмы около 70 стихотворений. По выходе из тюрьмы, после освобождения, я при помощи Союза писателей Белоруссии привел их в порядок. И вот скоро к 17-му сентября – ко дню освобождения Западной Белоруссии – выйдет в свет моя первая книга стихов» [Пестрак 1940а: 2].

В 1940 г. была издана его дебютная книга стихотворений «На варце» («На страже»).

Ф. Пестрак представил читателям газеты своего младшего земляка: «В теперешней делегации присутствует и другой белорусский поэт Максим Танк. В счастливой Советской стране, где высоко ценится всякое искусство и благотворный труд литератора и вообще работника искусства, поэты, писатели, художники имеют широкие возможности для своей работы.

Не так было у нас. Трудящиеся Западной Белоруссии тайно собирали средства на издание стихов Максима Танка. Максим Танк был осчастливлен только тем, что его прекрасные стихи так или иначе становились достоянием трудящихся своей страны.

Освобожденные трудящиеся Западной Белоруссии уже год как живут, строят, развиваются под счастливой звездой сталинской Конституции. Они включились в великую семью народов Советского Союза и теперь прислали нас к вам, к свободному калмыцкому народу, чтобы отметить чудное, пышное творение калмыцкого народа, отметить 500-летие калмыцкого народного эпоса “Джангар” – одного из величайших произведений поэзии всех культур, всех времен, всех народов мира» [Пестрак 1940а: 2].

«Широки и просторны калмыцкие степи. Я их вижу первый раз в жизни. И глядя на них, я понимаю, почему у калмыцкого народа создан такой “Джангар”. В таких степях только и родиться и расти богатырям.

О калмыцком народе я знал только из географии царского времени. И глядя теперь, можно каждому наибольшему неверующему убедиться, что значит социализм, что значит раскрепощение народов от векового ярма, что значит ленинско-сталинская политика», – отметил писатель в духе того времени [Пестрак 1940а: 2].

«Калмыцкий народ из кочевого стал оседлым за такой короткий период времени и по пути социализма приобрел такие замечательные достижения. Город Элиста и колхозы. По лицам детей и взрослых видно, что народ очень доволен своей жизнью, что он охотно и быстро приобретает достижения передовой человеческой культуры.

Глядя на выступление самодеятельности калмыцкой молодежи, я получил колоссальное удовольствие, я видел и чувствовал калмыцкий народ, его душу, его историю.

Пышные мечты калмыцкого народа, воспетые в “Джангаре”, сбылись. Пришел Джангар – пришел Ленин – Сталин, компартия и освободили все народы, сняли с них “срам неволи, ярма”. Будущее калмыцкого народа велико и богато, как широки и богаты эти степи», – заключил Ф. Пестрак [Пестрак 1940а: 2].

На закрытии VIII пленума Правления Союза писателей СССР 9 сентября выступил второй гость из Белоруссии.

«Свое приветствие в стихах и отрывки из народного эпоса при глубоко всем внимании прочел на родном языке поэт западных областей Белоруссии комсомолец Максим Танк», – сообщалось в газетной заметке [Закрылся 1940: 1].

Максим Танк, литературный псевдоним Евгения Ивановича Скурко (1912–1995), также впервые посетил Калмыкию. В то время ему было 28 лет. Позднее он стал лауреатом Сталинской, Ленинской премий (1948, 1978), Государственной премии БССР имени Янки Купалы (1966), академиком АН БССР (1972), Героем Социалистического труда (1974).

По газетной публикации того времени не очень понятно, о чем шла речь, когда упоминалось, что М. Танк прочел отрывки из народного эпоса на родном языке. Значит ли это, что за несколько дней молодой поэт перевел с русского на белорусский язык какие-то фрагменты из калмыцкого эпоса? Сохранилось ли его приветствие в стихах участникам юбилейных мероприятий? На эти вопросы пока у нас нет ответов.

11 сентября гости выехали на станцию Дивное, чтобы оттуда разъехаться по городам и республикам.

Писатели, участники юбилейных торжеств, сочинили коллективное послание в стихах И. Сталину под названием «Клятва Сталину». Об этом на заключительном заседании пленума объявил поэт Семен Липкин. «Благоговейно зачитывает С. Липкин пламенные слова этой богатырской клятвы инженеров человеческих душ:

Именем Ленина будем весь мир пробуждать,
Именем Сталина будем в боях побеждать!

Вносится и единогласно принимается предложение о том, что эту клятву считать принятой от имени всех писателей, всех участников юбилейного пленума» [Закрылся 1940: 1].

После текста клятвы в газетной публикации следует пояснение: «Клятву изложили в стихах народные певцы, джангарчи и поэты Калмыкии, Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Казахстана, Узбекистана, Карело-Финской ССР, Татарии, Бурят-Монголии, Чувашии, Крыма, Чечено-Ингушетии, Мордовии, Юго-Осетии, Удмуртии, Республики немцев Поволжья, Архангельска, Горького, Смоленска. Перевели С. Липкин и И. Френкель» [Клятва 1940: 1].

Не очень понятно, с какого языка переведен был текст клятвы московскими поэтами Семеном Израилевичем Липкиным (1911–2003) и Ильей Львовичем Френкелем (1903–1994), скорее всего, они написали ее от имени литературного сообщества. Клятва написана в виде двадцати одного двустишия и подписана: «VIII юбилейный пленум Союза советских писателей СССР» [Клятва 1940: 1].

В «Клятве Сталину», в частности, перефразирована клятва богатырей из эпоса «Джангар»:

«Здесь, на калмыцкой земле, на пиру круговом
Богатырю исполинов мы клятву даем:

Да отрешимся от зависти, от похвальбы,
От затаенной вражды, от измен, от алчбы,

Груди свои обнажим и вынем сердца
И за народ отдадим нашу кровь до конца.

Будем едины – мы вырастем ввысь и вширь,
Ибо всегда единение – богатырь.

Пусть наша дружба народов-богатырей
Будет сильнее булата и шире морей.

Пусть на земле возвышается наша страна,
Неугасающим солнцем озарена.

И да прославится в песнях навеки веков
Партия мужества, партия большевиков.

Именем Ленина будем весь мир пробуждать,
Именем Сталина будем в боях побеждать!»

[Клятва 1940: 1].

15 сентября 1940 г. в газете «Ленинский путь» было опубликовано стихотворение М. Танка «Пусть шумит твоя жизнь, как победное знамя» в русском переводе Ал. Шарапова [Танк 1940: 2]. Это здравица в честь вождя всех народов СССР Сталина к годовщине освобождения народов Западной Белоруссии:

«От раскованной нашей земли и от рек многоводных,
Где колышется синее небо вокруг,
От людей, что дождались желанной свободы –
Шлем привет свой тебе, наш учитель и друг!
Шлем от сердца привет Карталинии славной,
Воспитавшей орла на вершинах своих.
О тебе говорят наши струны-цимбалы,
Озаренные ласкою взоров твоих.
В дни невзгод, когда в горе и мраке брели мы,
И в награду за труд наживали горбы, –
Было светочем нам твое гордое имя,
Было факелом, кличем призывной борьбы!
Ты внимал нашей песне, закалял ее крылья.
И она не блуждала, находила свой шлях,
Сквозь тюремные стены, решетки насилья

Прорывалась к тебе, к ясным звездам Кремля.
И сегодня, когда мы в содружестве тесном
Многолетней семьею сидим за столом, –
Вместе с родиной нашей – великой, чудесной,
Про тебя мы счастливые песни поем.
Ты внимал нашей песне, закалял на просторах
И ведешь по счастливой дороге народ.
Нашим нивам даешь золотые уборы,
Нашим песням даешь соколиный полет.
Пусть очей твоих солнце сияет над нами,
Чтоб зарею и впредь песня-радость цвела,
Пусть шумит твоя жизнь, как победное знамя,
Над свободной землей, над зубцами Кремля

[Танк 1940: 2].

На той же газетной полосе под общим заглавием «17 сентября – годовщина освобождения народов Западной Украины и Западной Белоруссии» есть несколько статей – «Год под знаменем Советов» Н. Наталеви́ча [Наталеви́ч 1940: 2], Председателя Президиума Верховного Совета БССР, «Расцветает народная культура» академика К. Студинского [Студинский 1940: 2], депутата Верховного Совета СССР, «Армия и народ» Юр. Королькова [Корольков 1940: 2].

Статья Н. Наталеви́ча заканчивалась словами: «В дружной семье народов Советского Союза единый белорусский народ под руководством большевистской партии и великого вождя народов товарища Сталина идет вперед к новым победам, к полному торжеству коммунизма» [Наталеви́ч 1940: 2].

Позднее Максим Танк написал стихотворение «Менде», переведенное на русский язык Яковом Хелемским и опубликованное в газете «Правда» в 1977 г. Менде – калмыцкое приветствие. В этом стихотворении поэт вспомнил о своей давней поездке в калмыцкие степи и выразил надежду встретиться с коллегами.

К сожалению, ему не пришлось вторично посетить своих калмыцких друзей, но дружеские и литературные контакты были возобновлены после Великой Отечественной войны в конце 1950-х гг., когда появились взаимные переводы стихотворений.

Так, Максим Танк перевел стихотворение Михаила Хонинова (1919–1981) «Вось якія беларусы» («Вот какие белорусы» [Ханінаў 1966: 116], а тот, в свою очередь, – несколько стихотворений белорусского друга, в том числе «Өөллт угаһар үүлн уульна» («Без обиды туча плачет») [Танк 1964: 57], «Ааһ» («Пиала») [Танк 1966: 3], «Алеся», «Намтр» («Биография») [Танк 2010: 4].

Переводил стихи Максима Танка и народный поэт Калмыкии Санджи Каляев (1905–1985). Например, «Та нанас сурлат...» («Вы меня

спрашивали...»), «Гешүтэ цагиг моддуд мартж...» («Удрученное время деревья забыли...») [Танк 1963: 42].

17 сентября 1940 г., в день освобождения Красной Армией Западной Белоруссии, газета «Ленинский путь» публикует стихотворение Филиппа Пестрака «Армия Червонная» в русском переводе Михаила Голодного [Пестрак 1940b: 2].

Такими были белорусско-калмыцкие литературные контакты в сентябре 1940 г., когда Филипп Пестрак и Максим Танк приняли участие в торжествах в Элисте по случаю 500-летия калмыцкого героического эпоса «Джангар».

Источники:

Клятва Сталину // Ленинский путь. 1940. 10 сентября. С. 2.

Пестрак 1940b – *Пестрак Ф.* Армия Червонная // Ленинский путь. 1940. 17 сентября. С. 2.

Танк М. Ааһ // Хальмг үнн. 1966. Мартын 6. X. 3.

Танк М. Алеся. Намтр // Хальмг үнн. 2010. Августын 28. X. 4.

Танк М. Өөлт угаһар үүлн уульна // Теегин герл. 1964. № 2. X. 57.

Танк М. Пусть шумит твоя жизнь, как победное знамя // Ленинский путь. – 1940. 15 сентября. С. 2.

Танк М. Та нанас сурлат...; «Гешүтэ цагиг моддуд мартж...» // Теегин герл. – 1963. № 2. X. 42.

Ханінаў М. Вось якія беларусы // Польша. 1966. № 11. С. 116.

Литература:

Вчера на юбилейном пленуме Союза писателей СССР // Ленинский путь. 1940. 9 сентября. С. 2.

Закрылся VIII Пленум Союза советских писателей СССР в г. Элисте // Ленинский путь. 1940. 10 сентября. С. 1.

Концерт для гостей // Ленинский путь. 1940. 7 сентября. С. 3.

Корольков Юр. Армия и народ // Ленинский путь. 1940. 15 сентября. С. 2.

Наталевич Н. Год под знаменем Советов // Ленинский путь. 1940. 15 сентября. С. 2.

Пестрак 1940a – *Пестрак Ф.* Чудное творение // Ленинский путь. 1940. 9 сентября. С. 2.

Студинский К. Расцветает народная культура // Ленинский путь. 1940. 15 сентября. С. 2.

Сусеев А. Наш гость // Ленинский путь. 1940. 6 сентября. С. 3.

Участники юбилейных торжеств // Ленинский путь. 1940. 7 сентября. С. 3.

Сведения об авторах

Бадмаева Екатерина Николаевна – доктор исторических наук, доцент, зам. директора по научной работе Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста)

Белоусов Сергей Степанович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста)

Гунаев Евгений Александрович – кандидат юридических наук, ученый секретарь Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста)

Заярный Сергей Альбертович – независимый исследователь (г. Москва)

Кринко Евгений Федорович – доктор исторических наук, директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук (г. Ростов-н/Дону)

Лиджиева Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, зав. отделом истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста)

Максимов Герман Константинович – соискатель (г. Элиста)

Максимов Константин Николаевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста)

Оконов Баатр Андреевич – младший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста)

Оконова Людмила Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста)

Осмаев Аббаз Догиевич – доктор исторических наук, зам. директора Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, профессор Чеченского государственного университета (г. Грозный)

Очиров Уташ Борисович – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста)

Ряжев Андрей Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник АНО ВО «Поволжский православный институт» (г. Тольятти)

Сангаджиева Дельгр Владимировна – член Ассоциации искусствоведов России (г. Элиста)

Сартикова Евгения Викторовна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста)

Согданова Заяна Геннадьевна – младший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста)

Тепкеев Владимир Толтаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста)

Ханинова Римма Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела монгольской филологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста)

Четырова Любовь Борисовна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королева (г. Самара)

Цуцулаева Сапият Сайпудиновна – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»(г. Грозный)

Научный журнал

**Magna adsurgit:
historia studiorum**

Великая степь:
исторические исследования

2017, №1

Компьютерная верстка *Д. В. Татнинов*

Подписано в печать 01.09.2017. Формат 70x100/16.

Тираж 300 экз. Заказ 05-17. Цена свободная.

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Отпечатано в КалмНЦ РАН.

Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8